

U $\frac{359}{76}$

У ³⁵²/₇₆
Александръ Ивановичъ

2 ЛЕВИТОВЪ.

~~~~~*

Ф. Д. Нефедова.

◆
МОСКВА.

Московская Городская Типографія. Тверская, Гиздинковскій пер., соб. дочъ.

1884.

У $\frac{359}{76}$

Александръ Ивановичъ

ЛЕВИТОВЪ.

~~~~~*

Ф. Д. Нефедова.

21-00000

◆

МОСКВА.

Московская Городская Типографія. Тверская, Гнѣздииковскій пер., соб. домъ.

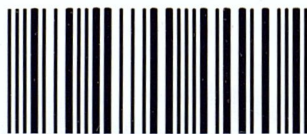
1884.

49889-45

49889-45

2007054456

Имя А. И. Левитова извѣстно русской читающей публикѣ. Его литературныя произведенія, печатавшіяся сперва въ нашихъ журналахъ и газетахъ (съ 1861 г. по 1879 г.), издавались и выходили потомъ сборниками, подъ разными заглавіями. Такъ, въ 1865 и 1867 гг. были изданы «Степные очерки» въ трехъ небольшихъ томикахъ (изд. Генкеля и Племянникова); черезъ годъ появилась книга «Московскія норы и трущобы» (Левитова и Воронова). Въ 1874 г. изданъ большой томъ сочиненій, подъ общимъ заглавіемъ «Горе сель, дорогъ и городовъ», и вторымъ изданіемъ вышли «Степные очерки» и «Жизнь московскихъ закоулковъ» («Московскіе норы и трущобы»).

Очевидно, литературныя произведенія Левитова читались въ то время и публика ими интересовалась; но, не смотря на это, полного собранія его сочиненій не было издано. Между тѣмъ, труды такого замѣчательнаго писателя шестидесятыхъ годовъ, какъ Левитовъ, нисколько не утратили своего значенія и представляютъ живой интересъ для современнаго читателя. Вотъ почему мы и приступили къ изданію полного собранія сочиненій А. И. Левитова.

Въ настоящее изданіе вошли всѣ беллетристическія произведенія, напечатанныя какъ при жизни автора, такъ и по смерти его. Въ первомъ томѣ помѣщены повѣсти, очерки и рассказы, въ которыхъ изображены люди и жизнь сель, деревень и посадовъ, а во второмъ — жизнь и нравы городовъ, столицъ и шоссеиныхъ дорогъ. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ томѣ произведенія

расположены въ хронологическомъ порядкѣ, — отступленія допущены лишь относительно нѣкоторыхъ, въ силу ихъ внутренней связи; посмертныя сочиненія помѣщены въ концѣ втораго тома; имъ предшествуетъ эпизодъ изъ романа «Говорящая обезьяна», написанный и оконченный авторомъ въ декабрѣ 1870 года, хотя въ печати и появившійся только въ 1879 году.

Приложенный къ первому тому «Собранія Сочиненій» портретъ А. И. Левитова гравированъ въ Лейпцигѣ съ русской фотографіи, снятой въ 1868 году въ Петербургѣ.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ЛЕВИТОВЪ.

Вторая половина пятидесятихъ годовъ и начало шестидесятихъ XIX вѣка въ исторіи Россіи и исторіи умственнаго развитія нашего общества займутъ въ высшей степени любопытныя и поучительныя страницы. Это было время пробужденія общественной мысли, сознанія вѣковых заблужденій и зла и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страстнаго исканія идеаловъ со стороны лучшихъ людей того времени. Во главѣ движенія сталъ царь, по волѣ котораго разбились желѣзныя цѣпи рабства, рухнулъ старый отжившій строй и начался новый періодъ въ жизни всего русскаго народа. Отмѣна крѣпостнаго права и другія реформы, послѣдовавшія за крестьянскою, призывали къ дѣятельности общественныя силы, открывали для всего юношества, безъ различія званій, широкій путь къ образованію и намѣчали, въ перспективѣ, дальнѣйшій ходъ развитія нашей гражданственности. Все, что было тогда молодаго, свѣжаго и бодрого, — все это съ пламеннымъ восторгомъ отозвалось на призывъ верховнаго вождя Россіи и спѣшило приняться за дорогое всѣмъ дѣло и работать, не зная усталости, съ тѣмъ, чтобы провести въ жизнь новыя и гуманныя начала, положенныя въ основу реформъ Царя-Освободителя. То было какое-то особенное время... Точно, послѣ безконечно-долгой и страшно-суровой зимы, снизошла вдругъ на русскую землю плѣнительно-кроткая, вся сіяющая и теплая весна: природа мгновенно освободилась изъ-подъ снѣжнаго савана и ледяныхъ оковъ, разлилась повсюду горячая жизнь, и затрепетала она въ каждой былинкѣ, въ каждомъ цвѣткѣ... Ожила и вспрыгнула Русь, исполненная невѣдомыхъ силъ и мощной энергіи, свѣтлыхъ надеждъ и вѣры въ свое будущее. Сбылись желанія великаго поэта, воскликнувшаго въ благородномъ порывѣ юношескаго экстаза:

«Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный

И рабство падшее по манію царя,

И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной

Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?»

Рабство пало и надъ отечествомъ поэта уже восходила заря просвѣщенія... Люди съ чувствомъ и умомъ, подобные Пушкину, которымъ посчастлилось дожить до великаго акта освобожденія крестьянъ и стоять наканунѣ новыхъ реформъ, отъ всего сердца могли, какъ Фаустъ, въ предчувствіи грядущихъ благъ, сказать тогда чудесному «мгновенію»: «Не улетай! ты такъ прекрасно»!

Реформаціонное движеніе охватило всѣ стороны общественной дѣятельности. Оно естественно отозвалось и на литературѣ... Нѣтъ надобности распространяться объ этомъ моментѣ въ развитіи нашей литературы,—онъ у всѣхъ еще на свѣжей памяти. Достаточно только упомянуть, что даже представители чистаго искусства, поэты, какъ А. Н. Майковъ, и стихотворцы, какъ покойный Бенедиктовъ, не остались безучастны къ движенію и заплатили дань своему времени. Первый написалъ тогда „Ниву“ и „Картинку“, а второй „Борьбу“, „И нынѣ“ и рядъ другихъ подобныхъ стихотвореній. Какъ-то не вѣрится теперь, когда припоминаешь стихотворенія Бенедиктова, написанныя имъ до реформъ и послѣ или передъ реформами, чтобы они принадлежали одному и тому же лицу. Въ первыхъ—наборъ трескучихъ и пышныхъ фразъ, а во вторыхъ если и нѣтъ истиннаго поэтическаго чувства, то всегда воодушевленіе и чувство гражданина. Что, напримѣръ, общаго между воспѣваніемъ „кудрей дѣвы—чародѣйки“ и его стихотвореніемъ «Борьба»? Припомните, какъ онъ вѣрно и мѣтко очертилъ борьбу двухъ началъ:

«Всегда минувшее стояло
За свой негодный старый хламъ,
И свѣжей силы не пускало
Къ возобновительнымъ дѣламъ.
Всегда оно ворчало, злилось,
И пѣло пѣсню все одну,
Что было лучше въ старину
И съ этой пѣснью въ гробъ валилось».

А далѣе, говоря о смѣнѣ одного поколѣнія другимъ, приносящимъ вмѣстѣ съ собою въ жизнь и новые идеалы, Бенедиктовъ предугадываетъ неизбежность переходнаго состоянія и не смущается призраками.

«Порой средь общаго движенія
Все смутно, сбивчиво, темно,
Но не отъ мутнаго ль броженія
Творится свѣтлое вино?»

Иначе, конечно, и быть не могло. Заканчиваетъ Бенедиктовъ «Борьбу» такъ:

«И нынѣ мы пошли бы въ бой,—
Не ради гроба лишь святаго,
Но съ тѣмъ, чтобъ новою борьбой
Освободить Христа живаго».

Въ послѣднихъ стихахъ слышится пророчество и рисуется идеаль будущаго.

Это стихотвореніе появилось въ печати двадцать три года тому назадъ. Оно свидѣтельствуетъ, что Бенедиктовъ понималъ значеніе начавшагося въ его время движенія, восторженно привѣтствовалъ грядущее и вѣрилъ въ благое результаты реформъ. Къ сожалѣнію, не всѣ изъ современниковъ стояли на такой высотѣ пониманія, до какой достигъ скромный Бенедиктовъ, и смотрѣли на вещи другими глазами...

„Мигъ одинъ—и нѣтъ волшебной сказки“!

Движеніе, начавшееся подъ вліяніемъ реформъ, по отношенію къ литературѣ пошло дальше. Оно вызвало къ дѣятельности цѣлый рядъ новыхъ писателей, занявшихъ въ литературѣ совершенно особое мѣсто. Первыми изъ такихъ писателей явились Н. Успенскій, Слѣпцовъ, Левитовъ и Помяловскій; за ними — Рѣшетниковъ, Гл. Успенскій, Златовратскій, Засодимскій и многіе другіе. Въ русскую литературу, какъ у насъ потомъ стали выражаться, вошелъ теперь «разночинецъ». Выступивъ продолжателями литературныхъ традицій школы Гоголя, новые писатели скоро, однако, пошли самостоятельнымъ путемъ и поставили себѣ иныя задачи. Манифестомъ 19 февраля уничтожено крѣпостное состояніе крестьянъ, и много-милліонный народъ получилъ права гражданства. Писатели сороковыхъ годовъ—и во главѣ ихъ Тургеневъ—раскрывали въ своихъ произведеніяхъ всю неправду и вопіющее зло крѣпостнаго права, въ художественныхъ образахъ и картинахъ они воспроизводили крестьянскій міръ и показывали, что мужикъ такой же человекъ, какъ и всѣ люди, и тѣмъ будили общественную совѣсть, вызывая симпатіи и искреннее участіе къ поработенному классу. Народъ и его жизнь стали предметомъ вниманія и новыхъ писателей. Уступая своимъ предшественникамъ въ силѣ художественнаго воспроизведенія жизни и созданія типовъ, молодые писатели съ горячей любовью принялись за изображеніе народной жизни въ различныхъ ея проявленіяхъ. Они сдѣлались не только живописцами или вая-

телями, но даже изслѣдователями, публицистами и комментаторами описываемыхъ ими жизненныхъ явленій. Суждено ли будетъ произведеніямъ новыхъ писателей занять мѣсто въ исторіи русской литературы, или нѣтъ, — рѣшеніе этого вопроса было бы теперь преждевременно; но что произведенія писателей шестидесятыхъ годовъ займутъ мѣсто въ исторіи русской культуры, — это едва ли подлежитъ какому либо сомнѣнію.

Большинство писателей шестидесятыхъ годовъ вышли или изъ среды духовенства, или мелкаго чиновничества, или прямо изъ народа. Родившіеся въ скромной обстановкѣ, они воспитывались среди нужды и всевозможныхъ невзгодъ; громадныхъ усилій и страшнаго напряженія энергіи стоило имъ добиться образованія и не затеряться въ массѣ. Благодаря, исключительно, богатству природныхъ силъ и таланта, они успѣли выбиться изъ своей среды, — среды часто грубой, невѣжественной и, подъ часъ, жестоко преслѣдующей людей именно за то, что послѣднимъ суждено было занять иное мѣсто въ жизни. Глубокой горечи, жгучихъ страданій и невообразимыхъ лишеній полна жизнь писателей, вышедшихъ изъ народа или разночинства; жизнь такихъ людей заслуживаетъ полнаго вниманія и знакомства съ нею. Только тогда будутъ понятны ихъ литературныя произведенія и возможна безпристрастная оцѣнка всѣхъ этихъ „очерковъ“, „набросковъ“ и т. п. Изъ перечисленныхъ выше писателей уже многихъ нѣтъ на свѣтѣ, — они рано сошли въ могилу; въ живыхъ теперь два — три человѣка. Но то литературное теченіе, которое съ ними началось, не остановилось и продолжаетъ существовать. Это явленіе представляетъ, само по себѣ, фактъ въ высшей степени любопытный и требующій серьезнаго изученія.

Александръ Ивановичъ Левитовъ принадлежалъ къ числу новой фаланги русскихъ писателей и былъ какъ по силѣ своего поэтическаго таланта, такъ и по своему міровоззрѣнію однимъ изъ симпатичнѣйшихъ и типичнѣйшихъ ея представителей.

Знакомству съ жизнью А. И. Левитова и посвящается настоящая статья. Это не біографія, а только біографическій очеркъ поэта. Для біографіи Левитова не наступило еще время... Матеріалами для составленія этого очерка намъ послужили: воспоминанія родственниковъ и друзей покойнаго, письма ихъ и неизданныя записки, устные рассказы самого Левитова и письма его къ отцу, сестрѣ, зятю и другимъ лицамъ, а частью и его сочиненія, въ которыхъ содержатся факты, имѣющіе прямое отношеніе къ жизни нашего писателя. Тамъ, гдѣ надо будетъ, мы приведемъ письма разныхъ

лицъ и письма самаго Левитова, раскрывающія передъ нами его прекрасную душу и всё ея муки...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

...«зачѣмъ же вы убиты,
Силы мощныя души»?.

А. Полежаевъ.

I.

Посреди степей Тамбовскихъ, въ уѣздѣ Лебединскомъ широко и привольно раскинулось большое и торговое село Доброе. Въ этомъ селѣ пять церквей, болѣе тысячи домовъ, между которыми не мало и каменныхъ, нѣсколько рядовъ лавокъ, квартира станового и т. д. Подлѣ села двѣ рѣки: Воронежъ Лѣсной и Воронежъ Пальной. Берега перваго и теперь еще не совсѣмъ оголились, а лѣтъ тридцать—сорокъ тому назадъ по нимъ сплошь тянулись темные и дремучіе лѣса. Когда-то Доброе было городомъ, но впослѣдствіи, неизвѣстно за какія провинности, —разжаловано и обращено въ село. Память о старинныхъ привиллегіяхъ Добраго, однако, сохранилась и мѣстные крестьяне до сихъ поръ не иначе его величаютъ, какъ старымъ городомъ Добрымъ.

1835 года 20 іюля, въ домѣ причетника церкви, святителя Николая, у дьячка Ивана Ѳедоровича Левитова происходило нѣчто не совсѣмъ обычайное *) Прежде всего рано утромъ чуть свѣтъ, показавъ у полисадника самъ дьячекъ, вышедшій изъ воротъ своего дома, снявъ онъ съ головы шапку, набожно перекрестился на церковь и поспѣшно направился къ дому священника. Лицо дьячка выражало озабоченность, вмѣстѣ съ какою-то тихою и радостною торжественностью, а губы слегка шевелились и шептали: «слава въ вышнихъ Богу»! Затѣмъ, немного погодя, видѣли его возвращающимся обратно вмѣстѣ съ отцомъ Василиемъ; потомъ въ продолженіе цѣлаго дня къ дьячку то и дѣло ходили жены духовныхъ и сосѣди.

Въ этотъ день у Левитова родился сынъ первенецъ, имя которому

*) Въ «Некрологѣ А. И. Левитовъ», напечатанномъ въ Вѣсти. Европы (1877 г. Мартъ) А. И. названъ сыномъ дьякона. Эта неточность и нѣкоторые другіе произошли въ слѣдствіе того, что авторъ, находясь въ то время въ одномъ изъ сѣверныхъ захолустій, писалъ свою статью, не имѣя подъ руками никакихъ матеріаловъ, и писалъ по однимъ личнымъ воспоминаніямъ. Ф. Н.

при святомъ крещеніи дали Александръ. Окрестили младенца, повѣсили на пухлую шейку его серебряный, вызолоченный крестикъ, надѣли бѣлую кисейную рубашечку и опоясали шелковой голубой ленточкой. Новый человекъ и новый христіанинъ вступилъ въ міръ. Что ожидаетъ его въ будущемъ? Какое мѣсто этотъ пришлецъ займетъ на жизненномъ пиру?

Радость семьи была несказанная. Существо молодой матери все было переполнено тѣмъ чувствомъ счастья и невыразимаго блаженства,—чувствомъ, которое испытываютъ только женщины, страстно желающія имѣть у себя дѣтей. Подлѣ нея, рядомъ, лежало крохотное живое существо, по временамъ подававшее свой голосокъ и вытягивавшее красныя губки. Отецъ ходилъ веселый и сіяющій, а бабушка даже помолодѣла.

—Ежели Богъ дастъ, станетъ жить, выучится—попомъ будетъ,—говорилъ довольный отецъ, бесѣдуя у себя въ домѣ послѣ крестинъ съ гостями.

—А я, Иванъ Ѳеодоровичъ,—пробасилъ дьяконъ, угощаясь за столомъ,—провозглашу новорожденному многолѣтіе. Повѣрь, проживетъ онъ тогда Маусайловы годы.... Отецъ Василій,—обратился дьяконъ къ священнику:—благослови сказать многолѣтіе новорожденному!

Отецъ Василій благословилъ, но сдѣлалъ предупрежденіе:

—Ты, дьяконъ, не во весь пускай! знаешь, кто тамъ, за перегородкой-то?.. Смотри, не надѣлай бѣды!

—Понимаю!—отвѣчалъ дьяконъ.—Знаю, что надо осторожность соблюсти.

Многолѣтіе сошло благополучно, только одни стекла въ оконныхъ рамахъ слегка позвенѣли отъ сдержаннаго баса дьякона.

Всѣ немедленно выпили за многолѣтіе.

—Дай Богъ, чтобы младенецъ возросъ и, достигнувъ лѣтъ юношескихъ, поступилъ въ академію,—пожелалъ отецъ Василій.—Кто можетъ постигнуть сокровище для насъ въ будущемъ?—прибавилъ онъ, погружаясь въ легкую задумчивость.—Быть можетъ, невиннаго сего младенца ожидаютъ великія почести, санъ высокій....

—А кабы дьяконскаго сана Богъ сподобилъ,—такъ по насъ ровно бы лучше и не надобно, отцы!—перебила отца Василія теща хозяйина и бабушка виновника настоящаго торжества и всѣхъ разговоровъ.

—А каковъ голосъ у младенца?—вопросилъ дьяконъ, подчюя себя новой рюмкой водки.—Ежели онъ награжденъ отъ Господа даромъ голоса, то, со временемъ, можетъ занять мѣсто протодіакона при самомъ владыкѣ.

—Пути Господни неисповѣдимы,—размышлялъ священникъ:—овому талантъ, овому два...

—А можетъ, изъ мальчика выйдетъ сочинитель,—робко вставилъ свое слово, находившійся въ обществѣ, очень юный семинаристъ, шуринъ Ивана Ѳеодоровича.

Присутствующіе всполошились.

—Что ты, что ты?!—со всѣхъ сторонъ раздались испуганные и протестующіе голоса.—Сочинитель!.. Какое ты слово произнести?... А еще на хорошемъ счету у начальства состоишь. Черезъ годъ въ философію перейдешь... Философъ—и какія мысли!.. Да развѣ лицу духовнаго званія приличествуетъ быть сочинителемъ?

Досталось бѣдному юношѣ за неумѣстно обреченное имъ слово!

Познакомимся теперь съ людьми, близкими къ новорожденному и ихъ домашней обстановкой.

Семейство Левитовыхъ въ то время состояло изъ слѣдующихъ лицъ: самого Ивана Ѳеодоровича и его жены Прасковьи Прокофьевны, матери ея Марьи Амплеевны и сестры Матрены Прокофьевны, дочери послѣдней, и юнаго семинариста Андрея Прокофьича Кузьминыхъ. Послѣдній жилъ у своего зятя только въ вакаціонные мѣсяцы и приходилъ гостить на праздники Рождества и Пасхи. Это были люди простые и добрые, по своему умные, честные и религіозно-правственные: съ дѣтства извѣдавъ бѣдность и зависимость отъ нея, житье по чужимъ людямъ, у богатыхъ родственниковъ, они, естественно, заботились больше всего о томъ, какъ бы возможно лучше устроить свое матеріальное положеніе. Дальше этого не простирались ихъ желанія... Словомъ—они соединяли въ себѣ всѣ достоинства и недостатки той среды, въ которой сами родились, воспитались и выросли. Идеалисты или романтики, въ родѣ молодаго Кузьмина, между ними встрѣчаются рѣдко, но если встрѣчаются, то ужъ настоящіе идеалисты. Прасковья Прокофьевна тоже составляла исключеніе: она не принадлежала къ числу людей практическихъ, хотя идеалисткой, въ истинномъ значеніи этого слова, не была, и отличалась большею впечатлительностью и нервностью натуры.

Все семейство Левитовыхъ работало съ утра до вечера. Кромѣ исполненія обязанностей по должности причетника, Иванъ Ѳеодоровичъ, какъ только женился, открылъ у себя на дому школу, а женщины завѣдывали хозяйствомъ по постоянному двору, который содержалъ Левитовъ въ видахъ поддержать свое благосостояніе. Благодаря неустанному труду всѣхъ членовъ семьи, Левитовы жили без-

бѣдно, хотя сбереженій какихъ-либо не дѣлали, такъ какъ и дѣлать ихъ было не отъ чего.

Рожденіе перваго ребенка—и при томъ мальчика—было настоящимъ счастьемъ не для однихъ отца съ матерью, но и для всѣхъ остальныхъ членовъ семейства.

Среди приволья степнаго, исполненнаго чарующей прелести и глубокихъ почныхъ тайнъ, подъ привѣтливымъ солнцемъ и въ кругу простыхъ добрыхъ людей, проходили первые годы жизни нашего будущаго поэта. Унаслѣдовавъ отъ своего отца крѣпость организма, а отъ матери впечатлительность и чуткость души, ребенокъ росъ здоровымъ, живымъ и веселымъ мальчикомъ. Общій любимецъ и надежда семьи, онъ пользовался также и любовью своихъ родственниковъ и знакомыхъ, посѣщавшихъ домъ его отца. Въѣзжавшіе на постоянный дворъ Ивана Федоровича, духовные и крестьяне, встрѣчая розовое личико и бѣлокурую головку мальчика, ласкали его и дарили гостинцами. Эта любовь окружающихъ глубоко западала въ сердце мальчика и пускала широкіе корни, охватывая собою все его дѣтское существо. Въ такой обстановкѣ росъ этотъ степной цвѣтокъ.

Когда Сашѣ исполнилось пять лѣтъ, у него явилась сестра. Раньше этого хотя у Прасковьи Прокофьевны и рождались дѣти, но они скоро умирали. Поэтому маленькій Левитовъ находился болѣею частью въ обществѣ взрослыхъ и учениковъ своего отца, которые были всѣ значительно старше его. Бабушка и мать, въ свободные отъ работъ часы, рассказывали мальчику сказки и были родной старины; отецъ, рѣдко когда находившій досугъ, въ праздники читалъ въ кругу своихъ семейныхъ Чети-миней или другія книги священнаго писанія, а дядя семинаристъ, когда приходилъ на лѣтнія каникулы или праздники, любилъ почитать чего-нибудь изъ «свѣтскаго» и даже самъ втихомолку пописывалъ стихи. Часто дядю съ племянникомъ встрѣчали за селомъ, гуляющими по зеленымъ лугамъ рѣки или бродящими по лѣсу; когда племянникъ уставалъ, дядя бралъ его къ себѣ на руки и продолжалъ такимъ образомъ дальнѣйшую прогулку. Этотъ семинаристъ, юноша съ довольно развитымъ воображеніемъ и умный, отличался любовію къ природѣ и поэзіи. Онъ не пропускалъ ни одного живописнаго мѣстечка, чтобы на немъ не остановиться, показывая его своему племяннику и восхищаясь самъ, принимаясь громко декламировать свои или чужіе стихи. Мальчикъ на все пытливо смотритъ, внимательно прислуши-

вается къ рѣчи восторженнаго семинариста; личико у него покраснѣлось и глазки блестятъ, какъ звѣздочки.

— Дяденька,—лепечеть ребенокъ:—откуда ты все это знаешь?

— Книжки такія есть... Въ нихъ все описано, Саша... Постой! Видишь ты—вонъ тамъ!—за рѣкой гора поднимается, ровно стѣна длинная?

— Вижу.

— Это земляной валъ. Его люди руками сдѣлали. Когда Россія съ татарами воевала, такъ вотъ наши-то, русскіе, тогда валами этими и огораживались, чтобы непріятелю никоимъ образомъ не возможно было къ нимъ подступиться и одолѣть ихъ.

— А кто эти... татары-то, дяденька?

Дядя рассказываетъ—кто татары и заканчиваетъ рассказъ словами:

— Теперь они народъ смирный. Живутъ они по Волгѣ и въ Крыму.

Саша желаетъ знать и о Волгѣ, и о Крымѣ... Дядя съ охотою удовлетворяетъ любознательности ребенка.

Мальчикъ задумывается и молчитъ.

— А я, дяденька, когда большой вырасту, тоже все буду знать, что и ты знаешь?—спрашиваетъ онъ послѣ долгаго размышленія.

— Станешь учиться—все будешь знать, Саша! Ахъ, что за мѣста у насъ здѣсь прекрасныя,—прибавляетъ семинаристъ, окидывая глазами степь, рѣку, дремучій лѣсъ и пестряющіе цвѣтами луга.

«Видъ природы оживился снова»—запѣваетъ семинаристъ и шагаетъ съ мальчикомъ дальше.

Этотъ дядя, по всей вѣроятности, былъ первымъ виновникомъ пробужденія чувства поэзіи и любви къ природѣ въ впечатлительной душѣ мальчика. Къ сожалѣнію, скоро Сашѣ пришлось разстаться съ своимъ дядей: Андрей Прокофьевичъ окончилъ курсъ, и его назначили миссіонеромъ въ Бійскъ, когда племяннику его наступилъ шестой годъ. Разлука съ дядею произвела сильное впечатлѣніе на Сашу: это было его первое горе и первыя сознательно пролитыя имъ слезы.

Саша очень любилъ свою маленькую сестру, которая еще качалась въ люлькѣ. Съ отъѣздомъ Андрея Прокофьевича, любовь эта возрасла въ мальчикѣ до такой степени, что онъ постоянно съ нею самъ нянчился, предупреждалъ ея малѣйшія желанія, вскакивалъ ночью и бѣжалъ къ люлькѣ, когда та плакала или не спала. Онъ училъ ее ходить, и первые шаги, которые боязливо и нерѣшительно

дѣлала крошка къ брату, сидѣвшему у стѣнки и съ протянутыми на встрѣчу къ сестрѣ руками, приводили его въ неописанный восторгъ; онъ раздѣлялъ съ нею всѣ забавы, вмѣстѣ игралъ и вечеромъ укладывалъ сестру въ постельку, присаживаясь къ изголовью и напѣвая пѣсенку. Дѣвочка уже заснула, а братъ сидитъ и продолжаетъ тихо и тоненькимъ голоскомъ напѣвать:

„У кота, кота, ко-ота
Колыбелька хороша“...

А когда дѣвочка немного поднялась и стала говорить, братъ возилъ ее зимой на маленькихъ саночкахъ и катался съ нею съ лѣдныхъ горъ, а весною и лѣтомъ гулялъ по берегамъ Воронежа и въ лѣсу, рассказывая сестрѣ все, что онъ слышалъ отъ дяди Андрея Прокофьевича.

Изъ товарищей Саши за эти годы ранняго дѣтства, надо упомянуть о двоихъ братьяхъ Добровыхъ: Лукѣ и Васильѣ, отецъ которыхъ былъ дячкомъ Тихвинской церкви въ селѣ Добромъ. Съ ними маленькій Левитовъ часто предпринималъ экскурсіи въ окрестности Добраго, ходилъ ночью къ чумакамъ, останавливавшимся на отдыхъ въ степи, купался въ Воронежѣ, и забирался въ густые камыши, чутко прислушиваясь къ ихъ ласковому и загадочному шелесту.

II.

Незамѣтно и шутя, мальчикъ выучился читать и писать; восьми лѣтъ онъ уже былъ «подмастерьемъ» у своего отца въ школѣ и велъ цѣлый классъ (Ивана Ѳедоровича сельчане звали «мастеромъ грамотныхъ дѣлъ»). Для мальчика рано наступила трудовая жизнь. Саша училъ ребятшекъ и самъ готовился къ экзамену для поступленія въ Духовное Уѣздное училище. Изъ древнихъ языковъ ему иногда помогалъ отецъ, а по всѣмъ остальнымъ предметамъ онъ занимался безъ посторонней помощи. Такъ прошло два три года. Въ домѣ чаще стали поговаривать, что пора ужъ мальчика въ училище отдавать: одиннадцать лѣтъ минуло Сашѣ. Чѣмъ ближе наступало время отъѣзда, тѣмъ задумчивѣе и серьезнѣе становился Иванъ Ѳедоровичъ и грустнѣе Прасковья Прокофьевна. «Мать часто ласкала меня и плакала», рассказывалъ намъ Левитовъ; «а я жду не дожусь, когда меня въ училище повезутъ... Я пересталъ играть съ товарищами, избѣгалъ оставаться съ матерью наединѣ: я не могъ видѣть ея печальнаго лица, а слезы ея всегда вызывали и у меня слезы». Иванъ Ѳедоровичъ успокаивалъ жену, говоря, что ежели

Саша, при помощи Божьей, выдержать экзаменъ въ третій классъ и станетъ хорошо учиться, то его отпустить жить домой, гдѣ онъ и будетъ самъ учиться. Это немного утѣшило бѣдную мать и дало возможность спокойнѣе перенести тяжесть разлуки съ милымъ ея сыномъ.

Экзамены Саша сдалъ отлично и былъ принятъ въ число учениковъ Лебедянского духовнаго училища. «Съ недѣлю я потосковалъ, оставшись одинъ», рассказываетъ Левитовъ. «Учился разсѣянно... Сижу, бывало, въ классѣ, и ничего не вижу и не слышу. Все мнѣ представляется моя плачущая мать»... Но скоро пріѣхали Сашу навѣстить мать и бабушка. Мальчикъ утѣшился и прилежно принялся учиться. Учители и товарищи полюбили Левитова: первые—за отличные успѣхи, а вторые за то, что онъ всегда дѣлился гостинцами съ ними и помогалъ въ занятіяхъ малоспособнымъ и забитымъ. Но что въ особенности вызывало къ Левитову уваженіе со стороны массы голодныхъ и оборванныхъ питомцевъ духовнаго вертограда, такъ это—новый сюртукъ: «онъ былъ у меня настоящий суконный, а не панковый»... Учители за успѣхи дали Левитову фамилію Корниловъ. Въ праздники Левитовъ ходилъ [въ гости къ своему дѣдушкѣ по матери, соборному протопопу И. А. Щепотьеву, въ домъ котораго мальчикъ много читалъ разныхъ книгъ, свелъ дружбу съ племянникомъ Щепотьева, Егоромъ, и пользовался расположеніемъ сына Александра Ивановича, бывшаго уже тогда на службѣ.

Левитовъ пробылъ въ училищѣ до декабря мѣсяца, сдалъ экзамены за первую треть и возвратился въ Доброе. Начальство позволило ему заниматься дома, но съ условіемъ являться въ училище каждую третью года для сдачи экзаменовъ. И вотъ, онъ снова дома, въ родной семьѣ и опять «подмастерьемъ» въ школѣ отца! Марья Ивановна, сестра А. И. Левитова, такъ описываетъ это время.

«Съ дѣтства несли мы истинно непосильный трудъ. Отецъ въ приходѣ: крестины, именины, похороны, свадьбы, а главное—вездѣ обѣдъ, а передъ обѣдомъ водка, а тамъ нужно отдохнуть. Наша обязанность была учить дѣтей обоого пола, а ихъ было всѣхъ около сотни—изъ своего села и окрестныхъ сель; духовные всѣ привозили своихъ дѣтей въ домъ нашего отца. Вспомнить даже страшно объ этомъ времени! По старой методѣ учили... Языкъ переболтается за цѣлый день, зрѣніе притупится, въ головѣ трещить, пальцы порѣзаны отъ очинки гусиныхъ перьевъ. Комната и лѣтней порой натоплена: душно, жарко! Лѣтъ съ восьми мы только и дѣлали, что

учили, начиная съ 7 часовъ утра и до 12; три часа отдыхали, а потомъ опять учили до 7 часовъ вечера».

Вотъ окончились у Саши утреннія занятія въ школѣ, и онъ спѣшитъ насладиться отдыхомъ.

«У насъ былъ дворъ большой, съ сараями и колодами для корма лошадей», продолжаетъ разсказъ свой Марья Ивановна. «Братъ сидеть въ колоду, втащить меня и мечтаетъ вслухъ: какъ онъ будетъ учиться, какія у него будутъ средства, и что эти средства будутъ для меня; трудъ у насъ будетъ честный, и жить мы будемъ хорошо, въ чистомъ домѣ; будутъ у насъ хорошія и полезныя книги; по временамъ станемъ гулять и кататься; будемъ помогать бѣднымъ и кормить нищихъ».

Помогать бѣднымъ, слабымъ и загнаннымъ было уже и въ то время потребностью натуры Левитова.

«Многіе считали брата маленькимъ другомъ и совѣтовались съ нимъ о своихъ дѣлахъ, гдѣ есть доброе семейство, гдѣ имъ помогутъ, и звали его «кормильцемъ». Бывало, утащить онъ изъ амбара ржаные пироги и раздастъ ихъ старикамъ. За это доставалось намъ отъ бабушки и матери. Помню одного старика безъ руки; ему было около ста лѣтъ. Тотъ, бывало, не дождется брата, смотритъ въ плетень и стоитъ; братъ выйдетъ на дворъ и вынесетъ старику всего, что мы сами ѣли. За то этотъ старикъ разсказывалъ намъ такія чудеса, что я спать боялась, вскакивала, кричала, тряслась: все разсказанное проходило передъ мною»...

Иногда, вечерами, братъ съ сестрою ходили гулять.

«Пріятно вспомнить эти вечера! Уйдешь отъ жилья... Рѣка, луга, лѣсъ. Все это намъ роскошью казалось, и мы всегда гагъ очарованы были!... Убѣжимъ съ братомъ далеко и долго ходимъ, пока насъ сыщутъ: отбранятъ и потомъ долго не пускаютъ. И вотъ, мы опять на дворѣ. Братъ пишетъ стихи, читаетъ ихъ мнѣ. Я слушаю и восторгаюсь. Только коротко было это время: огня у насъ лѣтомъ не зажигали, писать становилось темно. Насъ заставляютъ молиться Богу и ложиться поскорѣе: «лучше пораньше встать и за работу, а болтать по пусту грѣхъ», говорили родные, и мы укладывались, но долго еще не могли уснуть и все шептались съ братомъ».

Занимаясь ежедневно по десяти часовъ въ школѣ, Левитовъ успѣвалъ готовиться къ своимъ экзаменамъ и всегда сдавалъ ихъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ, а сочиненія его считались «единственными»; онъ переписывалъ церковные документы и велъ отъ имени отца корреспонденцію съ родственниками. Послѣдствія такой ра-

боты не замедлили сказаться: Левитовъ рано сдѣлался близорукъ. Изъ писемъ родственниковъ, онъ больше всѣхъ любилъ читать письма дяди Андрея Прокофьевича, служившаго въ Бійскѣ. Бывшій семинаристъ, романтикъ и стихотворецъ остался вѣренъ себѣ и на далекой чужбинѣ въ кругу разныхъ инновѣрцевъ и будучи уже человѣкомъ женатымъ: письма его были проникнуты любовью къ родинѣ и полны воспоминаніями о прошломъ, которое рисовалось его воображенію въ радужныхъ краскахъ и въ какомъ-то чудесномъ свѣтѣ. Каждое письмо непременно заканчивалось стихами. Если для чтеца и не всегда былъ понятенъ мотивъ этихъ писемъ, то для слушателей было ясно, что А. П. Кузьмину живется не совсѣмъ-то хорошо. Племянникъ всякій разъ отвѣчалъ дядѣ и въ письма свои тоже включалъ стихи собственнаго произведенія. Переписка эта продолжалась въ теченіи шести лѣтъ. Минулъ, наконецъ, семилѣтній срокъ обязательной службы, и Кузьминъ могъ проститься съ Сибирью. Саша написалъ дядѣ письмо, въ которомъ отъ имени всѣхъ родныхъ умолялъ его возвратиться на родину. Дядя отвѣтилъ сочувственнымъ письмомъ. Онъ выражалъ искреннее желаніе вернуться на родину, быть въ кругу родныхъ и близкихъ его сердцу, но семейныя обстоятельства не даютъ ему возможности осуществить этой «мечты»... Затаенная тоска слышалась въ тонѣ письма и въ концѣ перешла въ отчаяніе, которое вылилось въ четверостишіи.

„Полно бредить! Дай прославлю
Сердцу милыхъ россиянь,
И стаканчикъ свой добавлю,
И напьюся съ горя пьянъ.“

Печально задумался надъ этой исповѣдью романтика двѣнадцатилѣтній мальчикъ... Дядя, хорошій и добрый человѣкъ, сталъ пить... Отъ чего же? Съ горя... Но какое у него горе? Да развѣ съ горя непременно надо пить?— вотъ какіе вопросы поднялись въ головѣ племянника и долго его преслѣдовали... Разладъ идеала съ дѣйствительностью онъ не въ силахъ еще теперь понять. Придетъ время, и эти вопросы опять поднимутся, встанутъ передъ нимъ во всей неприкрытой наготѣ, и онъ рѣшитъ ихъ и... ужаснется... Но теперь онъ весь погруженъ въ работу и думы его свѣтлы, какъ свѣтлы небо его родины и тихія воды Пальнаго Воронежа.

Не смотря на постоянный трудъ, годы, проведенные Левитовымъ подъ роднымъ кровомъ, были лучшею и счастливою порою въ его жизни, впоследствии, онъ не разъ вспомнить о ней съ сынов-

ней любовью и признательностью... Нужды пѣтъ, что ему приходится много работать; эта работа его веселитъ, на него все смотрятъ съ почтеніемъ, о немъ все говорятъ и сулятъ впереди что-то хорошее. Саша работаетъ для семьи, которая за послѣдніе годы увеличилась еще двумя новыми членами—братишкою Алешей, худенькимъ и болѣзненнымъ ребенкомъ, и сестренкою, здоровой и веселой дѣвочкой, но скоро потомъ умершею. У него теперь есть и племянница: у тетки Матрены Прокофьевны, вышедшей замужъ за дьякона, растетъ славная дѣвочка Надя. Ребятенки близки и дороги его сердцу, онъ хочетъ ихъ сдѣлать хорошими и счастливыми,—и онъ непременно этого достигнетъ... Онъ поступитъ въ семинарію; будетъ учиться, окончитъ курсъ—и его переведутъ въ академію.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

1.

Послѣдніе экзамены сданы блестящимъ образомъ: Левитовъ окончилъ курсъ наукъ въ училищѣ, и передъ нимъ теперь открывается дорога въ семинарію. Все родное, близкое и знакомое должно будетъ скоро отойти назадъ, а впереди,—невѣдомый и чуждый міръ. Страсть въ знанію манила и влекла его въ семинарію—тамъ учать профессора, а не простые наставники,—тамъ онъ узнаетъ многое и удовлетворитъ своей духовной жадѣ; но продолжительная разлука съ семьей, большой губернской городъ и неизвѣстность будущаго пугали воображеніе Левитова... Но дѣлать нечего, надо ѣхать.

Много слезъ было пролито въ домѣ Ивана Федоровича, когда собирали въ семинарію Сашу. Сестра Маша больше всехъ плакала и говорила брату:

— Что я и съ кѣмъ теперь буду?

Братъ въ утѣшеніе далъ ей толстую тетрадь и сказалъ:

— Читай, когда тебѣ будетъ скучно!

Оказалось, что Левитовъ списалъ съ книги: „Битва русскихъ съ Кабардинцами“ и рукопись эту вручилъ передъ отъѣздомъ сестрѣ.

Застѣнчивый, но веселый, съ живымъ умомъ и любящею душою, открытою для всего прекраснаго, Левитовъ отправился въ Тамбовъ и поступилъ въ семинарію... Какое впечатлѣніе произвели на него городъ и семинарія, мы узнаемъ изъ очерка „Петербургскій случай“. Этотъ рассказъ Левитова заключаетъ въ себѣ много автобіографическихкихъ данныхъ. Поэтому мы воспользуемся нѣкоторыми изъ нихъ

и приведемъ здѣсь. Вотъ какъ авторъ рассказываетъ о своемъ вступительномъ экзаменѣ въ семинарію:

«Мой тятенька, лѣтописалъ ребенокъ, все время крестился и плакалъ, стоя у растворенныхъ классныхъ дверей. Съ нимъ вмѣстѣ стояло много священниковъ, дьяконовъ и дьячковъ. Всѣ они вытирали заплаканныя лица красными ситцевыми платками и тоже, какъ и отецъ мой, глубоко вздыхали и крестились. Я писалъ разсужденіе на латинскомъ языкѣ: *serva ordinem et ordo servabit te*, но не могъ хорошо писать, потому что отъ страха мнѣ хотѣлось спать... Отецъ въ это время потихоньку взглядывалъ на меня изъ-за дверной притоки и грозился пальцемъ, чтобы, т. е., я старался... Я отъ этого еще пуще пугался.»

Не смотря, однако, на это смущеніе и страхъ, мальчикъ отвѣчалъ на всѣ вопросы отлично. Преосвященный благословилъ его и сказалъ: «хорошо, дитя! Старайся!»

«Не помню, какъ я выбѣжалъ къ отцу въ корридоръ. Онъ и дядя стали цѣловать меня и говорить: «молодецъ! Вотъ такъ отрѣзалъ!» Примѣтилъ я, что отъ нихъ отъ обоихъ пахнетъ водкой. Какіе тутъ стояли другіе духовные, всѣ хвалили меня, гладили по головѣ, а одинъ какой-то благочинный съ наперстнымъ крестомъ и въ полинялой бархатной камилавкѣ, во все время ходившій поодаль отъ другихъ и важно гладившій бороду, подошелъ къ намъ, далъ мнѣ гривенникъ и, благословивши, сказалъ: «преуспѣвай, остроумецъ! Я на тебя надѣюсь!» Отъ него и ото всѣхъ пахло водкой. Всѣ другъ надъ другомъ поэтому случаю тихомолкомъ подшучивали.

— «Что, отецъ дьяконъ, спрашивалъ мой дядя у входившаго въ корридоръ дьякона въ зеленой рясѣ, который торопливо дожевывалъ крендель,—пропустилъ малую толику?»

— «Истинно для смѣлости, ваше благородіе!—отвѣчалъ дьяконъ дядѣ (а дядя служилъ столоначальникомъ въ консисторіи),—потому тутъ какъ разъ можно живота рѣшиться отъ страху. Скоро теперь моего сынишку вызовутъ, и вотъ не стерпѣлъ—выпилъ на шесть копѣекъ».

Дядя подарилъ мальчику записки, по коимъ профессора читаютъ въ семинаріи.

«Онъ нарочно купилъ ихъ для меня цѣлый ворохъ. Мудрены, ужасъ какъ! Въ логикѣ не понялъ ни слова. Богъ знаетъ, что тамъ написано: буквы русскія, а слова латинскія, напримѣръ: отношенія идеальнаго къ реальному, послѣдніе абсурды позитивизма и т. д. А то встрѣтилъ фразу, вся она по-русски написана, но я не понялъ ее: «что должно разумѣть подъ словомъ—признаки предметовъ? Подъ словомъ—признаки предметовъ должно разумѣть признаки признаковъ предметовъ, которые заключаются въ сихъ признакахъ»... Какъ меня учила мать, сталъ я молиться святому Наумію, чтобы онъ меня надоумилъ понять; но все не понялъ... Съ сердцовъ сталъ я плакать, а потомъ и совсѣмъ уснулъ.. Очень меня напугали эти тетради, такъ что и во снѣ все думалъ: ну, какъ я изъ нихъ ничего не пойму—и меня возьмутъ да исключать...

«На другой день мы съ отцомъ встали еще до свѣту, и онъ сталъ говорить мнѣ съ искренними слезами, такъ что всего его въ это время лихорадка била,—чтобы я, какъ можно, старался учиться получше.—«Богъ дастъ, говорилъ отецъ,—окончишь курсъ, поступишь въ попы, такъ, по крайности, поможешь сестрамъ въ честное замужество выйдти. Не кончишь курса,—шабашъ! Сестры твои шинки откроютъ, мы съ матерью побираться пойдемъ, потому мы къ тому времени всѣ жилы изъ себя на васъ повывомотаемъ,—состаримся»...

«Кромѣ того, отецъ очень сердился на меня за то, что примѣтилъ во мнѣ непочтительность къ старшимъ.—Все,—говорилъ онъ,—ты дѣлаешь срыву. Ни къ кому никакого ласкательства не оказываешь.—Я чувствовалъ за собою этотъ порокъ, то есть, что ласкаться мнѣ къ людямъ стыдно, подумаютъ, что я у нихъ прошу чегонибудь, и потому сталъ плакать, а отецъ утѣшалъ меня и совѣтовалъ, какъ можно, скорѣе исправиться».

Дальше мальчикъ рассказываетъ, какъ онъ провожалъ своего отца до заставы, около которой стоялъ кабакъ. Отецъ въ кабакъ выпилъ, высыпалъ изъ кошелька всѣ деньги сыну, потомъ обнялъ его и, рыдаючи, проговорилъ:

— «Какъ бы не вы, ребята, засѣлъ бы я въ любомъ кабакѣ и поколѣлъ бы въ немъ... Блаже мнѣ было бы! Ну, прощай! Да будетъ воля Господня! Смотри же, другъ, учись, старайся!.. Выручай...

«Онъ пошелъ, а я долго смотрѣлъ ему въ слѣдъ,—

до тѣхъ поръ смотрѣлъ, пока совсѣмъ не закрыли его отъ меня туманныя стѣны проливнаго дождя.

«У меня такъ и разрывалось сердце отъ жалости къ отцу—и я едва-едва не убѣждалъ вслѣдъ за нимъ»...

Въ семинарію Левитовъ былъ принятъ подъ фамилею Корнилова и первымъ ученикомъ. Хотя на первыхъ порахъ нелегко ему давалось уразумѣніе премудростей лекцій профессоровъ, излагавшихъ свой предметъ въ духѣ средневѣковыхъ схоластиковъ; но счастливыя способности и тутъ его выручили, и онъ пошелъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ. Какъ въ уѣздномъ училищѣ Левитовъ помогалъ своимъ товарищамъ, такъ и въ семинаріи онъ тянулъ за собою бѣдныхъ и забытыхъ, пособляя имъ въ писаніи сочиненій, рѣшеніи задачъ и т. п. Дѣти богатыхъ отцевъ пользовались особеннымъ расположеніемъ профессоровъ и къ знаніямъ ихъ послѣдніе всегда относились снисходительно; передъ остальными семинаристами эти баловни держали себя гордо и смотрѣли на всѣхъ съ презрѣніемъ. Левитова это возмущало. Онъ прямо, не смотря на свою застѣнчивость, говорилъ имъ въ лице, что они не способностями, и трудомъ берутъ, а подарками отцевъ и заискиваніями предъ начальствомъ. Левитовъ говорилъ правду, и за эту правду батюшковы сынки возненавидѣли его, принялись обижать и оскорблять его на каждомъ шагу, наущничать на него у профессоровъ, вслѣдствіе чего и тѣ начали смотрѣть на дьячковскаго сына непріязненно.

Такъ приняла Левитова семинарія и такъ отвѣтили ему новые товарищи на его любовь, съ которой онъ пришелъ въ городъ изъ своихъ родныхъ степей!...

Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, и положеніе Левитова сдѣлалось невыносимо. Его принялись съ ожесточеніемъ преслѣдовать не одни ужъ «аристократы», но и плебен, которые изъ низкаго чувства угодливости, послѣдовали примѣру богатыхъ, а профессора начали ставить ему плохія отмѣтки. Неизвѣстно, чѣмъ бы окончилось для Левитова гоненіе со стороны товарищей и профессоровъ, если бы онъ не сошелся близко съ однимъ изъ своихъ товарищей по семинаріи, Яковомъ Соколовымъ, и не встрѣтилъ въ лицѣ ректора умнаго и безпристрастнаго человѣка, умѣвшаго оцѣнить способности Левитова. Къ сожалѣнію, имя этого почтеннаго человѣка намъ осталось неизвѣстнымъ. Участію ректора онъ былъ обязанъ тѣмъ, что профессора перестали выставлять ему дурныя баллы, а дружбѣ съ Соколовымъ—избавленіемъ отъ преслѣдованія своихъ товарищей. Нужно замѣтить, что риторъ Яковъ Соколовъ былъ парень высокаго роста и обладалъ

геркулесовской силой. Заключивъ дружескій союзъ съ Левитовымъ, онъ сейчасъ же сказалъ:

— Ты чего смотришь на этихъ скотовъ? Бей ихъ по мордасамъ!.. Вотъ такъ,—проговорилъ атлетъ и хватилъ по физиономіи одного семинариста, налетѣвшаго, было, на Левитова съ кулаками.—Видишь, куда его отнесло... Ха-ха-ха!.. Не желаетъ ли еще кто заполучить?—обратился онъ къ отступавшей передъ ними толпѣ.—Приблизься—и получишь. Награжу...

Заступничество Соколова положило конецъ всѣмъ непріятельскимъ нападеніямъ на деликатнаго Левитова. Если послѣ когда и случалось, что кто изъ болѣе смѣлыхъ враговъ рѣшался, гдѣ-нибудь, въ уголкѣ, наскочить на Левитова, то вдругъ, откуда ни возьмись, являлся Соколовъ и въ мгновеніе ока разносилъ въ прахъ вражескія силы.

Соколовъ, какъ и Левитовъ, былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ семинаріи и, при обладаніи громадными физическими силами, не только приводилъ въ священный трепетъ своихъ товарищей—риторовъ, но заставлялъ съ уваженіемъ относиться къ своей особѣ философовъ и даже пользовался благосклоннымъ вниманіемъ со стороны богослововъ. Такова была популярность этой личности между семинаристами всѣхъ трехъ отдѣленій. Съ Левитовымъ ихъ сблизила общая страсть къ чтенію, страсть, которой они удовлетворяли и у себя на убогой квартирѣ, просиживая за чтеніемъ книгъ далеко за полночь, и нерѣдко въ классныхъ комнатахъ семинаріи. Любимыми ихъ писателями въ области изящной литературы были Шиллеръ, Гете, Диккенсъ, Тэккерей и Жорджъ-Зандъ, а изъ русскихъ—Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ и, позднѣе, Гоголь. Съ ними вмѣстѣ и на одной квартирѣ, въ числѣ другихъ, жили братья Добровы и Егоръ Щепотьевъ, который однимъ классомъ былъ старше Левитова и остальныхъ товарищей.

Левитовъ прекрасно окончилъ въ отдѣленіи реторики и перешелъ въ философію, гдѣ уже ожидалъ его новый и болѣе страшный врагъ...но объ этомъ рѣчь будетъ впереди.

Большіе праздники и лѣтнія каникулы Левитовъ проводилъ въ селѣ Добромъ, въ кругу родныхъ и товарищей. Объ Рождествѣ и Пасхѣ онъ ходилъ вмѣстѣ съ отцомъ по приходу, сочинялъ рѣчи, въ которыхъ, восхваляя добродѣтели хозяина, обличалъ и недостатки его.

Такое направленіе въ поздравительныхъ рѣчахъ крайне огорчало Ивана Ѳедоровича, и онъ не ободрялъ поведенія сына...

Юморъ—отличительная черта таланта Левитова—обнаружился въ немъ очень рано. Сестра его передаетъ:

«Товарищи по семинаріи, добринцы, любили его и во время каникулъ всѣ собирались къ нему; пріѣзжали и изъ ближнихъ селъ. Всѣ они годами были старше брата. Онъ называлъ ихъ—кого дядюшка Лука, а кого дѣдушка Василій (братьевъ Добровыхъ). Соберутся они, и братъ или самъ рассказываетъ имъ что-нибудь смѣшное, или слушаетъ ихъ рассказы про лѣшихъ, домовыхъ, русалокъ и тому подобное. Братъ всегда записывалъ эти рассказы и послѣ читалъ вслухъ. Сочинялъ критики (sic) на общество, въ которыхъ не забывалъ вывести въ смѣшномъ видѣ и своихъ пріятелей; они слушали эти критики и хохотали до упаду».

Характеръ Левитова, по свидѣтельству сестры, былъ тогда «бѣшено-веселый», отличавшійся страстностью и смѣлыми выходками. Но чѣмъ дальше онъ учился, тѣмъ задумчивѣе дѣлался, и въ смѣхѣ его звучали уже какія-то рѣзкія ноты. Въ «критикахъ» на сельскую бюрократію (становаго, писемоводителя, лѣсничаго) и богатыхъ купцовъ слышалась уже порою горькая иронія. Но по отношенію къ роднымъ, товарищамъ и простымъ людямъ Левитовъ по прежнему остался добрымъ, деликатнымъ и любящимъ; особенной теплотою и любовію всегда были запечатлѣны его отношенія къ сестрѣ и маленькому брату Алешѣ. Онъ такъ же, какъ и до поступленія въ семинарію, ходилъ гулять съ сестрою за село и повѣрялъ ей всѣ свои думы, мечты и радости.

«Любила я слушать брата», говоритъ Марья Ивановна, «я вѣрила въ будущее. Слова его для меня были святы. По истинѣ, прекрасна была его душа, и высоко честны его стремленія и мысли! Слушаю брата,—и у меня легко и свѣтло станетъ на душѣ».

Но откуда же взялись эти рѣзкія ноты въ смѣхѣ и эта иронія въ «критикахъ»?

Левитовъ находился еще во второмъ классѣ реторики, когда въ семинарію поступилъ новый инспекторъ монахъ Іеронимъ. Властолюбивый, сухой и педантичный, кака сама схоластика,—онъ не понималъ индивидуальныхъ проявленій личности и ея стремленій къ самостоятельности въ воспитанникахъ семинаріи; ихъ духовный міръ былъ закрытъ для очерствѣвшей души суроваго монаха. Онъ зналъ одно, что каждый семинаристъ представляетъ собою ни что иное, какъ питомца духовнаго учебнаго заведенія и, въ качествѣ таковаго, нѣкій сосудъ, имѣющій въ себя вмѣстить лишь то, что въ него вмѣстить можетъ семинарія,—и больше ничего другого. Исходя изъ этого положенія, инспекторъ отъ всѣхъ учениковъ требовалъ исполненія слѣдующихъ обязанностей: каждый семинаристъ долженъ быть

богобоязливъ и смиренъ духомъ, любить и почитать своихъ начальниковъ и профессоровъ, ежедневно посѣщать всѣ лекціи и записывать ихъ, зубрить въ запискахъ содержимое и дословно по нимъ отвѣчать, когда спросятъ. Программа несложная и совсѣмъ незамысловатая. Отступленій отъ этой программы не полагалось, а въ случаѣ, паче чаянія, ежели бы со стороны учащихся послѣдовали какія-либо отступленія, то таковыя всѣми зависящими отъ начальства мѣрами истреблять, какъ непотребныя и въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ нетерпимыя.

И вотъ, благослови Господи, какъ только Іеронимъ вступилъ въ отправление своихъ обязанностей по должности инспектора семинаріи, онъ услышалъ отъ профессора словесности, что у нихъ завелся сочинитель стихотворецъ—парнишка, какой-то сынъ дьячка, Корниловъ-Левитовъ. Выслушалъ и смутился духомъ монахъ: такъ поразило его столь неожиданное извѣщеніе... «Надо истребить»! было первымъ словомъ монаха. Левитова потребовали на лицо къ инспектору.

Уставилъ монахъ холодный взоръ стеклянныхъ глазъ на «парнишку» и смотреть на него долго и неподвижно, стараясь точно проникнуть въ самыя сокровенныя глубины души предстоящаго передъ нимъ семинариста. А тотъ—ничего—стоитъ, глядитъ хотя смущенно, но по губамъ у него скользитъ едва уловимая улыбка.

— О, Господи помилуй!...—произнесъ, наконецъ, монахъ и присовокупилъ:—склони выю, парнишка!

Въ своемъ очеркѣ „Петербургскій случай“, Левитовъ передаетъ, какимъ изслѣдованіемъ монахъ подвергъ голову парнишки, и къ какому выводу эти изслѣдованія привели френолога въ рясѣ:

— У него, дѣйствительно, очень развита шишка сочинительства... Только ты, гляди у меня... сочинитель... запорю, коли что узнаю... О-охо-хо! Пошелъ прочь!

Подоспѣвшіе каникулы помѣшали инспектору осуществить свое благое намѣреніе. Но онъ не забылъ о парнишкѣ съ „шишкою сочинительства“, и, какъ только возобновились учебныя занятія въ семинаріи, принялся за исправленіе „злхудожной души“ съ рвеніемъ, достойнымъ лучшаго дѣла. Въ стѣнахъ заведенія монахъ не спускалъ глазъ съ Левитова, вездѣ и зорко слѣдилъ за нимъ и придирался ко всякимъ мелочамъ, а на квартирѣ, гдѣ жилъ Левитовъ вмѣстѣ съ Соколовымъ и другими товарищами, онъ былъ подчиненъ строгому надзору старшого, на обязанности котораго лежало наблюдать за поведеніемъ всѣхъ, въ особенности же за „сочинителемъ“, и доносить инспектору.

Разъ, во время перемѣны, Левитовъ съ Соколовымъ забились въ одну изъ классныхъ комнатъ и, пользуясь свободными минутами, читали продолженіе романа „Домби и сынъ“. Оба товарища страшно хохотали: передъ ними только что выступилъ знаменитый маіоръ Джозефъ Багстокъ—старикашка Джой Багстокъ!

— А, каковъ, каковъ старикашка, Джозефъ Багстокъ!—хохоталъ Соколовъ.

— Хитеръ, старичина, хитеръ!—заливался отъ всего сердца Левитовъ.

Раздавшійся звонокъ прервалъ чтеніе, и семинаристы бросились въ классъ. На кафедрѣ появился самъ инспекторъ, окинулъ холоднымъ взоромъ учениковъ и принялся за изложеніе лекціи по герменевтикѣ. Затѣмъ послѣдовали вопросы. Дошла очередь до Левитова. Посмотрѣлъ онъ на профессора, переглянулся съ Яковомъ Соколовымъ и опять усталъ глядѣть на безстрастное лицо монаха.

— Что же ты, олухъ, безмолвствуешь, и не отвѣчаешь на предложенный тебѣ вопросъ?—гнѣвно обратился инспекторъ къ ученику.—Отвѣтствуй, *stultissime*...

Левитовъ, все еще находясь подъ вліяніемъ чтенія Диккенса, продолжалъ глядѣть въ лицо монаха и вдругъ, самъ не понимая, какъ случился съ нимъ такой грѣхъ, заговорилъ:

— А хитеръ старичина, Джозефъ Багстокъ, хитеръ... Его не поведешь!

Въ классѣ, за партами, раздался сдержанный смѣхъ.

— Что? что такое ты сказалъ?—торопливо заговорилъ монахъ.—Развѣ я въ моей лекціи...

Весь классъ замеръ. Левитовъ сконфузился, потомъ оправился и началъ, какъ по писанному, отвѣчать на предложенный вопросъ.

— Хорошо,—сказалъ инспекторъ.—Но о какомъ ты старичинѣ мнѣ началъ, къ чему ты его приплелъ?

Нашлись услужливые пріятели, которые объяснили, въ чемъ дѣло.

Монахъ въ негодованіи: въ духовномъ вертоградѣ—и питомцы читаютъ свѣтскія сочиненія, да еще какія сочиненія? Роман-ны, аглицкіе роман-ны!

Въ тотъ же день Левитовъ былъ посаженъ въ темный карцеръ. Онъ боялся темноты, и все время кричалъ, чтобы его выпустили и валь на помощь товарищей. Но, конечно, никто изъ нихъ не посмѣлъ явиться на выручку...

Не успѣлъ семинаристъ оправиться отъ перваго удара, какъ за нимъ послѣдовалъ новые и болѣе чувствительные...

Семинаристы, жившіе на квартирахъ, обязаны были повиноваться во всемъ старшѣму, ежедневно, утромъ и вечеромъ, становиться на молитву и читать ихъ вслухъ, по положенію, въ присутствіи того же старшѣго. Однажды Левитовъ сидѣлъ за „Вечерами на хуторѣ“ Гоголя и такъ увлекся чтеніемъ, что не слыхалъ, какъ старшій уже нѣсколько разъ звалъ его на молитву. Наконецъ, тотъ подошелъ къ Левитову и взялъ его за плечо.

— Становись на молитву!

Левитовъ вздрогнулъ, быстро повернулся и оттолкнулъ своего надзирателя.

— Убирайся!—крикнулъ онъ.—Я молюсь въ душѣ...

На другой день было доложено инспектору, и Левитовъ опять очутился въ темномъ карцерѣ.

— Н-нѣтъ, ты у меня забудешь романы,—шипѣлъ монахъ.—Будешь у меня молитвы читать! Экое искушеніе!... Да нѣтъ, я искреню всѣ злохудожества... Сочинитель!

Будь Левитовъ инаго склада человѣкъ, онъ уступилъ бы напору этой силы и смирился. Напрасно экономя семинаріи, старикъ монахъ, горячо любившій Левитова за его умъ и способности, пытался уговорить своего любимца, чтобы онъ, хотя на время пребыванія своего въ заведеніи, смирился и не шелъ противу «рожна». Но Левитовъ не способенъ былъ къ смиренію и считалъ себя несправедливо оскорбленнымъ... На него стали находить, по временамъ, минуты тяжелыхъ думъ и тоски... Удастся ли ему окончить курсъ и поступить въ академію, о чемъ они съ Соколовымъ часто мечтали? Монахъ Іеронимъ торжественно и передъ цѣлымъ классомъ заявилъ, что онъ или смирить гордыню и уничтожить всѣ злохудожества въ „сочинителѣ“, или же не дастъ ему окончить курса въ семинаріи. На бѣду Левитова, прежняго ректора куда-то перевели, и на его мѣсто назначенъ былъ новый, человѣкъ добрый, но подчинявшійся вліянію желѣзнаго характера Іеронима... Но если бы даже посчастливилось окончить, то что же тогда-то?... Душа юноши рвалась къ свѣту и правдѣ, умъ искалъ знанія, а тутъ, въ семинаріи, мракъ и „татаромудріе.“ Вспомнилъ онъ о добромъ своемъ дядѣ, Андрѣ Прокофьевичѣ... Вѣдь, вотъ и окончилъ курсъ, поступилъ на мѣсто и миссіонеръ, а спился... Отъ чего же?... Отъ чего?... Да отъ того, что дядя, по самой своей натурѣ, поэтъ, а ему выпало на долю быть попомъ... Неужели и его постигнетъ подобная же участь?... Думалъ такъ и приходилъ въ ужасъ бѣдный философъ семинаріи. Сколько напрасныхъ

тревогъ, нравственныхъ терзаній! Соколовъ ободрялъ пріятеля и говорилъ:

— Подождемъ... Увидимъ, что отъ него дальше будетъ. А то мы и бросимъ семинарію, въ университетъ или медицинскую академію съ тобой махнемъ!

И Левитовъ ждалъ, не рѣшалъ окончательно вопроса. Лѣтомъ, по окончаніи экзаменовъ, онъ поѣхалъ домой, чтобы провести каникулы у родныхъ... Иванъ Ѳеодоровичъ гордился успѣхами сына, крѣпко вѣрилъ, что тотъ окончитъ курсъ въ семинаріи и поступитъ въ академію... Вѣрили и надѣялись также всѣ родные, что ихъ Саша непременно будетъ священникомъ или „выше чѣмъ“...

Надеждамъ семьи, однако, не суждено было исполниться. Возвратился Саша въ семинарію и съ нимъ случилось событіе такого рода, что сразу рѣшило его судьбу, и все будущее юноши получило совершенно иное направленіе.

II.

Левитовъ занимался съ прежнимъ усердіемъ и успѣхомъ; но преслѣдованія со стороны инспектора не прекращались. Монахъ не довольствовался тѣмъ, что въ семинаріи слѣдилъ неукоснительно за ненавистнымъ ему «сочинителемъ» и получалъ донесенія отъ старшбого: онъ вздумалъ самъ посѣщать квартиру Левитова и являлся внезапно, поздней ночью, съ цѣлью «накрыть и поймать на самомъ мѣстѣ преступленія». И монахъ достигъ своей цѣли. Онъ вломился разъ въ полночь на квартиру семинаристовъ и засталъ ихъ слушающими Левитова, который читалъ вслухъ „Мертвыя души“.

— А! такъ вотъ вы какъ, подлецы!—загремѣлъ Іеронимъ.— Читать!.. На полу цыгарки... Вино пили, дѣвогъ, поди, къ себѣ приводили... Ты, Корниловъ, за всѣхъ завтра мнѣ отвѣтишь!..

Левитовъ не вытерпѣлъ, вскочилъ и въ рѣзкихъ выраженіяхъ сталъ говорить монаху; въ концѣ концовъ онъ попросилъ инспектора оставить ихъ квартиру...

Этотъ фактъ положилъ конецъ всему. Левитовъ не спалъ всю ночь; онъ думалъ, какъ будутъ огорчены его отецъ и мать, когда узнаютъ, что ихъ сына исключили изъ семинаріи... Но случилось нѣчто другое...

«Меня обвинили, безъ суда и слѣдствія», рассказывалъ намъ Левитовъ, «въ приводѣ на квартиру женщинъ, въ непотребномъ ругательствѣ своего начальника и приговорили къ воспріятію розогъ. Іеронимъ отлично понималъ, что такого рода наказаніе для меня гораздо будетъ чувствительнѣе, чѣмъ исключеніе

изъ семинаріи. Съ минуты приглашенія меня и всего класса въ экзекуторскую, я потерялъ сознаніе... Что было потомъ, я не знаю; знаю только, что я былъ приговоренъ къ смерти: у меня открылась нервная горячка, и я очнулся только черезъ мѣсяць и въ больницѣ»...

Оправившись отъ болѣзни, Левитовъ окончилъ курсъ въ фило-софіи и, хотя съ уменьшенною по поведенію отмѣткою, назначенъ былъ къ переводу въ богословское отдѣленіе. Теперь вопросъ о будущемъ рѣшенъ и рѣшенъ окончательно. На праздникахъ Рождества Христова и Пасхи, когда онъ гостилъ въ Добромъ, ничего роднымъ не сказалъ о своемъ намѣреніи, а равно и постигшемъ его несчастіи.

Вмѣстѣ съ Яковомъ Соколовымъ они порѣшили поступить въ университетъ и списались съ знакомыми, которые учились въ московскомъ университетѣ и медико-хирургической академіи (въ послѣдней былъ уже тогда Егоръ Щепотьевъ). Имъ отвѣчали, что, молъ, трогайтесь, съ Богомъ, ребята, пріѣзжайте къ намъ, не пропадете.

Левитовъ написалъ съ бабушкою отцу о своемъ намѣреніи и просилъ его благословенія. Иванъ Ѳедоровичъ былъ сильно этимъ озадаченъ и отвѣтилъ сыну суровымъ и грознымъ письмомъ. Но тотъ не хотѣлъ отступить отъ своего рѣшенія и послалъ отцу письмо слѣдующаго содержанія.

«Милые мои родители, батенька и маменька!

«Въ письмѣ, посланномъ съ бабушкою, я уже объяснилъ вамъ причины, побуждающія меня поступить въ Университетъ. Изъ моего письма къ Машѣ вы еще болѣе увидите эту необходимость. Я, разумѣется, поступилъ опрометчиво, не приготовивъ васъ объ Рождествѣ и объ Святой къ этой мысли; но я охотно признаюсь въ этомъ и прошу прощенія, тѣмъ болѣе, что я не надѣялся получить вашего согласія, не хотѣлъ разстраивать васъ разговоромъ о неудачномъ положеніи моихъ дѣлъ по Семинаріи. Я одинъ несъ горе, не желалъ васъ дѣлать участниками, какъ говоритъ пословица: знай грудь да подоплека. Къ такому намѣренію принудила меня невнимательность ректора, который, какъ я вамъ уже говорилъ, не обратилъ нисколько вниманія на мои успѣхи, на мое поведеніе. Отъ этого невниманія и отъ нападеній инспектора я просто обезумѣлъ и потому то я не успѣлъ васъ увѣдомить послѣ Святой объ окончаніи моего намѣренія, потому что я дѣйствовалъ какъ

сумасшедшій. Простите мнѣ эту опрометчивость, я ничего у васъ не прошу, я дойду пѣшкомъ до Москвы, а тамъ какъ Богъ дастъ, только не сердитесь на меня, не печальтесь—объ одномъ прошу. Можетъ быть, самъ Богъ вложилъ въ меня эту мысль, и, можетъ быть, Онъ ведетъ меня къ счастью. Умоляю васъ простить мнѣ это и написать, что вы на меня не сердитесь. Я просто говорю вамъ, что меня примутъ въ университетъ, что я буду тамъ трудиться такъ, что или умру, или составлю себѣ счастье. Напишите мнѣ поскорѣе. Мнѣ тоже, вѣдь, не весело. Если, какъ вы пишете, вамъ грустно, то мнѣ еще грустнѣе, но я надѣюсь на Бога, надѣюсь, что вы, поразмысливъ о моемъ намѣреніи, одобрите его и простите меня за то, что я не спросился.

«Мнѣ нечего было дѣлать—необходимость принудила меня къ этому. Пишите, пожалуйста, поскорѣе. Я жду съ нетерпѣніемъ отъ васъ другого письма. Прощайте. Вашъ сынъ уч. Богословіи А. Левитовъ.

«Р. S. Отъѣзжая въ университетъ, я не увольняюсь изъ семинаріи и изъ духовнаго званія; слѣдовательно, если меня не примутъ тамъ, то я все-таки могу учиться въ семинаріи. Тогда я поѣду къ о. Порфирію, ректору ярославской семинаріи, котораго батинька знаетъ. Онъ меня очень любилъ, когда былъ у насъ въ Тамбовѣ инспекторомъ, и онъ меня ужь непременно приметъ въ свою семинарію. Пишите поскорѣе. Прощайте».

А вотъ что Левитовъ писалъ сестрѣ:

«Милая Маша!

«Я получилъ твое письмо и въ отвѣтъ на него скажу тебѣ, что твое воображеніе до нельзя преувеличиваетъ опасность моего положенія. Оно болѣе счастливо, нежели ты себѣ его представляешь. Я не хочу скрывать отъ тебя того, что оно нѣсколько затруднительно въ денежномъ отношеніи; но въ отношеніи моей будущей карьеры, это положеніе самое завидное, самое блестящее. Я тебѣ скажу почему это: мои счастливыя способности, которыми Богу было угодно надѣлать меня, дѣлаютъ для меня легкимъ приготовленіе къ выдержанію экзамена въ Университетъ. Кромѣ того, я поступаю на медицинскій факультетъ,—и если бы не имѣлъ

этихъ способностей, еслибы я неудовлетворительно отвѣтилъ на экзаменъ, то былъ бы принятъ, потому что нынѣшняя война требуетъ много лѣкарей—и начальство университета не брезгуетъ принимать и такихъ, которые глупѣе меня. Это я знаю изъ писемъ товарищей, которые, подобно мнѣ, уѣхали безъ копѣйки денегъ и живутъ тамъ на прекрасныхъ кондиціяхъ. Теперь ты скажешь, чѣмъ я буду содержаться до тѣхъ поръ, пока найду кондицію. Я на это отвѣчаю тебѣ: г-нъ Николаевъ, тамбовскій докторъ, даетъ мнѣ рекомендательное письмо къ своимъ родственникамъ, которые въ одну недѣлю приищутъ мнѣ мѣсто учителя въ какомъ-нибудь домѣ. Одинъ годъ я проживу на кондиціи, и хоть въ чужихъ людяхъ жить не очень пріятно, но я буду утѣшать себя надеждою, что по положенію университета, буду принятъ черезъ годъ на казенный счетъ. Положимъ, что и не найду кондиціи, то товарищи не дадутъ умереть съ голоду, а я, ты знаешь, неприхотливъ: для того, чтобы жить, мнѣ нужно только фунтъ чернаго хлѣба въ день, который въ Москвѣ не дорогъ, да фунтъ воды, которую и въ Москвѣ можно пить, сколько душѣ угодно, и пить её, ей Богу, мнѣ никто не смѣетъ запретить. Теперь, что касается до проѣзда, то я откровенно скажу, что въ этомъ случаѣ я надѣялся на батеньку, но такъ какъ ты пишешь, что онъ и маменька сочли нужнымъ увѣдомить меня, что не дадутъ ни копѣйки, то Богъ съ ними. У меня есть двѣ собственныхъ ноги, которые мнѣ сказали, что онѣ съ величайшимъ удовольствіемъ готовы везть меня до Москвы безъ всякой платы—и ты, я думаю, очень легко можешь себя представить, какъ я имъ за это благодаренъ».

Далѣе Левитовъ излагаетъ свои *pia desideria*, которыя всѣ приурочиваются къ тѣмъ же урокамъ и разнымъ фантастическимъ занятіямъ, могущимъ, будто бы, обезпечить его въ матеріальномъ отношеніи, если онъ не поступитъ «на казну». Какъ видѣнъ здѣсь будущій Левитовъ! Онъ весь на лицо, со всей его непрактичностью и дѣтской наивною. Послушаемъ, что онъ говоритъ дальше въ своемъ письмѣ:

«Теперь ты, моя милая Маша, видишь, какъ у меня много средствъ къ моему содержанію въ Москвѣ. Теперь уже ты видишь, что препятствія, не позволяющія мнѣ поступить въ университетъ, всѣ отстранены, и мнѣ уже ничего не остается дѣлать, какъ учиться,—и

какъ еще учиться? За двоихъ, за троихъ, а можетъ быть за пятерыхъ, душа ты моя! Но я не боюсь этого, я буду трудиться и буду, по крайней мѣрѣ, знать, что труды мои не пропадутъ, какъ въ семинаріи, даромъ, что эти труды устроятъ будущность моихъ родныхъ, будущность моихъ милыхъ Алеши и Маши. Теперь какая твоя судьба? Ты не знаешь еще еѣ жестокою и страшную. Твоя молодость еще не заставляла тебя думать о будущемъ, а я уже думалъ, и думы мои относительно этого были мрачны. Кончи я курсъ въ семинаріи, поди въ наставники или, чего Боже избави, возьми какую нибудь толстую дуру съ поповскимъ мѣстомъ, ты погибла; ты будешь еще очень счастлива, если возьметъ тебя какой-нибудь дуралей, исключенный изъ философіи. Что ты съ нимъ будешь дѣлать? Онъ не пойметъ твоего ума, потому что онъ дуракъ, а ты, скажу откровенно, ты отъ природы умна и тебѣ быть бы не какой-нибудь дьяконицей, которая всю жизнь свою проводитъ въ вознѣ съ животными. Такой мужъ пошлетъ тебя жать, тогда какъ руки твои пріучены къ шитью и кружевамъ, когда онъ болѣе привыкли писать и держать книгу, нежели серпъ. Женщины, въ кругу которыхъ ты будешь находиться, прозовутъ тебя лѣнтяйкой, а мужъ будетъ тебя бить за это, моя бѣдная Маша, и не будетъ тебѣ отъ него, пьянаго, покоя ни днемъ, ни ночью!.. Что, ты боишься этой будущности? Она пугаетъ тебя? Да нѣтъ, это еще хорошо (объ этомъ по подробнѣе я съ тобою переговорю, когда пріѣду домой). Такъ ты прежде бы подумала о своей будущей судьбѣ; а потомъ бы ужъ и говорила, что мы ѣдемъ въ Москву для того, чтобы быть намъ шарлатанами, подобно В. Б—ову... Ты думаешь, что я для себя ѣду въ Москву? Нѣтъ, я ѣду для васъ, для того, чтобы, устроивъ свою карьеру, имѣть возможность куда нибудь опредѣлить своего больного брата, котораго, будь я попомъ, моя глупая и злая жена (а поповы дочери всѣ глупы и злы) своими притѣсненіями, своими побоями свела бы въ могилу, — ѣду для того, чтобы имѣть возможность выдать свою сестру за-мужъ за порядочнаго человѣка, — ѣду для того, чтобы, если Богъ приведетъ, мой отецъ и моя мать нашли бы въ моей женѣ существо благородное, которое бы уважало ихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, любило бы, чего никогда не будетъ, если я буду попомъ, потому что жены поповы всегда терпѣть не могутъ своихъ

свекровь и свекровей. Такъ, наконецъ, пойми же меня, поймите и вы, всѣ домашніе, поймите мою благородную цѣль, мою любовь въ вамъ дѣтскую и братскую. Я сказалъ вамъ всю правду, и если вы напишите еще такое письмо мнѣ, какое я уже получилъ отъ васъ, то вы меня убьете имъ,—вмѣсто того, чтобы поддержать на этомъ пути. Если Богъ исполнитъ мои намѣренія, если онъ увѣнчаетъ ихъ концомъ, какого я ожидаю, тогда вы на дѣлѣ увидите, говорю ли я вамъ правду. Ну, разсуди сама, Маша, что я для тебя могу сдѣлать, если буду наставникомъ! Въ двадцать лѣтъ моей службы я вѣдь только могу собрать тебѣ порядочное приданое, а куда я тогда дѣну Алешу? По прошествіи 7 или 8 лѣтъ ты ужь будешь старая дѣва (помнишь, мы читали съ тобою въ какомъ то романѣ: «Царь Дѣвица»?). Ну, вотъ что ты тогда будешь! И если вмѣстѣ съ батенькой я, будучи наставникомъ, наберемъ тысячу руб., то кто тебя возьметъ съ этими тысячею рублями—тебя, уже почти старуху? А въ университетѣ, по окончаніи курса, я буду получать одного жалованья 1000 р. серебромъ, да доходовъ отъ практики вдвое болѣе, и мнѣ тогда ничего не будетъ стоить пріискать тебѣ порядочнаго жениха, который бы могъ вполне оцѣнить тебя—тогда я въ одинъ годъ могу собрать тебѣ 5000 р. и какъ человѣку, занимающему прекрасную должность, мнѣ настолько всѣ повѣрятъ. Ты еще такъ молода, что по прошествіи четырехъ лѣтъ ты будешь еще молодой невѣстой. Тогда я безъ всякаго труда могу и Алешу пристроить къ мѣсту. Потому прошу тебя не печалься обо мнѣ, а молись лучше Богу и утѣшай себя надеждою, что черезъ четыре года взойдетъ на нашемъ семейномъ горизонтѣ звѣзда моего счастья, лучи котораго упадутъ на тебя, Алешу и на все наше семейство. Долгая разлука со мною также не должна пугать тебя, потому что каждый годъ я буду жить дома по два мѣсяца съ половиной лѣтомъ—и не пріятно ли тебѣ будетъ, когда я буду предметомъ удивленія нашихъ Добринцевъ, и не пріятно ли тебѣ будетъ, когда черезъ годъ мы пойдемъ гулять съ тобою и бѣлый султанъ моей каски такъ важно будетъ качаться по вѣтру, а шпага гремѣть...

«Ну, прощай. Я все написалъ тебѣ. Пиши мнѣ поскорѣе и подлиннѣе. Прощай, цѣлую тебя и Алешу. Твой братъ, будущій Студентъ Университета, Александръ Левитовъ».

«Р. S. Кланяйся бабушкѣ, поцѣлуй её за меня и скажи ей, чтобы она помолилась за меня Богу, чтобы молитва ея возвратила мнѣ спокойствіе духа, убитое вашимъ письмомъ, чтобы Богъ послалъ мнѣ то, что я желаю.

«Прощай, цѣлую тебя! Прощай!»

Все это Левитовъ конечно, писалъ въ тѣхъ видахъ, чтобы ярче показать родителямъ и сестрѣ всѣ выгоды и пользу своего поступленія въ университетъ.

Старикъ монахъ, который любилъ Левитова, долго и напрасно его отговаривалъ отъ рискованнаго предпріятія.

— Не ѣзди, пропадешь,—говорилъ онъ.—Окончи богословію. А тамъ—что Богъ!..

Но когда монахъ увидѣлъ, что напрасны всѣ его убѣжденія, онъ обнялъ Левитова, прослезился и сказалъ:

— А можетъ—и къ лучшему все, кто знаетъ? Прощай! Господь тебѣ въ попутчики, горячая головка!

И старикъ подарилъ юношѣ три цѣлковыхъ.

Прощай родина! Прощайте и вы, дорогія степи! Увидится ли опять когда съ вами юноша, или нѣтъ? Если увидится, то такъ же ли радушно и любовно вы примете его, какъ радушно и любовно всегда принимали его, когда онъ пріѣзжалъ къ вамъ изъ семинаріи?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I

Еще въ пятидесятыхъ годахъ, между учащейся молодежью въ нашихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, обнаружилось стремленіе къ поступленію въ университеты и другія высшія учебныя заведенія гражданскаго вѣдомства; а въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ это стремленіе до такой степени завладѣло умами воспитанниковъ семинарій, что они массами эмигрировали въ столичныя и другіе университетскіе города. Большинство этихъ бѣглецовъ, люди безъ всякихъ средствъ, не имѣли почти никакого представленія о томъ, что ихъ ожидаетъ впереди: какъ они поступятъ въ университетъ или академію, на что будутъ содержать себя въ продолженіи курса и т. п. Они чувствовали неудовлетворенность въ той обстановкѣ, въ которой жили и воспитывались, и потому искали выхода; выходъ былъ единственный—пробраться въ университетъ... Одни изъ нихъ умѣли устроиться и благополучно окончивали курсъ, другіе и, можетъ

быть, самые талантливые,—не выдерживали борьбы съ суровыми условіями жизни и гибли подъ ударами жестокой судьбы...

Левитовъ и Соколовъ—въ Петербургѣ.

Весь путь отъ Тамбова и до Москвы наши философы совершили пѣшкомъ, съ легкими котомочками за плечами, нѣсколькими рублями въ карманѣ и толстыми палками въ рукахъ. За то они были богаты надеждами и вѣрою въ лучшіе дни. Левитовъ завернулъ на родину повидаться съ своими родными и проститься съ ними. Тамъ встрѣтили его слезы, плачъ и, полные скорби и молебны, взоры матери, сестры и брата... Хорошо, что отъ матери скрыли на время правду, и она не знала, что Александръ совсѣмъ покинулъ семинарію и теперь отправляется въ Москву. Пожалуй, не устоялъ бы, сдался при видѣ этихъ жгучихъ страданій близкихъ и дорогихъ людей и опять остался въ семинаріи: тогда все пропало и пришлось бы сказать прости навсегда и университету, и всѣмъ золотымъ грезамъ и мечтамъ юности!.. Нѣтъ, пусть ужъ лучше мать не знаетъ огорькой дѣйствительности! Отецъ проводилъ Александра до Козловска, далъ ему пять рублей, благословилъ и махнулъ рукою...

Въ Москвѣ обоихъ друзей ожидало разочарованіе. Они узнали, что число свободныхъ вакансій въ университетѣ крайне ограничено и рассчитывать на полученіе стипендій невозможно.

— Другое дѣло въ медико-хирургической академіи,—говорили москвичи:—тамъ всегда много вакансій, а теперь и подавно—война идетъ, и врачи нужны. А потому, степнячки, махайте-ка съ Господомъ въ Питеръ!

И степнячки махнули въ Питеръ.

Но прежде, чѣмъ мы послѣдуемъ за ними въ «Сѣверную Пальмиру», возвратимся вмѣстѣ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ въ село Доброе и взглянемъ что тамъ случилось по уходѣ Александра.

Бѣгство Левитова, какъ громъ, разразилось надъ домомъ сельскаго дьячка. Прасковья Прокофьевна отъ кого-то узнала истину, ахнула и черезъ два дня отдала Богу свою душу: такъ страшно потрясло это извѣстіе чувствительную душу бѣдной женщины. Иванъ Ѳедоровичъ былъ глубоко опечаленъ: и сынъ противъ его желанія ушелъ, и жена умерла. Онъ чаще сталъ подходить къ шкафчику, гдѣ стояла бутылка съ водкой и попивать. Дѣти не помнили себя отъ горя... Одна бабушка, Марья Амплеевна, не потеряла головы и нашла въ трудныя минуты: не будь ея—все хозяйство разстроилось бы и семья разбрелась бы по чужимъ людямъ.. Старуха сохранила хозяйство, поддержала въ трудныя минуты зятя и спасла вну-

чать. Этого мало: она старалась повліять на Ивана Ѳедоровича по отношенію къ Александру, и убѣдить отца, хотя на первыхъ порахъ, не оставлять сына безъ помощи. О смерти Прасковьи Прокофьевны на семейномъ совѣтѣ было положено не писать Александру, чтобы не разстраивать его: «покойницу не воротить, а живому отъ этого одно горе и печаль». Такъ Александръ и не зналъ ничего о смерти матери, пока его не извѣстили со стороны и уже мѣсяца черезъ три.

Какъ добрались наши пріятель до Петербурга, — трудно себѣ и представить, — но на первыхъ же порахъ они встрѣтились тамъ лицомъ къ лицу съ неприглядной дѣйствительностью и «безкормичею». Не будь, на счастье Левитова, въ то время въ Петербургѣ Ал. Ив. Щепотьева, то плохо пришлось бы юношѣ! Щепотьевъ помогъ своему племяннику деньгами, и тотъ прислалъ за работу, началъ готовиться къ вступительному экзамену въ медицинскую академию. Писалъ онъ домой, просилъ о помощи; но, вмѣсто ожидаемой присылки денегъ, получалъ отъ сестры одни простыя письма, да отъ отца благословеніе на добрыя дѣла и ученье, съ обѣщаніемъ, однако, помочь ему въ будущемъ. Тамбовскій дядя, служившій столоначальникомъ въ консисторіи также обѣщалъ денежную помощь племяннику, если только онъ поступитъ въ университетъ или академию. Дѣла Соколова были въ лучшемъ состояніи: батька выслалъ ему денегъ, и онъ, сколько могъ, подѣлился съ Левитовымъ. При такихъ условіяхъ товарищи готовились къ экзаменамъ, выдержали и поступили въ число студентовъ академіи. Левитовъ написалъ о своей радости домой:

«С.-Петербургъ. 1855 года, 27 августа.

«Милые мои родители, батенька и маменька!

«Воскресенье нынѣ. На душѣ моей спокойно и ничто не можетъ возмутить этого спокойствія. Съ какою радостью я и всѣ мои товарищи, пришедши съ послѣдней конференціи, поздравили другъ друга съ окончаніемъ экзаменовъ и съ новымъ именемъ Студента Медико-Хирургической Академіи. Для такой радости одинъ нашъ товарищъ, на присланные ему 50 руб. серебр., купилъ спирту, мадеры, коньяку и даже 3 бутылки шампанскаго. По этому-то случаю весь прошлый день, т. е., субботу мы кутили самымъ страшнымъ образомъ, а нынѣ, т. е., въ воскресенье, обѣдаемъ хлѣбъ и квасъ. Такъ переходитъ слава міра сего! И сбудность нашего обѣда

ничуть не мѣшаетъ намъ сейчасъ играть въ карты, пѣть, хохотать и дѣлать всякаго рода глупости, такъ свойственныя молодымъ людямъ, достигшимъ своей задушевной цѣли.

«Скажу вамъ, что я выдержалъ экзаменъ самымъ блестящимъ образомъ, равно и всѣ мои товарищи. Надъ своимъ именемъ въ общемъ списокѣ я видѣлъ надпись генерала-президента академіи: «принять въ число студентовъ»; только еще переклички не было. Но не бываетъ радости безъ горя. На казенный счетъ поступить мнѣ не пришлось. Теперь я хочу просить себѣ морское жалованье, состоящее изъ 12 руб. серебр. въ мѣсяцъ, слѣдовательно, я въ годъ буду получать 144 руб. сер. и если дядя П. Θ. будетъ мнѣ присылать въ мѣсяцъ 3 руб. сер. да вы въ годъ рублей 20 сер., то я буду жить бариномъ. Отпускаютъ здѣсь домой на три лѣтніе мѣсяца: іюнь, іюль и августъ; слѣдовательно, я, получивъ за три мѣсяца—36 руб. сер., буду имѣть возможность пріѣхать къ вамъ на слѣдующій годъ и непременно пріѣду.

«Теперь моя единственная забота состоитъ въ экипировкѣ, но А. И. Щепотьевъ обѣщается мнѣ помочь въ этомъ случаѣ. Послѣ того, какъ я писалъ вамъ, что онъ далъ мнѣ пять руб. сер., онъ далъ мнѣ еще десять руб. сер. Чтѣ вы рады этому случаю? Небойсь, думаете, что теперь у меня денегъ пропасть, что я могу еще на нихъ долго прожить. Нѣтъ, не безпокойтесь, у меня ужъ ихъ нѣтъ ни копѣйки. Ничуть не роскошничая, я прожилъ эти деньги почти въ два мѣсяца».

Но почему же Левитовъ, выдержавшій блестящимъ образомъ экзаменъ, не поступилъ въ академію на казенный счетъ, тогда какъ нѣкоторые изъ его товарищей получили стипендіи? По словамъ Кс. Д. Д—ой, слышавшей отъ самого Левитова, онъ, по своей мечтательности, опоздалъ подать прошеніе, и вакансіи всѣ были заняты. Когда-то еще онъ дождется «морскаго жалованья», а вѣдь учиться и жить надо... Дядя изъ Тамбова, не смотря на свое обѣщаніе, денегъ не присылалъ, отъ отца тоже ни копѣйки, а надежды на уроки не оправдались. По неволѣ пришлось переколачиваться изо дня въ день и жить въ-проголодь. А тутъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, отъ А. И. Щепотьева онъ узнаетъ, что мать его очень больна. Левитовъ пишетъ отцу, чтобы его поскорѣ уведомили о здоровѣи матери. Черезъ двѣ

недѣли приходило изъ Добраго письмо съ деньгами и извѣстіемъ, что матери нѣтъ уже больше на свѣтѣ... Не скоро собрался юноша съ силами, чтобы отвѣтить на это письмо. Но дома ждутъ, надо утѣшить семью, и онъ пишетъ:

«Добрые и милые батенька, сестра и братъ!

«Письмо и деньги 15 руб. сер. я получилъ 8 октября, за что и благодарю отъ души.

«Извѣстіе о смерти маменьки крайне меня поразило, такъ что еслибы не участіе добрыхъ людей, я не знаю, чтобы со мною сдѣлалось. Мало по малу я начинаю привыкать къ этой ужасной мысли, что никогда не увижу маменьки, приводя себя на память утѣшительныя истины нашей святой религіи, которая запрещаетъ намъ скорбѣть и печалиться объ умершихъ до отчаянія. Хотя иногда невольно приходятъ мнѣ въ голову печальныя думы о нашемъ несчастіи—и я плачу; но представивъ, что Промыслъ Божій все устраиваетъ къ нашему благополучію, я утѣшаюсь этой спасительной истиной.

«И, дѣйствительно, милосердый Богъ, взявшій отъ насъ маменьку, въ тоже время подаль мнѣ средство устроить и себя, и сестру, и брата. Не знаю только, куда ты, батенька, дѣнешься. Въ монастырь, какъ совѣтуютъ благочинный и П. Θ—чъ? Благодарю ихъ за совѣты. Не для этого я страдалъ въ семинаріи, да еще обрѣлъ на себя новыя страданія, чтобы видѣть сестру свою за дьячкомъ, отца монастырскимъ хлѣбопекомъ, а брата не имѣющимъ пристанища! При помощи Божьей и при ходатайствѣ добрыхъ людей, я устрою все это иначе—и именно вотъ какъ: счастливый случай познакомилъ меня съ однимъ военнымъ докторомъ, черезъ него я познакомился съ княземъ С. А. Г—мъ. Оба они принимаютъ сильное участіе въ моей судьбѣ, и очень меня полюбили. Слушая мои рассказы о моемъ положеніи, они присовѣтовали мнѣ привезти сюда сестру и брата. Сестру они общаются помѣстить въ Царскосельскій Институтъ для дѣвицъ духовнаго званія. Лучшее этого Машѣ желать нельзя, потому что, по окончаніи курса воспитанницы, начальство института даетъ ей приданое и отдаетъ замужъ за священника. Вы не сказывайте покуда объ этомъ ни кому. Алешу мы тоже помѣстимъ въ какой-нибудь пансіонъ, гдѣ онъ, окончивъ курсъ, при моемъ пособіи, можетъ поступить въ нашу академію. Князь и докторъ ста-

раются помѣстить меня въ пансіонеры министерства внутреннихъ дѣлъ. Директоръ далъ князю слово, и я скоро поступлю на казну. А за тебя, батенька, я буду просить моего бывшаго наставника, игумена Козловскаго монастыря о его къ тебѣ расположеніи, и, надѣюсь, онъ для меня сдѣлаетъ все, что нужно.

«Вы просите меня въ своемъ письмѣ, чтобы я написалъ вамъ, кто насъ экзаменовалъ. Зачѣмъ вамъ знать этихъ лицъ? Титулы ихъ очень длинны, а мнѣ не хочется тратить напрасно бумагу, потому что есть еще что писать. Скажу только, что главными экзаменаторами были генераль-президентъ Пеликанъ, генераль вице-президентъ Бальбіани; скажу, что я получилъ баллы перваго отдѣленія, т. е., весьма хорошо, а по двумъ предметамъ хорошо. Выдержать здѣсь экзамены во все не трудно, также и учиться не трудно, особенно чело-вѣку, любящему коптѣть надъ книгой. Скажите Петрушѣ Вьюкову, чтобы онъ готовился изъ географіи и математики по немногу. Я его возьму съ собой. Желая ему добра, я его привезу на свой счетъ въ Петербургъ и, при помощи знакомыхъ профессоровъ, онъ поступитъ на казенный счетъ. Бабушку цѣлую и благодарю за письмо, желаю ей здоровья и всякаго счастья и прошу молитвы ея».

На этомъ же листѣ онъ пишетъ особо сестрѣ:

«Милая Маша! ты просишь, чтобы я написалъ стихи на смерть маменьки. Этого я не могу сдѣлать въ настоящее время, потому что у насъ въ академіи начались экзамены. Не печалься о смерти маменьки, перестань плакать, потому что это грѣшно, потому что печаль, возведенная на степень отчаянія, противна Богу. Утѣшай себя, что Богъ дѣлаетъ все къ лучшему. Напиши мнѣ, согласна ли ты будешь ѣхать со мной и учиться въ институтъ. Тебѣ предстоитъ прекрасная участь, вмѣсто того, чтобы быть какой-нибудь дьячихой. Твои стихи на смерть маменьки очень хороши. Воспитаніе въ институтѣ разовьетъ твои поэтическія способности и, кто знаетъ, можетъ быть, твой талантъ будетъ извѣстенъ въ Россіи, какъ талантъ Пушкина. Я, образованный чтеніемъ многихъ прекрасныхъ книгъ не только русскихъ, но и иностранныхъ, едва ли могу написать такіе стихи. Пиши и мнѣ письма большія и скорѣе. Ты не сердись на меня за то, что я въ послѣд-

немъ писъмѣ моемъ такъ ругалъ тебя за твое молчанье, потому что письмо это было писано въ минуты крайняго отчаянія. Въ это время обстоятельства мои были ужасны... Я не скажу ихъ тебѣ. Скажу только, что слова невольно вылетали на бумагу, и я бранился, побуждаемый сквернымъ расположеніемъ своего духа и грустною обстановкою. Не знаешь, нѣтъ ли какихъ нибудь новостей въ Тамбовѣ и въ Добромъ? Пиши все. Остаюсь любящій тебя братъ твой

«студентъ А. Левитовъ.

«Пиши мнѣ вотъ такъ: Студенту Императорской Медико-Хирургической академіи А. И. Левитову. Пет. сторона».

Присланныхъ денегъ хватило не надолго. Черезъ два мѣсяца онъ пишетъ къ отцу новое посланіе:

«Батенька, если можешь, пришли, пожалуйста, 10 р. сер. поскорѣе. Послѣ Рождества, если не всѣ, то 10 или 15 руб. сер. въ уплату своего долга пришлю, и, повѣрь, это для меня будетъ истинное удовольствіе. Что же ты говоришь въ своемъ писъмѣ, что я тогда только пишу письма, когда нужны деньги? Тебѣ грѣхъ говорить это, потому что когда у меня не было денегъ и я, по какому нибудь случаю, добывалъ 10 к., то непременно посылалъ вамъ письмо, или кому нибудь изъ родныхъ, тогда какъ я могъ бы прожить на эти деньги два дня. Обѣдать хожу потихоньку въ академію, покуда это не видятъ, благодаря тому, что дежурные офицеры полюбили меня. Прощай, цѣлую тебя. Будь здоровъ».

Но не все же однѣ тревоги, лишенія и заботы: выпадали на долю студента и свѣтлыя минуты, о которыхъ онъ спѣшилъ побесѣдовать съ сестрою.

«Милая Маша! при одномъ воспоминаніи о Добромъ, въ которомъ находишься ты и Алеша, единственное утѣшеніе, единственная любовь моя въ цѣломъ мірѣ, мнѣ дѣлается такъ хорошо, такъ неизъяснимо пріятно, что я желалъ бы умереть съ такимъ сладостнымъ ощущеніемъ души моей—и моя жалкая бѣдненькая квартира не кажется мнѣ такъ скверною, какъ всегда; мои лишенія, моя бѣдность перестаютъ терзать меня, потому что я увѣренъ тогда, что этимъ терпѣливымъ, этимъ бѣднымъ путемъ веду васъ, моихъ милыхъ, къ счастію; я вижу тогда, что мать моя смо-

трить на меня съ неба и благословляетъ мою рѣшимость терпѣть за васъ все—сиротъ безпомощныхъ. Въ эти минуты я бываю счастливъ; въ это время, когда я пишу тебѣ, я тоже счастливъ, потому что мечтаю о свиданьи съ тобою и Алешей—и ужъ повѣрь мнѣ, что я непременно приѣду къ вамъ на каникулы. Они же начнутся у насъ очень скоро и говорятъ, что числа 10-го мая кончатся совсѣмъ экзамены и сдѣлають отпущекъ по случаю перестройки академіи».

Далѣе онъ знакомить сестру съ обстановкою своей студенческой квартиры.

«Такъ какъ я нынѣшній день порядочно веселъ, то хочу побольше поболтать съ тобою, и теперь я хочу нарисовать мой образъ жизни. Представь себѣ маленькую комнатку на 3-мъ этажѣ, менѣе нежели наша избушка. Я опишу тебѣ ее, какъ она есть сейчасъ, какъ она представляется мнѣ. Знаешь ты, близорукъ братъ твой, и потому тускло горитъ свѣча его—ея свѣтъ скрываетъ зеленый колпакъ и, благодаря ему, глаза мои не мутятся, когда я занимаюсь. Стѣны моей комнатки (за которую мы съ товарищемъ платимъ 8-мъ цѣлковыхъ) обклеены зелеными обоями, кое-гдѣ порванными. Надъ кроватью, гдѣ спитъ мой товарищъ, висятъ на гвоздикѣ крестообразно двѣ рапиры, надъ ними въ бумажныхъ чехлахъ наши каски, на столѣ, на которомъ пишу я, стоитъ разбитое зеркало мое, разбитый портретъ одной хористки Итальянской оперы, лежатъ: походная медицинская книжка, анатомія на французскомъ языкѣ, французскій романъ, да «Монастырка» Погорѣльскаго, запечатанная четверка табаку, сигарочница и 15 коп. серебромъ. На другомъ столѣ, съ-боку меня, стоитъ черепъ, да кисть руки. Испугалась бы ты, еслибъ посмотрѣла, какъ блестятъ въ темнотѣ бѣлые зубы, какъ темно въ впадинахъ глазъ черепа; но я смотрю на него и съ веселой улыбкой воображаю, какъ бы я имъ напугалъ тебя. На этомъ же столѣ лежитъ красноватый портъ-моне съ анатомическими принадлежностями, подаренными мнѣ моимъ знакомымъ докторомъ въ день ангела. Вотъ мой диванъ,—о какой жесткій этотъ диванъ!—покрытый бѣлой простыней, на диванѣ лежитъ желтая подушка, которую ты, вѣроятно что помнишь. Вся изорвалась, бѣдняжка. Впрочемъ, ты не подумай, что у меня одна подушка, у меня ихъ три; но

я болѣе всѣхъ люблю ее, потому что она домашняя— и я люблю отдохнуть на ней, потому что ее сшила моя мать, потому что съ нею связанъ длинный рядъ воспоминаній пріятныхъ и незабвенныхъ.... А вонъ, въ темномъ углу, стоитъ пuzатый комодъ. Въ него я положилъ бѣлье, которое ты мнѣ прислала, и я часто отпираю этотъ комодъ и перебираю всѣ вещи, тобою присланныя, и ищу на нихъ слѣда твоего прикосновенія—и это меня развлекаетъ...

Дописалъ Левитовъ послѣднія строки и отправился въ домъ доктора Маляго, гдѣ онъ пріятно всегда проводилъ время. Надо и объ этомъ рассказать Машѣ. И онъ дѣлаетъ приписку:

«Сейчасъ, милая Маша, т. е. часовъ въ 12-ть ночи я пріѣхалъ изъ гостей. Радужіе добраго семейства, ихъ непринужденная веселость развеселили меня, и вотъ я болтаю съ тобою. Вечеръ провелъ очень хорошо. Танцевали немного, я пѣлъ: «Что ты вѣтка бѣдная», которая нынѣ въ модѣ. Пѣсня эта напомнила мнѣ ту, которую любила мать... Завтра пойду обѣдать къ Александру Ивановичу, а вечеромъ, такъ какъ у меня, кромѣ лежащихъ на столѣ 15 коп. сер., лежитъ еще въ кошелькѣ 4 руб. сер., то пойду въ театръ. Что будутъ играть, напишу. Впрочемъ, мнѣ спать хочется, да кажется я довольно поговорилъ съ тобою,—и ты не можешь жаловаться, что я скупѣе отвѣчаю тебѣ.

«Прошу тебя, не безпокойся обо мнѣ и не печалься о моей жизни. Многое ты отъ меня узнаешь лично, чего я не хочу передавать письменно на мой счетъ. Пиши скорѣе и болѣе, и, пожалуйста, сдѣлай такъ, чтобы на Рождество у меня были двѣ радости: одна та, что праздникъ, другая полученіе твоего письма. Алешѣ не давай читать глупыхъ книжонокъ и, вообще, чтобы онъ менѣе, какъ можно, читалъ. Поцѣлуй его за меня и скажи, что я ему привезу изъ Петербурга гостинецъ и не одинъ, а много гостинцевъ, также не забудь, пришли мнѣ мѣрку съ ноги, я тебѣ привезу башмаки бархатные, если хочешь, или матерчатые, какіе хочешь. Также привезу тебѣ перчатокъ, помады, духовъ, всего, только не скучай обо мнѣ и жди меня.

«Братъ твой А. Левитовъ».

Мечтатель сказывается: у него совершенное безденежье, а онъ толкуетъ о гостинцахъ, матерчатыхъ да бархатныхъ башмакахъ! Левитовъ боролся съ нуждою, столчески переносилъ всѣ удары судь-

бы, начавшей его преслѣдовать еще съ семинаріи, и работалъ по академіи, и много читалъ книгъ, имѣющихъ общеобразовательное значеніе. Но студента-медика больше тянуло къ художественной литературѣ... Наука и поэзія—вотъ двѣ стихіи, которыми жилъ и дышалъ Левитовъ, позабывая про всѣ свои невзгоды... Да и что всѣ эти невзгоды въ юности? Юность смотритъ впередъ, она вѣритъ въ свои силы и живетъ надеждою на свѣтлое будущее. Левитовъ былъ юнъ и вдобавокъ еще мечтатель. Но дѣйствительность, грубая и жестокая, постепенно давала себя чувствовать, исподоволь разрушала иллюзіи и незамѣтно накладывала свою печать на характеръ.

Обѣщанной стипендіи Левитовъ все еще не получалъ, а письма изъ дома мало приносили радостнаго... Бабушка почему-то покинула домъ Ивана Ѳедоровича и уѣхала въ Лебедянь; сестра осталась въ домѣ одна, и на нее, пятнадцати-лѣтнюю дѣвушку, обрушилась вся тяжесть хозяйства и семейныхъ заботъ. Алеша маленькій и больной... Тамбовцы и лебедянцы стали распускать слухи, что Александръ Левитовъ не принятъ въ студенты академіи,—эти слухи тревожатъ и беспокоятъ отца; сестра подверглась злословію и пересудамъ. Левитовъ написалъ отцу, чтобы онъ не вѣрилъ нелѣпостямъ, распускаемымъ досужими людьми, и въ доказательство того, что онъ дѣйствительно студентъ, приложилъ письменное удостовѣреніе своихъ товарищей—студентовъ. Но что возмущало его душу—это гоненіе на беззащитную сестру со стороны глупыхъ и безсердечныхъ людей. Отъ 8 декабря мы читаемъ его письмо:

«Теперь, какъ я писалъ уже, я скоро поступлю въ пансіонеры министерства внутреннихъ дѣлъ и получу денегъ рублей 200 асс. за то, что содержался нѣсколько мѣсяцевъ на своемъ счету. Это доставитъ мнѣ возможность прислать вамъ, можетъ быть, къ Рождеству мой портретъ и пріѣхать домой въ іюнѣ. Въ прошломъ письмѣ я просилъ у васъ 10 руб. сер., то пришлите, если можно, потому что мнѣ нужно, и я надѣюсь вамъ возратить ихъ, когда получу свои деньги изъ министерства. Жить здѣсь страшно дорого, особенно донимаютъ квартиры.

«Совѣтую тебѣ, батенька, найти какую-нибудь старушку, которая бы смотрѣла за хозяйствомъ въ домѣ. Одной Машѣ очень тяжело.

«Что касается до того, что Маша пишетъ, что батенька, когда пріѣдетъ, то все рассказываетъ, какъ насъ люди судятъ, то не должно слишкомъ много смо-

трѣть на это и беспокоиться, потому что хорошимъ людямъ насъ судить во все не за что, да если бы и было за что, то они не стали бы судить, потому что у нихъ есть свои дѣла по серьезнѣй, а если дураки судятъ, то это или по ненависти, или съ-дуру просто. Поэтому вовсе не должно огорчаться подобными пересудами. Я, когда пріѣду домой, постараюсь показать этимъ судьямъ, что имъ ни въ васъ, ни во мнѣ судить нечего; я покажу всѣмъ добринцамъ, лебедянкамъ и прочимъ, что я студентъ академіи, что сестра моя будетъ воспитываться въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, брата поставлю на хорошую дорогу, а кто знаетъ, что я сдѣлаю для отца въ эти полгода... И все это я сдѣлаю самъ, безъ денегъ, безъ покровителей. Что же имъ осуждать во мнѣ? Теперь за что же имъ осуждать Машу? Развѣ она глупа, развѣ не умѣетъ она шить, вязать, прясть, мыть, вышивать? Все это она знаетъ! Больше ей знать нечего. И всему этому она выучилась сама, не платя денегъ, какъ другіе. За что же осуждать ее? Вы сами видите, что это вздоръ, на который не стоитъ обращать никакого вниманія. Впрочемъ, ты, Маша, постарайся эдакъ стороною узнать потихоньку, кто и что говорить и по какому случаю. Я по пріѣздѣ расправлюсь съ судьями-то.

«Прошу передать мое почтеніе Василью и Лукѣ Ильичамъ (Добровымъ). Василью даю строжайшій выговоръ за то, что онъ не дѣлалъ мнѣ приписки въ нашемъ письмѣ и не отвѣтилъ на мои вопросы, предложенные ему мною въ 1-мъ письмѣ. Ильичъ! Кланяйся старику своему отъ меня».

Успокоивая своего отца, Левитовъ грозитъ расправиться съ непризванными «судьями». Новая черта въ его характерѣ, свидѣтельствующая, что жизнь успѣла уже оказать вліяніе на мягкую, любящую и деликатную натуру юноши.... За сестру онъ проситъ свою тетку Матрену Прокофьевну.

«Вы видите, милая тетенька, въ какое несчастное положеніе поставлена моя бѣдная сестра смертью маменьки. И такъ какъ я знаю, что есть много людей и въ Добромъ, и въ окрестностяхъ, которые, за неимѣніемъ другихъ, болѣе полезныхъ, дѣлать, имѣютъ скверное обыкновеніе пересуживать своихъ ближнихъ и даже, какъ я самъ это извѣдалъ по собственному опыту, взводить различные небылицы; то я обращаюсь къ

вамъ, милая тетенька, отъ имени покойной сестры вашей, защищать отъ подобныхъ вздоровъ, если они только будутъ, несчастную сироту. Прошу слѣдить за всѣми ея дѣйствіями такъ, что бы на нее не могло упасть и тѣни злыхъ пересудовъ, что бы вы были для нея второю матерью, за что Господь не оставитъ васъ и дѣтей вашихъ. Болѣе этого у меня нѣтъ никакой просьбы, которую бы вы могли исполнить, кромѣ какъ прошу еще поцѣловать Надю, Николу и то маленькое создание, на крестинахъ котораго я хотя и былъ, но имя право забылъ».

У самого Левитова, когда онъ писалъ эти письма, было много личныхъ заботъ и дѣла: наступило время сдачи полугодичныхъ репетицій въ академіи, а денегъ, по обыкновенію, ни гроша... А его пріятели по семинаріи, въ своихъ письмахъ изъ Тамбова, писали, что они завидуютъ его «блестящему положенію» и выражаютъ слабую надежду, что «можетъ, Богъ приведетъ и намъ поступить въ академію». «Старикъ» Василій (В. И. Добровъ) одно изъ своихъ писемъ къ Левитову начинаетъ такъ: «слава Богу, радуюсь твоему благополучію»!.. Хорошо, что во время этого «благополучія» пріѣхалъ опять въ Петербургъ А. И. Щепотьевъ: Левитовъ могъ у него обѣдать и провести безпечально рождественскіе праздники.

Репетиціи въ академіи Левитовъ сдалъ успѣшно, и со втораго полугодія онъ поступилъ на «казну».

II.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о товарищахъ Левитова и о тѣхъ лицахъ, съ которыми онъ былъ особенно близокъ въ Петербургѣ. Намъ уже извѣстно, что «счастливый случай» свелъ его съ военнымъ докторомъ Борисомъ Ивановичемъ Маляго и съ княземъ С. А. Г—мъ. Князь С. А. Г—нъ принималъ живое участіе въ судьбѣ бѣднаго студента, хлопоталъ объ ускореніи для него стипендіи и опредѣленіи въ учебныя заведенія сестры и брата Левитова. Больше ничего намъ неизвѣстно объ отношеніяхъ князя къ студенту. Наоборотъ, матеріалы наши обильны свѣдѣніями касательно Б. И. Маляго. Это былъ благороднѣйшій человѣкъ, необыкновенно отзывчивый на все хорошее и свѣжее; онъ готовъ былъ помочь каждому, кто только нуждался въ его помощи. Левитова Б. И. съ первой встрѣчи полюбилъ: онъ сразу оцѣнилъ даровитую натуру юноши и принялъ въ немъ

сердечное участіе. Онъ познакомиль Левитова съ княземъ Г—нымъ, дѣлалъ для него все, что могъ самъ и черезъ князя. Далѣе мы увидимъ, что Б. И. Маляго сдѣлаетъ для нашего злополучнаго поэта. Третьимъ лицомъ, также почтеннымъ и заслуживающимъ полного уваженія, былъ А. И. Щепотьевъ, дядя Левитова по матери, часто пріѣзжавшій по дѣламъ службы въ Петербургъ. У него Левитовъ всегда гостилъ, обѣдалъ и бралъ небольшими суммами деньги на удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ нуждъ. У Б. И. Маляго и князя Г—на онъ врядъ ли въ то время одолжался: что онъ позволялъ себѣ въ данномъ случаѣ по отношенію къ дядѣ и товарищамъ, того онъ не простилъ бы себѣ по отношенію къ доктору Маляго или князю: онъ пойдеть обѣдать въ академію, когда ему нечего ѣсть, но отъ нихъ онъ не возьметъ денегъ—этого не допускаетъ его «плебейская» гордость.

Изъ товарищей по академіи, кромѣ нашихъ старыхъ знакомыхъ, Я. Е. Соколова и Е. И. Щепотьева, назовемъ И. М. Дмитревскаго, П. Θ. Червлянскаго, Г. И. Архангельскаго и Фиделина. Это были умные, способные и честные юноши, превосходные товарищи и добрые малые. Какъ молодые люди, студенты, они непрочь были выпить, поиграть въ картишки и выкинуть какую-нибудь «штуку». Но всѣ много работали и читали. Соколовъ и Е. Щепотьевъ, по своимъ способностямъ и силѣ характера, рѣзче выдѣлялись изъ ряда всѣхъ остальныхъ товарищей. Кромѣ того оба они, какъ и Левитовъ, были мечтателями и строили весьма смѣлые, хотя и наивные, планы, ничѣмъ не уступающіе по своей богатой фантазіи «Утопіи» Томаса Моруса... Иногда въ кружокъ ихъ заглядывалъ и Н. В. Успенскій, также учившійся въ одно время съ ними въ академіи...

Левитовъ былъ любимцемъ и душою общества въ этомъ студенческомъ кружкѣ. Его замѣчательная и тонкая наблюдательность, природная веселость и рассказы, блещущіе неподдѣльнымъ остроуміемъ и юморомъ, всегда оживляли студенческія бесѣды и приводили въ восторгъ всѣхъ слушателей. Наружность Левитовъ имѣлъ весьма симпатичную. Немного выше средняго роста, тонкій и стройный, съ овальнымъ лицомъ, щеки котораго горѣли яркимъ румянцемъ, и длинными бѣлокурыми волосами, падавшими локонами по самыя плечи; глаза сѣрые, вдумчивые и свѣтившіеся умомъ. Голосъ у него былъ грудной теноръ, тихій, пѣвучій и глубокій, словно онъ исходилъ изъ самаго сердца. Достаточно было одного взгляда на это лицо и услышать голосъ, чтобы вы почувствовали себя почему-то такъ хорошо и легко: лицо это, то оживленное, веселое и все сіяющее отъ добро-

душнаго смѣха, то задумчивое, съ выраженіемъ какой-то кроткой грусти, участія и любви, то снова веселое и смѣющееся. На сколько товарищи любили и умѣли цѣнить Левитова, намъ покажутъ ихъ письма, съ содержаніемъ которыхъ мы познакоимся въ слѣдующей главѣ.

Левитовъ поступилъ «на казну» и за первое полугодіе разомъ получилъ стипендію. Въ рукахъ у него очутилась такая громадная сумма, какой отъ роду никогда не видывалъ, и онъ вообразилъ себя чуть не Крезомъ. Въ первый разъ и свободно вздохнулъ онъ полной грудью, расплатился съ долгами товарищей, сшилъ себѣ новую форменную пару и поспѣшилъ, какъ онъ всегда это дѣлалъ, подѣлиться своей радостью съ сестрою.

«Вотъ теперь я скажу тебѣ, что я экипировался славнымъ образомъ: хорошій сюртукъ мой шилъ портной съ Невскаго проспекта и сгладилъ, проклятый нѣмецъ, за него и брюки изъ его матеріи 40 руб. сер. Теперь ты можешь смѣло надѣяться, что я пріѣду на каникулы, потому что будетъ въ чемъ показаться на Божій свѣтъ. Я это потому пишу тебѣ, что увѣренъ, что ты сему происшествію будешь болѣе рада, нежели я самъ. Напиши мнѣ и поскорѣй, прошу, напиши: что Алеша, учится ли онъ, молодецъ ли и охотникъ ли играть? Теперь, кажется, вѣрно я могу сказать, что экзамены начнутся и кончатся въ концѣ апрѣля, а въ началѣ мая будетъ отпускъ, и я пріѣду къ вамъ. Отвѣчай мнѣ поскорѣе, прошу тебя, и въ ожиданіи твоего отвѣта цѣлую тебя и Алешу.

«Братъ вашъ А. Левитовъ».

Казалось, теперь все должно пойти прекрасно: въ прошломъ, что было горькаго и невеселаго, время изгладило почти все, и остались одни свѣтлыя воспоминанія о дорогой родинѣ, съ ея чудными картинами, звуками и пѣснями, — воспоминанія о горячо любимой семьѣ и счастливомъ дѣтствѣ; настоящее исполнено высокаго интереса и содержанія, а будущее... Да развѣ оно можетъ быть плохо, когда у поэта-студента

«Много думъ въ головѣ,
Много въ сердцѣ огня?»

Левитовъ задумалъ уже написать рассказъ; идея зрѣетъ и планъ складывается; напишетъ онъ и окончитъ свой рассказъ лѣтомъ, дома, а пока никому и ни слова о своемъ замыслѣ онъ не скажетъ. Довольный собою и счастливый, онъ думаетъ оставшіеся у

него отъ стипендіи нѣсколько рублей послать отцу, но случайно попадаетъ къ товарищамъ, застаётъ у нихъ картежную игру, присаживается къ столу—и проигрывается... Получивши за первый мѣсяцъ свое «жалованье», онъ попробовалъ, было, отыгратъся -- и продулся въ пухъ...

Но этотъ проигрышъ — пустяки, у Левитова впереди мѣсячное жалованье въ 12 рублей, онъ превосходно на нихъ проживетъ; но вотъ что тревожитъ и огорчаетъ его: изъ дома рѣдко получаютъ письма, и если получаютъ, то отъ одной сестры, а отъ отца—ни слова. Погодя, онъ узнаетъ изъ письма сестры, что отецъ женился и женился на дѣвицѣ, выборъ которой сыну былъ ужасно непріятенъ. Онъ мучится за сестру и брата, мечется изъ угла въ уголь, бѣгаетъ по знакомымъ и не знаетъ, что дѣлать. Всѣ хлопоты Б. И. Маляго и князя С. А. Г.—на остались безъ результата: дочь и сына дьячка оказалось невозможнымъ опредѣлить на казенный счетъ въ институтъ или пансіонъ... Самолюбіе юноши страдаетъ, гордость его уязвлена... Передъ нимъ почему-то вдругъ выступаетъ фигура монаха Іеронима...

Исходъ своимъ чувствамъ Левитовъ находитъ въ письмѣ къ сестрѣ:

«Милая Маша!

«Единственное мое утѣшеніе, единственная любовь моя—это ты и Алеша. Вы одни заставляете меня переносить твердо тѣ невыносимыя лишенія, тѣ жестокія страданія, которыя я переношу въ моей жизни, для того, чтобы, по возможности, устроить ваше счастье. Одни вы привязываете меня къ жизни, которая мнѣ страшно опротивѣла...

«Вотъ и теперь я такъ спокоенъ, такъ счастливъ, а все потому, что говорю съ тобою, хотя заочно. Дурно ты дѣлаешь, душа моя, что такъ долго мнѣ не отвѣчаешь. Если вѣтъ денегъ на письма, ты напиши мнѣ, и я бы хоть послѣдній рубль прислалъ тебѣ для этой цѣли, потому что мнѣ легче остаться на день безъ хлѣба, нежели по стольку времени не получать отъ тебя писемъ, не знать, здорова ли ты, веселъ ли, здоровъ ли Алеша? Напиши мнѣ, пожалуйста, поскорѣе. Мнѣ вотъ теперь что-то нездоровится (глаза болятъ), но я забываю боль мою и почти замуркой пишу тебѣ, и ты не повѣришь, какъ мнѣ пріятно, какъ весело поговорить съ тобой, какъ съ дитей, еще не понимающимъ многого. Поэтому я всегда стараюсь

въ моемъ письмѣ пофантазировать съ тобой, пометать, рассказать какую-нибудь бездѣлку, которая бы тебя хоть немного радовала»...

Между тѣмъ приближалось время экзаменовъ. Онъ засѣлъ за книги и лекціи.... Но странное дѣло: студентъ-медикъ готовится изъ анатоміи и зоологіи, на столѣ разложенъ анатомическій атласъ, а въ головѣ—Македонъ Елистратовичъ, фельдшеръ и другіе герои задуманнаго имъ литературнаго очерка!! А то вдругъ, словно изъ какой-то невѣдомой дали, принесутся и станутъ передъ студентомъ образы Ребекки Шарпъ, миссъ Флоренсы или Эгмонта и маркиза Позы.... Зачѣмъ они пришли теперь не въ время и мѣшаютъ только студенту заниматься всѣми этими моллюсками, безпозвоночными, позвоночными ест, ест?... Студентомъ овладѣваетъ чувство безпокойства, смутное сознаніе какой-то ошибки закрадывается въ его душу. Невольно опять вспоминается дядя Андрей Прокофьевичъ... Онъ видитъ доброе лицо дяди, съ грустною улыбкою на устахъ и выраженіемъ не то сожалѣнія, не то упрека во взорѣ: «эхъ, Саша! не по той ты дорогѣ пошелъ: ну, какой изъ тебя медикъ выйдетъ»?.. Все перевернулось въ душѣ студента, и началась страшная ломка....

Передъ самыми экзаменами Левитовъ заболѣлъ, легъ въ госпиталь и пролежалъ тамъ до половины іюня. Пришлось о экзаменахъ позабыть и оставаться другой годъ на курсѣ или переходить въ университетъ; но это не такъ для него важно: онъ ужъ убѣдился въ своей ошибкѣ, поступивъ въ академію, и рѣшилъ перейти въ университетъ на историко-филологическій факультетъ... Его тревожитъ теперь больше всего то, что придется совсѣмъ отказаться отъ долго желѣмой мечты побывать на родинѣ. А ему такъ хотѣлось въ родныя степи, онъ такъ страстно желалъ видѣть сестру и брата, прижать ихъ обоихъ къ своему изболѣвшемуся сердцу и вмѣстѣ съ ними поплакать!.. Но онъ лежитъ теперь въ госпиталѣ больной и одинокій, безъ всякихъ средствъ и съ разбитыми надеждами; но, вспомнивъ, что у него есть гривенникъ, приподнимается на постели, присаживается къ століку и пишетъ сестрѣ. Онъ выставилъ на верху почтоваго листка: «С.-Петербургъ. 3 іюня, 1856 года» и задумался. Троицынъ день... Знакомое село... лица близкихъ людей... праздничная толпа... Да, онъ узнаетъ ихъ, онъ видитъ ихъ, картины милой своей родины!

«Милая Маша.

«Вотъ и праздникъ нынѣ, и праздникъ большой; а на меня напала такая скука, что ужасъ. Долго лежалъ я, не зная, что дѣлать, наконецъ, какъ-то взбрело мнѣ

на умъ написать тебѣ, хотъ недавно писалъ. Ну, деньги есть на конвертъ, зачѣмъ же дѣло стало?.. Во 1-хъ, поздравляю тебя съ праздникомъ и прошу передать это поздравленіе батенькѣ и Алексѣю Ивановичу, моему почтеннѣйшему братцу, на котораго пусть Аллахъ ниспошлетъ всѣ дары свои... Во 2-хъ... вотъ ужъ и не знаю, что писать?.. Развѣ отгадать тебѣ, что ты нынче дѣлала. Я, вѣдь, только и занимаюсь, что отгадываю, что дѣлается дома. Напримѣръ, ты нынѣ, расфуфыренная страшнымъ образомъ, ходила къ обѣднѣ, можетъ быть, брала и Алексѣя, предварительно надѣвъ на него новую рубашку. Такъ какъ Алексѣй не могъ простоять всей обѣдни, то онъ попросился у тебя домой. Ты разбранила его за это и сказала, что лучше бы онъ не шляется. Послѣ обѣдни всѣ вы потѣли надъ чаемъ часа три и ѣли пирогъ съ пшенной кашей. Послѣ этого обѣдали самымъ роскошнымъ образомъ, потому что кромѣ щей и каши были еще блинцы и жареная баранина. Послѣ обѣда отецъ спалъ до ужина, ты читала или журналы, лежащіе на столѣ, или мои письма, а Алексѣй билъ кошку, сидя на сундукѣ въ горницѣ. Наконецъ, тебѣ надоѣло читать, потому что и журналы, и мои письма ты читала уже 100 разъ—и ты отправилась посидѣть или на камень подлѣ двери на улицѣ, или въ полисадникъ. Алексѣй поплелся за тобой, за нимъ прыгнула кошка, а батенька въ это время спалъ въ избушкѣ подъ тулупомъ. Стукъ двери, которую отпирала ты, разбудилъ его, и онъ совѣтовалъ тебѣ и Алексѣю не шлаться, если только вы не хотите получить по затрещинѣ. Проговоривъ: «экъ, и уснуть-то не дадутъ порядочно», онъ уснулъ и уже не просыпался до самаго вечера, хотя о. Василій и шумѣлъ подъ окномъ: «Өедрычъ, а Өедрычъ, гдѣ ты? Что-жъ купаться-то хотѣлъ»? или: «пойдемъ въ слободу, Өедрычъ!» Но о. Василій, пошумѣвъ нѣсколько времени, сказалъ: «ну, спать, должно быть», и ушелъ къ лѣсническому или къ становому.

Въ это время стало уже довольно прохладно; кучи разодѣтыхъ по праздничному бабъ высыпали на улицу, разукрашенную березками, ихъ ребятишки выползли на пыльную дорогу и, пригрѣтыя солнцемъ, беззаботно обсыпаютъ себѣ и голову, и праздничную рубашку землею, до тѣхъ поръ, пока какая-нибудь толстая матушка не перерветъ этого занятія добрымъ щелчкомъ по ма-

ковѣ. Но вотъ... Что это, что это?... Что это красное, желтое, фіолетовое, розовое, зеленое, черное выплываетъ изъ-за угла нашей церкви!... Что это за разноцвѣтная за блестящая лента развилась по улицѣ во всю ширину отъ нашей церкви до дома Ѳеодора Ивановича!... Ты знаешь, я близорукъ, вѣдь, и потому надѣлъ свои четырехъ стекольныя очки и узналъ въ этомъ разноцвѣтномъ, движущемся... кого же?.. О, привѣтствую васъ, аристократы и аристократки, Добраго! Вотъ она, вотъ эта богиня Добраго, *mademoiselle* Катишь въ сѣдомъ бурнусъ и въ розовой шляпѣ *à la pigeon*. Но, Боже мой, что съ нею? Какъ она перемѣнилась въ этотъ годъ!.. Я почти не узналъ ея! А, кстати, вотъ дядюшка Лука Ильичъ. — Дяденька, отъ чего Катишь такая блѣдная, глаза ея такъ заплаканы и отъ чего эти глазки утратили свою прежнюю, такъ сказать, зажигательность, отъ чего эти глазки не смотрять, какъ, бывало, въ годы кокетства и беззаботливаго сознанія о могуществѣ отца? — «Да она замужемъ», — говоритъ Лукашенька. — Замужемъ!.. Да что же это? да что же?.. Да кто смѣлъ!.. Да это разбой, это дневной грабежъ! Да за кѣмъ же будутъ ухаживать теперь семинаристы, становые, братья становыхъ, письмоводители становыхъ, за кѣмъ же будешь ухаживать ты самъ, дяденька Лука, скажи на милость?.. — говорилъ я въ крайнемъ смущеніи... О, горе мнѣ, горе мнѣ, пріѣзжему изъ столицы и наготовившему столько хорошенькихъ комплиментовъ, кому теперь скажу я ихъ, и для кого ихъ везъ я 1200 верстъ? Неужели же мнѣ удивляться изяществу одежды Аннетъ, когда на ней зеленое платье, розовая кокетка, грошовая брошка, а въ рукахъ желтый зонтикъ? Неужели мнѣ суждено въ Добромъ восхищаться граціозными пріемами П. Г., когда она шагаетъ, какъ корова нашего фельд-фебеля? О, Боже мой, неужели у меня повернется языкъ сказать Дашечкѣ Б., что я обожаю ея красоту и молодость, когда ей давнымъ давно за 30, когда она... Богъ съ ними! Я обращаюсь къ прочимъ лицамъ, составляющимъ разноцвѣтную ленту. О-о, какимъ гоголемъ выступаетъ Мишель! «Прелесть пальтишко на Михайлѣ Андреевичѣ», говорятъ мѣщане, а онъ и не шевельнетъ своимъ бѣлымъ картузомъ въ отвѣтъ на ихъ поклонны и смотреть въ оба на свою милую сосѣдку, дородную Аннетъ и что-то такъ нѣжно ей шепчетъ... О, разбойникъ Мишель, погоди, братъ, дай мнѣ пріѣхать. Есть

на что будетъ посмотрѣть мѣщанамъ кромѣ твоего драдедамоваго пальто. Уничтожить твой бѣлый картузь моя блестящая каска, и Аннетъ не разслышитъ твоихъ ласковыхъ ей словъ, потому что я заглушу твой шепотъ бречаньемъ моей сабли и моихъ шпоръ... Но надо опомниться, я еще не въ Добромъ, а въ Петербургѣ»....

Еще не совсѣмъ оправившись отъ болѣзни, Левитовъ вышелъ изъ госпиталя и безъ копѣйки.... Б. И. Маляго пригласилъ его на лѣтніе мѣсяцы въ свой домъ, гдѣ онъ и прожилъ до начала новаго академическаго года. Напрасно Левитовъ писалъ къ отцу, и, взывая къ его родительскимъ чувствамъ, просилъ выслать ему денегъ на шнелъ, но отвѣта никакого не послѣдовало... Живя у Б. И. Маляго, онъ успѣлъ написать первыя двѣ главы своего разсказа «Праздникъ», прочиталъ ихъ Я. Е. Соколову и Е. И. Щепотьеву, и услышалъ отъ нихъ такой восторженный отзывъ, что немедленно же хотѣлъ продолжать и окончить свой трудъ. Въ то же самое время онъ хлопоталъ о своемъ переходѣ въ Московскій университетъ.

Но тутъ произошло опять нѣчто неожиданное... Какъ будто, налетѣлъ откуда-то ураганъ и выхватилъ Левитова изъ академіи и товарищескаго кружка.. Сестра его говоритъ:

«Что-то изъ академіи вынудило его удалиться. Это какая-то ужасная тайна. Объ этомъ братъ никогда мнѣ не говорилъ, и я увѣрена, что онъ самъ старался забыть ужасную истину. Событіе это окончательно надломило его силы, испортило характеръ и омрачило его чистую душу. А товарищъ его и родственникъ Е. И. Щ—въ, вскорѣ по удаленіи брата изъ академіи, умеръ: одни говорили, что онъ застрѣлился, а другіе, что ядъ принялъ».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ ноябрѣ 1856 года Левитовъ очутился въ Вологдѣ... Такъ какъ онъ былъ казенный стипендіатъ, то начальство обязало его заслужить потраченныя на него деньги и назначило фельдшеромъ при мѣстной больницѣ, о чемъ мы узнаемъ по письмамъ къ нему изъ Петербурга. Письма эти представляютъ двойной интересъ: они, во первыхъ, насъ знакомятъ съ ихъ авторами и товарищами Левитова, съ которыми онъ былъ связанъ тѣсными узами дружбы съ отроческихъ лѣтъ, и, во вторыхъ, проливаютъ лучъ свѣта на тотъ періодъ жизни юнаго изгнанника, который намъ мало извѣстенъ и который въ то же время имѣлъ окончательное, рѣшающее вліяніе на всю послѣдую-

ющую жизнь поэта. На основаніи высказанныхъ нами сейчасъ соображеній, мы находимъ цѣлесообразнымъ помѣстить въ настоящей главѣ нѣкоторыя изъ этихъ писемъ и отрывки изъ нихъ. Одинъ изъ товарищей Левитова, возвратившись въ Петербургъ и узнавъ о постигшей его участи, писалъ ему отъ 5 ноября 1856 года въ Вологду:

«Любезный Александръ Ивановичъ!

«Очень жалѣю о томъ, что не засталъ васъ въ Питерѣ; хотѣлось бы поговорить, проститься съ вами до свиданія долгаго, можетъ быть, очень долгаго.

«Я живу въ домѣ Шеліева на Большой Дворянской, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ вы жили съ Кер — имъ и Сул — имъ, въ комнатѣ, которую прежде занималъ Глазуновъ. Каждый вечеръ, особенно когда сидитъ кто-либо у меня, не знаю почему, воскресаетъ въ памяти со всѣми подробностями какая-либо картина изъ извѣстныхъ вамъ въ этомъ домѣ вечеровъ, и вашъ «Рейбиндеръ», ваше «возьми въ руки пистолетку», и «Наполеондеръ», такъ все это живо рисуется въ памяти, такъ сильно развертываетъ воображеніе, что вы кажетесь, какъ будто, въ Питерѣ, какъ будто совсѣмъ изъ него не выѣзжали. И въ прошедшемъ, уже скрывшемся—эта оригинальность въ подражаніи, эта рѣзкость въ схватываніи съ натуры еще милѣй, еще любезнѣй, и кажется уже не шалостью, а проблескомъ таланта, такъ что отъ души жалѣешь, что васъ нѣтъ, и нѣтъ возможности говорить съ вами.

«Вчера у меня былъ Соколовъ, сидѣлъ довольно долго; онъ всегда бываетъ у меня по субботамъ, и мы проводимъ время въ толкахъ очень весело и незамѣтно. Вчерашній день весь прошелъ въ разговорѣ объ васъ. Я узналъ, что вы пишете «Сельскій праздникъ»; Соколовъ говорилъ объ этомъ вашемъ трудѣ очень хорошо и вмѣстѣ высказывалъ опасеніе, что вы не докончите его. Такъ заставляетъ его думать, по малой мѣрѣ, какъ онъ говорилъ, ваша мнительность, вкоренившееся въ васъ невѣріе въ успѣхъ послѣ долгихъ и многихъ неудачъ. «Ахъ», говорилъ онъ, «еслибы Левитовъ былъ здѣсь, онъ докончилъ бы; но тамъ ему не съ кѣмъ разрѣшить своихъ плановъ, своихъ мыслей, и онъ оставить; а жалко, право жалко! То, что слышалъ я, очень хорошо». Я вовсе не раздѣлялъ его опасеній, потому что знаю, что вашъ трудъ выходитъ изъ души, пропитанной съ самаго дѣтства впечатлѣніями отъ тѣхъ лицъ и

характеровъ, которое вы выставляете,—изъ души, проникшей во всѣ изгибы той сферы жизни, которая составляетъ сюжетъ вашего сочиненія. И не только, что знаю,—я вѣрю въ это, вѣрю и, можно сказать чувствую, что вы сами убѣждены, какъ нельзя болѣе, въ возможности и успѣхѣ вашего труда сообразно вашимъ желаніямъ.

«Съ такими мыслями я нисколько не боюсь за васъ и надѣюсь, что трудъ вашъ скоро явится къ намъ. Дай Богъ, чтобы оправдались мои ожиданія. Идите, Александръ Ивановичъ, идите съ Богомъ къ цѣли высокой и дорогой, страшиться нечего! «Дѣло происходящее изъ внутренняго убѣжденія, при способностяхъ къ нему, всегда будетъ такимъ, какимъ хочется». Это—слова Н. Н. Пирогова студентамъ петербургскаго университета, просившимъ его мнѣнія по случаю предполагаемаго изданія университетскаго сборника,—слова человека, которому, я думаю, можно вѣрить съ живою надеждою. Вамъ не должно бросать своего сочиненія по пользѣ, которая сопряжена съ нимъ; трудъ въ подобномъ духѣ, кромѣ того, что принесетъ вамъ денежную пользу,—очень можетъ статься,—доставить вамъ вниманіе публики, сильно расположенной въ настоящее время къ знанію жизни и характера простаго народа. Пусть будутъ эти мои слова пророческими, и я почти убѣжденъ, что это такъ и будетъ. Одно уже имя, придуманное вами: Македонъ Елистратычъ, даетъ большое право предполагать хорошее, оригинальное въ своемъ родѣ. И такъ, опять повторяю, и прошу: пишите, доканчивайте, присылайте къ намъ, и мы, сколько можемъ, сдѣлаемъ все. Вѣрьте, Александръ Ивановичъ,—у всѣхъ знакомыхъ вамъ сохранилось воспоминаніе о васъ—и воспоминаніе живое, искреннее. Больше ничего сказать вамъ не могу, да и не умѣю.

«Прощайте, примите увѣреніе въ моей искренности и, если не сочтете трудомъ, отвѣьте мнѣ.

«Студентъ Ив. Дмитревскій»...

Левитовъ, по приѣздѣ своемъ въ Вологду, былъ въ скоромъ времени осчастливленъ новымъ сюрпризомъ: ему сказали, что мѣстомъ для его пребыванія и службы назначенъ городъ Шенкурскъ, входившій тогда въ составъ Архангельской губерніи. Разумѣется, для него ничего не оставалось другаго, какъ только подчиниться этому новому распоряженію и въ одномъ легкомъ и старомъ пальто послѣ-

довать въ дальнѣйшій путь на сѣверъ. Совершенно безпомощный одинъ, безъ денегъ и потрясенный внезапною «факта», онъ въ день отъѣзда изъ Вологды пишетъ своей сестрѣ.

«Милая, дорогая Маша моя!

«Письмо твое, въ которомъ ты мнѣ совѣтовала прѣзжать домой, я получилъ давно ужъ, и прошу тебя, не думай, мой другъ, что я такъ долго не отвѣчалъ тебѣ на него потому, чтобы сердился на тебя за то, что ты писала въ немъ разныя разности. Нѣтъ, я просто потому не писалъ, что находился въ страшно апатичномъ состоянii по поводу ужасной перемѣны, произшедшей въ судьбѣ моей. Я не скажу тебѣ, какая это перемѣна; можетъ быть, даже ты ужъ слышала объ ней; но прошу тебя не беспокойся обо мнѣ, потому что все то, что посылаетъ намъ Промыслъ Божій, все это къ лучшему. Я теперь не въ Петербургъ, и не въ Москвѣ, какъ думалъ; но не скажу тебѣ—и ты не старайся узнавать обо мнѣ, не пиши мнѣ ничего, и я тебѣ не буду писать до самаго уже Рождества. Это нужно для моего и твоего спокойствiя. Прошу тебя объ одномъ: не плачь обо мнѣ. Даю тебѣ честное слово и клянусь всѣмъ святымъ, что черезъ два года въ сентябрѣ мѣсяцѣ я увижусь съ тобой, если не умру, и мы будемъ жить вмѣстѣ, и сладость свиданiя послѣ долгой, долгой разлуки залѣчитъ всѣ мои душевныя раны, нанесенныя двухгодичнымъ, постояннымъ страданiемъ. Еще прошу тебя: не выходи замужъ за дьячковъ... Предостерегаю тебя потому, что знаю и увѣренъ въ томъ, что бабушка непременно старается объ этомъ: борись еще два года, какъ я борюсь съ судьбой, требуя у ней счастья себѣ, тебѣ и Алешѣ... Вѣрь мнѣ, что я такъ люблю васъ обоихъ, что и не могу выразить этой любви, и что для того, чтобы сдѣлать что-нибудь для васъ, я ужасно страдалъ цѣлые два года—и сердце мое разрывается не отъ этихъ страданiй, къ которымъ я ужъ привыкъ, но отъ того, что еще не умѣлъ ничего сдѣлать. Не моя вина—Богомъ и матерью умершей клянусь! Всѣ мои планы, о которыхъ съ такимъ напряженiемъ я думалъ день и ночь, всѣ они рушились, вездѣ была неудача, хотя я, по совѣсти, скажу, что съ всевозможною строгостью обдумывалъ предметъ и отстранялъ малѣйшiя препятствiя, могущiя затруднить успѣхъ дѣла. Скажу тебѣ, мой милый другъ, что бывали такiя минуты въ

жизни моей петербургской, что я готовъ былъ разомъ избавиться отъ всѣхъ мученій, на которыя осудила меня судьба; но въ это самое время я представлялъ тебя и Алешу—и рѣшимость моя пропадала. Пишу тебѣ все это для того, чтобы ты терпѣливо сносила все въ своей жизни, потому что я переносу больше тебя. Нужно надѣяться на лучшіе дни—и повѣрь мнѣ, они будутъ у насъ, и, можетъ быть, скоро, но уже никакъ не позже двухъ годовъ. Теперь до самаго Рождества забудь обо мнѣ—и жди отъ меня къ этому празднику, если не гостинца, то, по крайнѣй мѣрѣ, письма, которое тебя, надѣюсь, очень обрадуетъ, такъ же какъ и меня радуютъ твои письма, которыя я всѣ до одного берегаю и перелистываю ихъ, когда особенно взгрустнется мнѣ. Опять повторяю мою просьбу: не безпокойся обо мнѣ, не плачь, а молись объ успѣхѣ дѣлъ моихъ, которыя должны повести насъ къ счастливой жизни, которая тогда только возможна, когда мы всѣ трое будемъ жить вмѣстѣ. Прощай до Рождества, моя милая Маша. Цѣлую тебя и Алешу и остаюсь всегда любящимъ братомъ

«А. Левитовъ».

«Р. S. Если ты не живешь у отца, то постарайся къ Рождеству достать письмо отъ Алеши и переслать мнѣ въ своемъ письмѣ. Кланяйся бабушкѣ Марьѣ Амплеевнѣ, скажи ей, что я заочно ее цѣлую, и что все еще берегу крестъ и шнурочекъ, которымъ она меня благословила на прощанье, и что шнурочекъ оборвался, но крестъ вмѣстѣ съ нимъ лежитъ въ коробочкѣ, вмѣстѣ съ письмами, которыя я получилъ изъ дома. Кланяйся дѣдушкѣ Ивану Амплеевичу и бабушкѣ Александрѣ Васильевнѣ. Письма никому не показывай и не читай».

Бѣдная дѣвушка, вынужденная горькою необходимостью оставить домъ своего отца, получила это письмо въ Лебедяни. Не говоря уже о томъ впечатлѣніи, какое произвело на нее письмо брата, въ ея молодой груди таилось много другаго горя и въ головѣ завѣтныхъ думъ, которыми не съ кѣмъ было ей подѣлиться. Но куда же брату писать? Она не знаетъ, онъ не указалъ своего адреса и даже не велѣлъ писать ему до Рождества. А она долго ждала его, душа ея просила высказаться и услышать совѣтъ дорогаго человѣка.

Другое письмо отъ Левитова было получено Соколовымъ изъ Шенкурска. Замѣтимъ, что письма его къ своимъ друзьямъ изъ мѣста

ссылки до насъ не дошли, за исключеніемъ лишь одного—письма къ сестрѣ, Марьѣ Ивановнѣ. Соголовъ отвѣчалъ своему другу.

«Петербургъ, 18¹⁵/₁57 года.

«Милый мой Александръ!

«Наконецъ, я дождался отъ тебя письма. Благодарю, отъ души благодарю, что ты и въ самыя горькія минуты несчастной своей жизни не забываешь вспоминать обо мнѣ и по прежнему любишь, хотя я, можетъ быть, и не заслужилъ твоей безкорыстной любви.

«Много, очень много передумалъ я о тебѣ во время долгаго твоего молчанія и даже сталъ уже отчаиваться, хотя что-нибудь узнать о твоей жизни; особенно поразило меня извѣстіе отъ знакомцевъ К—скаго, что ты уже не въ Вологдѣ... Ну, думаю, Левитовъ вѣрно не успѣлъ получить моего письма. И какъ досадно было думать это, особливо когда и самъ видишь, что дума не безъ основанія. И много другаго я передумалъ о тебѣ вмѣстѣ съ И. М. Дмитревскимъ (онъ въ настоящее время мнѣ большой пріятель). Не разъ цѣлый вечеръ у меня съ нимъ въ томъ только и проходилъ, что думали да гадали, гдѣ ты теперь, какъ поживаешь. «Скучно», говоритъ Дмитревскій, «и деньги есть, а скучно. Если бы былъ Левитовъ, то, вѣрно, стало бы веселѣе». Затѣмъ разговоръ касался литературы, и твой «Праздникъ» болѣе и болѣе оживлялъ нашу бесѣду и намъ обоимъ становилось отъ чего-то веселѣе. Помнишь, когда ты читалъ мнѣ свой «Праздникъ» у себя въ квартирѣ? Я думаю, ты не могъ не замѣтить въ то время, съ какимъ восхищеніемъ я слушалъ тебя, и это чувство не охладѣло во мнѣ и доселѣ. Потому чуть лишь разговоръ коснется твоего «Праздника», я болѣе и болѣе оживляюсь, дѣлаюсь даже краснорѣчивымъ, что, какъ ты знаешь, очень рѣдко замѣтно во мнѣ, и Дмитревскій, который даже и не зналъ твоего разсказа, теперь знаетъ его не меньше моего и такъ же привязался къ нему, какъ и я. Д—ій также любитъ литературу. Впрочемъ, онъ имѣетъ и другія причины литературной маніи; онъ самъ литераторъ. Знаешь ли, онъ написалъ небольшую статью изъ крестьянскаго быта, даже очень, очень недурную, особливо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мѣтко схватилъ разговорный языкъ и душу умнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ, нерѣшительнаго русскаго мужика. Жаль только,

что въ иныхъ мѣстахъ уже черезъ чуръ мужиковато, и неполнѣ соблюдена идея, оттого и чувствуешь какое-то недовольство, когда прочитаешь всю его статью, не смотря на пріятное чувство при чтеніи частныхъ.

«Говоря о Д—мъ, я не хочу даже и сравнивать его съ тобою: такъ много ты выше его, особливо въ той неподдѣльной и живой граціи описаній и юморѣ нѣкоторыхъ лицъ, что не всегда найдешь и у Гоголя, и Тургенева! Надѣюсь при этомъ также, что ты будешь вѣренъ своему направленію и сохранишь идею до конца. Не знаю почему, а я предчувствую, что твой «Праздникъ» будетъ веселымъ для тебя праздникомъ и увѣренъ, что предчувствіе меня не обманетъ, потому что уже не разъ испыталъ на самомъ себѣ вѣрность этого предвѣстника. Одно то уже можетъ быть хорошимъ ручательствомъ успѣха первыхъ твоихъ опытовъ, что письма твои, особенно ко мнѣ, произвели сильное впечатлѣніе даже на моихъ нумерныхъ товарищей, каковы напр. Б—скій и К—овъ, а эти грубыя натуры не скоро расшевелишь; особливо Б—скій такъ былъ доволенъ легкостью и шуточнымъ тономъ, въ какомъ ты описываешь даже свои несчастья, что просилъ меня не оставлять съ тобою переписки и именно для того, чтобы еще получить отъ тебя письмо. Да, мой добрый Александръ, я очень сильно радовался, когда получилъ отъ тебя письмо и, не смотря на твои несчастья вологодскія, которыя я одинъ только хорошо могу понимать, такъ какъ хорошо знаю твою бѣшенную натуру, могущую въ безвыходномъ положеніи, въ которомъ ты тогда находился, Богъ знаетъ на что рѣшиться; не смотря, говорю, на твои несчастія, мнѣ было очень, очень весело, какъ будто случилось со мною что-нибудь особенно важное... Нѣтъ, Александръ, послѣ ненастья бываютъ и ясные дни, и тѣмъ они будутъ яснѣе, чѣмъ ненастнѣе была погода, таковъ ужъ законъ природы. Неужели же ты думаешь, что исключенъ изъ этого общаго закона и осужденъ на вѣчныя несчастья? Богъ дастъ ты опять поступишь въ университетъ и вмѣсто прежнихъ мученій для тебя наступятъ веселые дни. Впрочемъ, объ этомъ поговоримъ послѣ. Прощай и будь здоровъ.

«Твой Я. Соколовъ».

II.

Перенесемся теперь на холодный, суровый и дикий сѣверъ и посмотримъ, какъ устроился тамъ Левитовъ.

Въ Шенкурскѣ начался новый періодъ въ жизни Левитова. Уѣздная жизнь, при отсутствіи средствъ, тяжело отразилась на характерѣ юноши. Та общественная среда, въ которую онъ при его положеніи и средствахъ могъ попастьъ, была способна только заразить его своими пороками... Онъ боялся вспоминать объ этомъ мрачномъ періодѣ своей жизни... Его повсюду преслѣдовалъ грозный и неумолимый призракъ человѣка въ черной рясѣ, не давая ему ни днемъ, ни ночью покоя, передъ нимъ вставала семинарія, экзекуторская... Онъ старался уйти, убѣжать куда нибудь отъ этихъ страшныхъ видѣній, и юноша, противъ своего желанія, попадалъ въ кругъ людей—пустыхъ, неразвитыхъ, съ пошлыми разговорами, съ плоскими шутками. Они могли предлагать ему то развлеченіе, которое имъ самимъ было доступно. Бывало, хозяинъ или хозяйка, люди добродушные, видя скучающаго юношу, то-и-дѣло просятъ его чѣмъ-нибудь позабавиться: наливочки или водочки выкушать, закусить грибами, рыжиками....

—Да выпейте, батюшка!—приставалъ хозяинъ къ «несчастненькому».
—Легче на сердцѣ-то будетъ. Право! А то что это: сидитъ весь вечеръ, ровно убитый, сирота-сиротою.... Ну-ка, вотъ лучше выкушай!
—Не пью,—отказывался гость.

—А ты полно упрямиться. Видишь, я сама, вѣдь, налила тебѣ рюмочку! Развѣ труды мои ни за что пропадутъ!—пристаетъ хозяйка.

—Нѣтъ, сдѣлайте милость, увольте,—конфузился гость и отстранялъ отъ себя рюмку.

—Легче будетъ! Перестанетъ на сердцѣ-то гребтиться. Вѣрно! Ну-ка!.. А ты не думавши... Вотъ такъ!.. За это спасибо тебѣ, милый! Закуси, закуси груздочками...

А погода, опять: «выпей! что такъ-то сидѣть!» И кругомъ всѣ тоже выпивали, да еще какъ выпивали! А ничего: веселѣе только становилось. Отчего же и ему не выпить? Можно выпить! Хозяйка правду сказала, что выпьешь—легче будетъ, «гребтиться» на сердцѣ перестанетъ... Вотъ и ему теперь весело, дурныя мысли и всѣ призраки улетѣли... Чудесно...

У насъ мало данныхъ для характеристики жизни Левитова въ Шенкурскѣ. Онъ, какъ мы уже знаемъ, не любилъ вспоминать объ этой порѣ и всѣми силами старался изгладить всякія о ней воспоминанія; только разъ мы отъ него слышали рассказъ о пребываніи его

на сѣверѣ и никогда бы въ другой разъ не пожелали его слышать: столько душевной горечи слышалось въ разсказѣ Александра Ивановича, когда онъ намъ разсказывалъ, голосъ его постоянно прерывался и къ горлу подступали рыданія... Здѣсь, въ этомъ подневольномъ житѣ, развилась въ немъ та болѣзненная слабость, отъ которой онъ потомъ не могъ уже никогда отстать и въ которой такъ легкомысленно его многіе упрекали. Въ Шенкурскѣ у Левитова явилась и страсть къ картамъ, и рѣзко выразилась та раздражительность, начало которой положила еще семинарія. Не тому надо удивляться, что Левитовъ пилъ и проигрывалъ послѣдніе гроши, приобрѣтеніе которыхъ стоило ему и большого труда и, быть можетъ, страшныхъ униженій; напротивъ мы скорѣе должны удивляться, какъ не превратился онъ въ отчаяннаго пропойцу и не потерялся въ болотной жизни... Громадныя силы нужно было имѣть человѣку, чтобы пережить всѣ эти несчастія, вынести ихъ на своихъ плечахъ и потомъ выступить въ литературѣ поэтомъ-художникомъ.

Не смотря на ужасную обстановку, Левитовъ и въ Шенкурскѣ пишетъ продолженіе, еще въ Петербургѣ начатаго имъ, разсказа, у него зарождаются новые планы, и онъ не перестаетъ жить въ мірѣ образовъ своей родины. Въ воспоминаніяхъ о ней, сестрѣ и братѣ онъ почерпаетъ источникъ для борьбы съ лишеніями, а со стороны товарищей находитъ поддержку и сочувствіе. Соколовъ пишетъ изъ Петербурга:

«Мой добрый Александръ!

«Вотъ уже двѣ недѣли какъ я получилъ отъ тебя письмо, и не смотря на данное обѣщаніе отвѣчать на твои письма, какъ можно, скорѣе, едва-едва могу написать тебѣ кое-что въ настоящій вечеръ. При томъ едва ли ты найдешь что-нибудь любопытное въ моей пошлой и убійственно-холодной жизни, развѣ только при этомъ воспоминаніе о прежнихъ дняхъ, самыхъ мрачныхъ дняхъ нашей дружбы, вызоветъ на лицѣ твоемъ печальную улыбку, и ты, не безъ сожалѣнія, возобновишь въ памяти рядъ грустныхъ представленій былаго. Говорятъ, что бываетъ и это. Все это я говорю, потому что настоящая жизнь моя есть продолженіе той жизни, основа которой—наша дружба, думавшая найти себѣ счастье въ несбыточныхъ мечтахъ. Тѣ же понятія, тѣ же мечты и даже тѣ же самыя несчастія продолжаются и теперь. Каково же твое положеніе, я думаю, теперь? Вѣрно опять терпишь тѣ

же нужды, тѣ же горечи, какъ и въ Петербургѣ. Жалко мнѣ тебя, но что же дѣлать. Одно только меня радуетъ, что ты не забылъ своего «Праздника»! но и тутъ боюсь, чтобы нужды не подавили въ тебѣ и этой послѣдней надежды твоей. Пиши, Александръ, пиши, сколько силъ достанетъ у тебя. Ахъ, какъ бы я радъ былъ, еслибы твое прекрасное начало и кончилось прекрасно! Но нѣтъ, кажется, что несчастья убили тебя, ты даже пересталъ вѣрить и въ талантъ своего дивнаго пера—единственная вѣрная надежда, которая можетъ осчастливить тебя, — а не тѣ несбыточные мечты, которымъ когда-то мы съ тобой безумно предавались. Брось ихъ. Прощай Александръ. Будь счастливъ. Кончай свой «Праздникъ».

«Твой Соколовъ».

Но не одни товарищи-студенты помнятъ о Левитовѣ и поддерживаютъ его въ неволѣ. Докторъ Б. И. Маляго употребляетъ всѣ старанія и усилія, чтобы облегчить положеніе исключеннаго студента и возвратить его, если не въ академію, то въ университетъ. Благодаря своимъ связямъ, онъ успѣлъ исходатайствовать переводъ Левитова въ Вельскъ; онъ надѣется, что Левитову скоро будетъ предоставлена возможность пріѣхать въ Петербургъ, если за него будетъ внесена въ казну та денежная сумма, которую Левитовъ не успѣлъ еще заслужить. Но это не представить, сравнительно съ предыдущими хлопотами, большаго труда, и Б. И. увѣренъ, что онъ непременно достанетъ деньги и вышлетъ ихъ Левитову. Онъ пишетъ послѣднему:

«Любезный Александръ Ивановичъ!

«Письмо ваше отъ 1 января изъ Вельска я съ удовольствіемъ получилъ, хотя содержаніе онаго меня опечалило: вѣдь, до выѣзда вашего, я просилъ мнѣ составить записку, сколько именно придется возвратить медицинскому департаменту, и былъ готовъ внести за васъ. Этого вы не сдѣлали, а теперь добавились и издержки за проѣздъ вашъ въ Вологду да и хлопоты по перепискѣ съ департаментомъ. Но, при помощи Бога, я надѣюсь успѣть, и вамъ скоро будетъ возвращена свобода. Прошу съ увѣренностью и упованіемъ на Всевышняго надѣяться, что это будетъ въ скоромъ времени исполнено. До того занимайтесь усердно и будьте безропотны, въ полномъ повиновеніи теперешнему вашему начальству. Вы еще молоды и можете

продолжать учиться, и, по моему совѣту, готовьтесъ продолжать курсъ въ московскомъ университетѣ, я надѣюсь все это вамъ устроить. 18 числа писалъ предсѣдатель управы благочинія П. Ив. П. (по моей просьбѣ) къ г. вологодскому губернатору объ васъ и просилъ его перевести васъ въ Вологду на службу до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ отъ начальства, что вы свободны. Пишите ко мнѣ. Все, что могу сдѣлать для васъ, я сдѣлаю. Семейство мое помнитъ объ васъ. Душевно вамъ преданный

«19 Января 1858.

«Б. Маляго».

«Р. S. Если получите предписанія губернатора, и вамъ нельзя будетъ скоро поѣхать, то можете ему написать письмо по какимъ причинамъ вамъ невозможно тотчасъ же исполнить».

Лучъ надежды сверкнулъ передъ Левитовымъ, когда онъ прочиталъ письмо Б. И. М-го; онъ зналъ, что этотъ благородный чело-вѣкъ все для него сдѣлаетъ. Но прошло болѣе пяти мѣсяцевъ, а отъ Б. И. не приходило никакого извѣстія: очевидно, дѣло уладить было не такъ легко, чтобы возвратить Левитову свободу и выслать ему деньги. Наконецъ, 27 іюня Б. И. извѣщаетъ Левитова:

«Не удивляйтесь, что я такъ долго вамъ не писалъ. Причина тому весьма естественна. Мнѣ нужно было собраться съ силами... Господь Богъ мнѣ помогъ, и я буду въ состояніи не далѣе какъ 3 числа іюля сего года выслать для васъ minimum 75 р. с. И прошу васъ начать съ того, что вы, получивши эти деньги, представите ихъ при прошеніи вашемъ во врачебную управу или губернатору и попросите отпускъ на 28 дней въ Петербургъ. Здѣсь мы все уладимъ, и я желалъ бы, чтобы вы оставались въ здѣшнемъ университетѣ. Мнѣ Богъ въ этомъ поможетъ».

Въ Р. S. Б. И. прибавляетъ, что онъ вышлетъ Левитову, кромѣ обѣщанныхъ 75 р. еще 10 р., на путевыя издержки.

Б. И. Маляго сдержалъ свое обѣщаніе: фельдшера-студента перевели на жительство въ Вологду, гдѣ онъ вскорѣ получилъ деньги при слѣдующемъ письмѣ:

«Поспѣшаю, любезный Александръ Ивановичъ, выслать 85 р. с., и вы должны исполнить слѣдующее: подать рапортъ въ Вологодскую врачебную управу съ

предоставленіемъ 75 р. с. и просить объ исходатайствованіи вамъ увольненія отъ обязательной службы и теперь же дозволенія вамъ отпуска въ С.-Петербургъ на 28 дней и, если возможно будетъ, привезти съ собою самое ходатайство начальства или № онаго, и непременно возьмите квитанцію на 75 р. с., въ которой имѣеть быть сказано, что вами внесено на выкупъ себя отъ обязательной службы. Вы можете въ рапортѣ упомянуть, что, если медицинскій департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ найдетъ, что отъ васъ кромѣ представленныхъ 75 р. с. еще причтется, то вы непременно внесете или должны будете по истеченіи срочнаго отпуска возвратиться къ мѣсту служенія. Предоставляю вамъ умолять вашихъ начальниковъ—главное господина инспектора управы, чтобы онъ вамъ далъ отпускъ,—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. И, исполнивъ все то, что я вамъ указываю, приѣзжайте прямо ко мнѣ, и я, при Божіей помощи, устрою, что вы вступите еще до 1-го августа сего года въ университетъ и будете, вѣроятно, жить у меня. Передайте отъ имени моего г. инспектору, что нечего опасаться довершить его благодѣяніе въ дозволеніи вамъ отпуска послѣ принятія отъ васъ въ счетъ выкупа 75 руб. с., ибо 10 р. с. я назначаю вамъ на проѣздъ въ Петербургъ, и смѣю увѣрить, что сколько бы ни пришлось еще доплатить на выкупъ вашъ, я непременно сполна внесу, я объ этомъ уже говорилъ съ е. п.—мъ Ф. Ф.—чемъ и его вице-директоромъ Е. В. П.—мъ, котораго вы часто у меня видѣли. Повторяю — исполните въ точности указанія.

«Прощайте, до свиданія. Б. М—яго».

Левитовъ въ письмѣ своемъ къ Б. И—чу благодаритъ его за всѣ заботы и попеченія, сгараеть отъ желанія возвратиться въ Петербургъ и прибавляетъ, что онъ весь обносился, что ему не въ чемъ пріѣхать, стыдно показаться столичнымъ людямъ въ рубищѣ и т. д. Б. И. Маляго, какъ можно судить по его письмамъ, успѣлъ хорошо познакомиться съ характеромъ Левитова еще въ Петербургѣ, зналъ увлекающуюся его натуру и понималъ, что тотъ можетъ сдѣлать какой-нибудь промахъ.

«Мнѣ Богъ помогъ, и я рѣшаюсь еще выслать вамъ на выкупъ» писалъ онъ въ день своего ангела 24 іюля; «но помните, что я отъ васъ требую, чтобы вы прежде всего получили свободу, а послѣ уже

старались объ экипировкѣ. Если иначе поступите, то меня этимъ прогнѣваете. Дождитесь отвѣта медицинскаго департамента, если управа сама не можетъ васъ уволить. Но мнѣ казалось, что вы можете утруждать губернатора, прося его ходатайства въ медицинскомъ департаментѣ. Мнѣ даже извѣстно, что безъ ходатайства г. начальника губерніи, едва ли можете быть уволены, а губернаторъ самъ можетъ вамъ дать отпускъ, тѣмъ болѣе, если вы представите при прошеніи вашемъ 100 р. сер. Надо кончить одно: получить свободу, а послѣ думать о туалетѣ. Слушайте меня, а не дѣлайте, какъ вамъ хочется».

Теперь можно бы было разсчитывать, что Левитовъ скоро получить свободу и возвратится въ Петербургъ. Но прошло два мѣсяца, а отъ него никакихъ извѣстій. Встревоженный и опечаленный, Б. И. М—го не выдерживаетъ и пишетъ ему, что онъ недоумѣваетъ, какая причина такого продолжительнаго молчанья. «Если еще было нужно на выкупъ вамъ отъ обязательной службы, я готовъ былъ бы еще вамъ помочь, но спрашиваю васъ: можно ли было оставить мое письмо безъ отвѣта?... Жду съ нетерпѣніемъ увѣдомленія вашего въ ходѣ дѣла».

Но Левитовъ молчалъ. Наступилъ и новый 1859 годъ, а онъ все еще былъ въ Вологдѣ... Не получилъ ли онъ увольненія, или же какія другія причины, зависящія лично отъ него самого, удерживали его на мѣстѣ, положительныхъ свѣдѣній объ этомъ мы не имѣемъ... Намъ извѣстно, что Левитовъ, бывши въ Вологдѣ, сильно увлекался театромъ и даже имѣлъ желаніе поступить на сцену, но испугался театральныхъ дразгъ и не хотѣлъ съ головой погружаться въ ихъ тину.

Изъ писемъ Соколова мы видимъ, что 1859 годъ застаеъ Левитова въ безотрадномъ положеніи. Соколовъ, отъ 16 января 1859 года, пишетъ Левитову въ Вологду:

«Любезный другъ Александръ Ивановичъ!»

«Поздравляю тебя съ новымъ годомъ и отъ души желаю, чтобы этотъ годъ принесъ тебѣ столько счастья, сколько нужно, чтобы забыть несчастья прошедшихъ лѣтъ. Кажется, уже давно пора злой судьбѣ прекратить свои гоненія, а, между тѣмъ, она день ото дня становится для тебя все злѣе и злѣе. Изъ послѣдняго твоего письма я вижу, какъ безотратно твое положеніе въ Вологдѣ, и еще хуже описывалъ его одинъ джентльменъ, какой-то письмоводитель, знающій тебя лично.

«Но не тужи, Александръ, я почему-то увѣренъ, что эти несчастія были послѣднимъ испытаніемъ въ твоей жизни, и если мы когда-нибудь увидимся, то непременно при лучшихъ обстоятельствахъ жизни. Вотъ, скоро наступитъ время, когда ты опять будешь гулять на свободѣ и, конечно, уже не будешь столько легкомысленъ, чтобы поправлять свои обстоятельства несбыточными мечтами, а устроить свою карьеру болѣе обдуманнѣе и надежными средствами. Не знаю, что ты теперь думаешь предпринять, когда кончится время твоего заточенія, по крайней мѣрѣ, моимъ всегдашнимъ желаніемъ было, чтобы ты поступилъ въ Петербургскій университетъ. При настоящемъ постановленіи товарищества этого университета, ты безбѣдно можешь проучиться всѣ четыре года и даже болѣе, можешь своими дарованіями (въ этомъ ты не можешь пожаловаться на свою судьбу) снискать уваженіе и даже нѣкоторую славу между своими товарищами. Только два обстоятельства, которыя служатъ большимъ препятствіемъ къ осуществленію твоего намѣренія (если только оно у тебя будетъ) поступить въ П. университетъ: это недостатокъ въ деньгахъ, которыя нужны для проѣзда въ Петербургъ и экзаменъ для поступленія въ университетъ. А нужно, непременно нужно тебѣ поступить въ университетъ, иначе куда ты годеиъ? На службу не примутъ, развѣ захочешь сдѣлаться какимъ-нибудь приказнымъ въ консисторіи или дьячкомъ въ какомъ-нибудь селѣ; не думаю, чтобы тебѣ приходила въ голову когда-нибудь такая глупая мысль, а долженъ же ты чѣмъ-нибудь быть. Поэтому опять скажу, что тебѣ непременно нужно поступить въ университетъ. Гдѣ же взять денегъ для проѣзда въ Петербургъ? Въ долгъ не дадутъ, это ты очень хорошо знаешь; развѣ не попробовать ли счастья въ карты? Въ карты! Счастливая мысль!.. Нѣтъ, Александръ, бойся этой мысли, бойся болѣе, чѣмъ чумы: чума убиваетъ только тѣло человека, а карты все убиваютъ, убиваютъ совѣсть, разсудокъ и всѣ вообще способности души, не щадя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и тѣла, лишая его часто самыхъ важнѣйшихъ потребностей—сна, одежды, пищи... Не правда ли?.. И такъ, Александръ, если ты еще не пересталъ играть въ карты (я слышалъ, что ты играешь и играешь очень несчастливо),—перестань, ради Бога, ради твоей сестры и брата, которыхъ ты такъ любишь, перестань, пора

подумать тебѣ заняться болѣе серьезными вещами, пора подумать, какъ бы улучшить твое положеніе. Обратимся опять къ прежнему вопросу—достать денегъ. Въ долгъ, какъ я сказалъ, не дадутъ, въ карты выиграть—мечта обманчивая, несбыточная, и что всего хуже—вредная мечта. Гдѣ же взять ихъ? А гдѣ достаетъ деньги мужикъ, чтобы прокормить свое семейство, заплатить подать и удовлетворить многимъ другимъ нуждамъ? Достань и ты тѣми же средствами, какими онъ удовлетворяетъ столь многочисленнымъ потребностямъ. Мужикъ работаетъ руками, а ты работай головой. Богъ далъ тебѣ большія способности; зачѣмъ же ты не пользуешься ими, какъ мужикъ пользуется своими руками? Ты началъ прекрасную повѣсть, зачѣмъ же не кончить ее? Ты зналъ Успенскаго, посмотри-ка, какъ онъ теперь упрочилъ свое положеніе! Ему одна редакція платитъ по сорока рублей въ мѣсяцъ и, кромѣ того, онъ получаетъ деньги отъ другихъ журналовъ, въ которыхъ помѣщаетъ свои статьи. Я знаю, что онъ далеко уступить тебѣ по способностямъ,—я читалъ его нѣкоторыя повѣсти. Клянусь тебѣ своей совѣстью, что «Змѣй» Успенскаго, помѣщенный имъ въ «Современникъ» и такъ много расхваленный, гораздо хуже твоего «Праздника», который ты началъ писать въ послѣднее время своего пребыванія въ Петербургѣ. Отчего же ты не кончаешь его? Прошу тебя, продолжай свою работу—это единственное средство выйти тебѣ изъ дурнаго положенія. Если это тебѣ удастся, въ чемъ я не сомнѣваюсь, лишь бы посидѣть тебѣ недѣли двѣ за дѣломъ, тогда позаботились бы и о томъ, какъ выдержать экзаменъ для вступленія въ университетъ.

«Прощай и будь здоровъ. Яковъ Соколовъ.

«Р. С. Пожалѣй объ Ив. М—чѣ Дмитревскомъ, который теперь находится въ домѣ умалишенныхъ. Длинная исторія, о которой тебѣ расскажу въ слѣдующемъ письмѣ.

«Р. С. Червянскій перешелъ въ Кіевскій университетъ. Онъ больше всѣхъ жалѣетъ тебя и на прощаніи просилъ увѣдомить его, какъ скоро мы получимъ о тебѣ какое-нибудь извѣстіе».

Въ мартѣ Я. Е. Соколовъ получилъ отъ Левитова третью главу «Праздника», съ просьбою, чтобы тотъ передалъ его въ редакцію «Сынъ Отечества» Старчевскаго. Рукопись была доставлена по наз-

наченію, и Соколовъ отъ 25 апрѣля такъ описываетъ Левитову свиданіе съ редакторомъ, когда онъ пришелъ за отвѣтомъ:

«Прихожу. Выходитъ А. В. Старчевскій. Я было началъ свою рѣчь свысока, всю дорогу думалъ объ этомъ, но онъ перебилъ меня еще на половинѣ моей торжественной рѣчи и повелъ меня въ кабинетъ. Вижу, что нужно говорить попроще, иначе долго бы намъ не добиться до дѣла, тѣмъ болѣе, что я назвалъ твое сочиненіе «Сельскимъ Праздникомъ», тогда какъ у тебя оно озаглавлено «Ярмаркою». Наконецъ, онъ находитъ твое сочиненіе и говоритъ мнѣ, что оно приготовлено къ печати, но по случаю множества матеріаловъ не раньше можетъ быть отпечатано, какъ черезъ мѣсяць, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время столбцы журналовъ довольно могутъ быть наполнены толками о войнѣ. Во всякомъ случаѣ онъ просилъ меня увѣдомить тебя, чтобы ты продолжалъ свое сочиненіе, и видно, что ему не хочется разстаться съ нимъ, такъ какъ онъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ, что если ты не хочешь дожидаться и отдашь отпечатать свою «Ярмарку» въ другой журналъ, то получишь не болѣе выгоды, какъ и отъ него. По всему видно, что сочиненіе твое понравилось ему, а потому поздравляю тебя съ успѣхомъ и отъ души радуюсь ему. Что касается денегъ, то совѣтую, или самому ему прямо, или черезъ меня сдѣлать ясное предложеніе при высылкѣ слѣдующихъ главъ. Затѣмъ, пожелавъ тебѣ еще большаго успѣха въ будущемъ, остаюсь твой Соколовъ.»

Въ этомъ письмѣ находится слѣдующая приписка:

«Любезный Левитовъ!

«Спасибо тебѣ за твой поклонъ; мнѣ пріятно, что ты не забылъ еще и о мнѣ; спасибо. Письмо твое, писанное къ Соколову, я прочиталъ все и не одинъ разъ; признаюсь, не весело было читать такое письмо; жаль, очень жаль, а пособить не чѣмъ; но робѣть еще много нечего; ты не устарѣлъ еще и, можетъ быть, какъ нибудь успѣешь выдти изъ своихъ запутанныхъ обстоятельствъ, а вотъ тебѣ открывается къ тому и дорога (я говорю о твоёмъ авторствѣ), конечно надо много труда, энергіи и многого, многого; но я сказалъ, что ты не устарѣлъ еще,—вспомни о Бѣлинскомъ и ободрись. Жаль, что ты совсѣмъ ничего не можешь читать! Изъ письма твоего я узналъ многое, чему я душевно радъ;

конечно ты ни слова не писалъ тамъ отраднаго, все, о чемъ ты писалъ, грустно, наводитъ тоску тѣмъ болѣе непріятную, что ни чѣмъ нельзя пособить тебѣ. Все, что мнѣ показалось отраднымъ, писалось межъ строкъ и вѣрно безъ твоего вѣдома,—и потому жалѣю, что тебѣ нечего читать. Читай, читай, доставай книги хоть чрезъ того студента, о которомъ ты писалъ—теперь много выходитъ книгъ и книги все хорошія, опять напоминаю тебѣ Бѣлинскаго. Мнѣ хотѣлось бы даже послать тебѣ что-нибудь, да признаться... впрочемъ, нечего признаваться,—какъ достану рубль сер., то непременно общаюсь выслать тебѣ 1-ю часть сочиненій Бѣлинскаго, а теперь пока довольствуйся извѣщеніемъ о выходѣ въ свѣтъ книгъ. Я много, много кое о чемъ хотѣлъ бы поговорить съ тобой, но предположенный объемъ сего сочиненія не позволяетъ входить здѣсь въ подробности. Изъ сочиненія твоего я прочиталъ только третью главу... Ну, да прощай, до свиданія. Фиделинъ.

«Р. S. Передаю тебѣ поклонъ отъ Г. И. Архангельскаго, который живетъ теперь со мной «на казнѣ» и который въ прошломъ году написалъ, было, тебѣ письмо, но за лѣнью не успѣлъ докончить».

На этомъ письмѣ оканчивается переписка съ Левитовымъ его друзей и доктора Б. И. Маляго. Никто изъ нихъ больше не получалъ уже ни писемъ отъ него, ни извѣстій о немъ изъ Вологды...

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Семья Левитовыхъ разстроилась. Еще раньше женитьбы Ивана Федоровича, какъ уже извѣстно намъ, покинула его домъ Марья Амплеевна; потомъ домашнія непріятности выжили изъ дома Марью Ивановну, а Александръ, по слухамъ, сбился съ пути, и неизвѣстно, гдѣ находился. Въ домѣ теперь новыя лица и новые порядки завелись. Одинъ Алеша напоминаетъ о прежней согласной семьѣ—ему некуда было уйти, и онъ по неволѣ долженъ былъ остаться дома...

Марья Ивановна жила въ Лебедяни, у своихъ родственниковъ, и все ждала на каникулы брата Александра. Но письма отъ него стали приходить все рѣже и рѣже, а наконецъ, и совсѣмъ прекратились.

Напрасно она писала и умоляла брата отвѣчать или пріѣхать въ Лебедянь—ни слова въ отвѣтъ!... И вдругъ отъ него приходитъ письмо изъ Вологды, а затѣмъ—снова продолжительное молчаніе!

«Глубоко страдала душа моя отъ этой неизвѣстности», рассказываетъ она въ своихъ запискахъ, «тяжела и безвыходна была печаль моя: молода, одинока, и дика, никому не повѣряла, что чувствовала, да и не кому было повѣрять!.. Алеша маленькій, больной, бабушка добрая, но правила у нея были свои.

«Страшныя, грубыя, рѣзкія скоро получила я извѣстія черезъ А. И. Щепотьева, что умеръ братъ мой Александръ. А я жила имъ и для него!.. Теперь мнѣ все равно... Нужно пріютить бабушку и больного Алешу—вотъ о чемъ я должна теперь позаботиться».

Скоро богатые родственники выдали молодую дѣвушку за мужъ, за дьячка въ своемъ городѣ; у невѣсты не спросили, нравится или нѣтъ ей женихъ, и она увидала его въ первый разъ, когда онъ явился въ домъ уже въ качествѣ жениха. На счастье сироты, мужъ ея оказался человѣкомъ хорошимъ, добрымъ и любящимъ; звали его Михайль Борисовичъ Кузьминъ. Молодая чета зажила согласно и любовно; хотя и не свой домикъ, но чистенькая обстановка, на окнахъ цвѣты и кругомъ свѣтло. Жить можно, пока семья невелика... Одного горе камнемъ лежало на сердцѣ молодой женщины: смерть безвременно погибшаго брата...

Годъ прошелъ. У четы явился ужъ ребенокъ, дочь Маша. Вотъ, какъ-то разъ Марья Ивановна, покормивъ свою дочку и уложивъ въ люльку, присѣла къ окну и пригорюнилась; мужъ подошелъ къ ней и старался разговорами развлечь свою жену. Это было въ августѣ мѣсяцѣ 1859 года передъ вечеромъ; мимо домика, по улицѣ, прошло стадо, и бабушка Марья Амплеевна встрѣчаетъ свою коровушку и овечекъ. Сидитъ чета, тихо между собою переговариваются супруги и посматриваютъ въ окно... Неподалеку, на улицѣ показался какой-то незнакомый человѣкъ, выглядывавшій настоящимъ оборванцемъ, но съ претензіей на щегольство: на немъ былъ надѣтъ удивительно короткій пиджакъ, до невозможности короткія брюки и на головѣ что-то въ видѣ шляпы, но все это до такой степени ветхо, истаскано и худо, что только при значительной долѣ фантазіи можно было принять за костюмъ нѣмецкаго покроя. Оборванецъ шелъ медленно, опираясь на палку и посматривая на сосѣдніе дома.

— Должно быть, странникъ какой!—сказалъ Михайль Борисовичъ.

— Богъ его знаетъ,—проговорила Марья Ивановна, и въ сердцѣ у нея что-то дрогнуло.—Господи! какіе на свѣтѣ несчастные люди!

есть,—прибавила она и вздохнула.—Не кликнуть ли ему, Михаилъ Борисычъ?

— Что же, позовемъ: страннаго челоѣка самъ Господь велить принять въ домъ, накормить и напоить.

Марья Ивановна открыла, было, окно, но странникъ уже исчезъ... Черезъ нѣсколько минутъ въ сѣняхъ послышались неровные шаги, кто-то сталъ шарить рукой по стѣнѣ, видимо, отыскивая дверь, и потомъ раздался легкій стукъ...

— Войдите!—сказалъ хозяинъ и поднялся на встрѣчу.

Дверь отворилась, и на порогъ показалась фигура странника.

Нѣсколько мгновений оба супруга оставались въ какомъ-то оцѣпенѣннѣи и молча глядѣли на стоявшаго передъ ними, въ полусумракѣ, челоѣка, съ запыленными длинными волосами, съ маленькою бородкою и въ очкахъ.

— Маша! или ты меня не узнала?—пѣвучимъ, но слегка дрогнувшимъ, голосомъ произнесъ странникъ.

Знакомый, милый голосъ!.. Забилося сердце въ груди сестры, вскочила она съ мѣста и впилась глазами въ лицо гостя...

— Братецъ!...—воскликнула она, кидаясь на шею страннику, и замерла на его груди.

А братъ, склонившись лицомъ и бережно держа сестру въ объятіяхъ, покрывалъ ее нѣжными поцѣлуями, и крупныя слезы, какъ градъ, катились по исхудалымъ щекамъ его и падали на эту безцѣнную русоволосую голову.

— Братецъ! милый... Да ты ли это?..—придя въ себя, говорила Марья Ивановна.—Да не во снѣ ли я тебя вижу? Господи!.. какая неожиданная радость... Михайло Борисычъ!.. вѣдь, это Саша, мой братецъ... Мужъ... Гдѣ бабушка-то?..

Михаилъ Борисовичъ крѣпко жалъ руку шурина и, усиленно почему-то моргая глазами, старался улыбаться гостю самымъ пріятливымъ образомъ.

Между тѣмъ, управившись на дворѣ съ коровою, вошла въ комнату Марья Амплеевна и за нею Алеша...

Много, много еще было пролито радостныхъ слезъ у Кузьминыхъ въ этотъ приснопамятный вечеръ!

Левитовъ, получивъ свободу, весь свой путь отъ Вологды до Лебедяни совершилъ пѣшкомъ. Возвращеніе это потребовало цѣлыхъ мѣсяцевъ: чтобы не погибнуть съ голода и имѣть какую-нибудь возможность продолжать дальнѣйшее путешествіе, онъ принужденъ былъ оста-

навливаться въ селеніяхъ, наниматься писать въ волостныхъ правленіяхъ, получая за свой трудъ по полтиннику въ недѣлю. Въ одномъ изъ правленій онъ привелъ въ порядокъ ревизскія сказки: за такой трудъ голова далъ ему три рубля и сверхъ денежной награды довелъ его до города. Съ тремя рублями въ карманѣ онъ дошелъ до Москвы, а потомъ добрался и до Лебедяни.

«Пришелъ онъ изъ Вологды больной, истомленный и убитый, повѣствуетъ Марья Ивановна. «Явился почти раздѣтымъ и въ какихъ-то опорышахъ, вмѣсто сапогъ. Вмѣсто кожи на подошвахъ, были куски мяса, и въ это мясо врѣзались клочки холста, которымъ были завернуты его мученическія ноги. Я отмыла всѣ эти больныя мѣста своими горячими слезами, залѣчила раны недорогими лѣкарствами, но любовью и попеченіями. Но не въ моихъ силахъ было постоянно сдерживать себя, и я, часто въ присутствіи брата, высказывала, какъ больно мнѣ смотрѣть на его положеніе и несчастія, я плакала и жаловалась при немъ, не понимая, что тѣмъ бережу его незажившія душевныя раны. Тяжело было ему».

Заботливость и нѣжныя попеченія кроткой и любящей сестры по немногу успокоили Левитова. Правда, онъ не ожидалъ, что найдеть сестру за мужемъ и притомъ за дьячкомъ; но онъ примирился съ судьбою сестры и скоро полюбилъ добраго своего зятя. Отдохнулъ тѣломъ и окрѣпъ духомъ Александръ Ивановичъ. Планы его были: заняться временно учительствомъ и продолжать начатыя имъ литературныя работы, хотя онъ плохо вѣрилъ въ свой талантъ, а потомъ, если Богъ поможетъ, поступить въ Московскій университетъ. Онъ рѣшилъ ѣхать въ Тамбовъ, и тамъ, при содѣйствіи дяди, чиновника консисторіи, и старыхъ знакомыхъ, найти себѣ урокъ. Но прежде онъ хотѣлъ еще разъ взглянуть на родное село, повидаться съ отцомъ и побывать на могилѣ матери.

Непривѣтливо и сухо встрѣтили въ Добрѣмъ Александра Ивановича: совершенно чужимъ человѣкомъ почувствовалъ онъ себя въ домѣ родительскомъ. Посидѣвъ недолго съ отцомъ, сходилъ онъ на сельское кладбище, поклонился могилѣ матери и въ тотъ же день ушелъ въ Тамбовъ.

Дядя П. Ѳ—чъ принялъ Левитова весьма радушно и обѣщалъ сдѣлать для него все, что только можетъ, экипировалъ племянника и, въ ожиданіи пріисканія занятій, предложилъ жить у себя въ квартирѣ, на готовомъ содержаніи. А. И. Левитовъ видался съ нѣкоторыми изъ своихъ прежнихъ товарищей и въ числѣ

ихъ съ братьями В. и Л. П. Добровыми, принявшими уже на себя священнической санъ и служившими въ лебедянскомъ уѣздѣ, недалеко отъ с. Добраго. При этихъ встрѣчахъ старые товарищи вспоминали о прошломъ, семинаріи и всѣхъ своихъ коллегамъ, живыхъ и умершихъ, запивая воспоминанія свои виномъ, особенно, когда рѣчь касалась инспектора Іеронима.

Болѣе мѣсяца прошло, какъ Левитовъ прибылъ въ Тамбовъ, а мѣста для него все еще не выискивалось. Онъ писалъ въ Петербургъ къ своимъ пріятелямъ и знакомымъ, но ни отъ кого изъ нихъ отвѣта не получилъ.

«Забыли, пренебрегаютъ», думалъ онъ и волновался, мучился отъ своей мнительности... Въ ноябрѣ открылось мѣсто учителя, и онъ написалъ Кузьминымъ; письмо это страдает отрывочностью и свидѣтельствуетъ о неспокойномъ состояніи духа Левитова.

«Михаилъ Борисовичъ и двѣ Маши!

«Скажу вамъ, что темниковскій предводитель дворянства звалъ меня въ учителя черезъ своего повѣреннаго. Я выпросилъ съ него 200 руб. ас. Въ будущее воскресенье (30 числа ноября) должно рѣшиться совсѣмъ. Въ воскресенье, какъ только получу отвѣтъ изъ Темникова, буду писать непремѣнно, и если я поступлю на мѣсто, то съ этимъ же письмомъ вышлю вамъ денегъ руб. 20 серебр. Молитесь Богу. Это было бы очень хорошо. На это письмо вы мнѣ не отвѣчайте, не тратьте денегъ, хотя бы мнѣ очень хотѣлось знать поскорѣе, здоровы ли вы, какъ поживаете, маленькая Маша здорова ли: я все плохіе сны вижу.

«Съ дядей мы живемъ очень хорошо и дружно. Василій Ильичъ былъ здѣсь и говорилъ, что онъ своего дядька хочетъ удалить. У нихъ приходъ очень хорошій. Тогда дядя будетъ хлопотать объ этомъ мѣстѣ тебѣ, братъ. Объ этомъ въ слѣдующемъ письмѣ буду писать подробнѣе. Бабушкѣ кланяюсь и цѣлую. Какъ Алеша живетъ? отецъ? Тогда вы все мнѣ напишите. Зажили ли у тебя, Маша, глаза, Михаилъ Борисовичъ и Маша не были больны и теперь здоровы ли? Ждите 30 числа, я напишу вамъ другое письмо и вы тогда мнѣ сейчасъ же отвѣчайте. Крѣпко цѣлую васъ и считаю дни и минуты, когда я буду въ состояніи послать вамъ денегъ. Цѣлую мою милую маленькую Машу и обнимаю васъ нѣжно. Любящій братъ вашъ А. Левитовъ».

Мѣсто домашняго учителя онъ получилъ, но не въ Темниковѣ, и уѣхалъ на урокъ въ деревню. Просвѣщая дѣтей въ какомъ-то семействѣ у нѣмца-управляющаго, въ свободные часы онъ набрасывалъ эскизы своихъ литературныхъ произведеній, хотя и не былъ увѣренъ, что они когда-либо появятся въ печати: его «Ярмарочныя сцены» не были напечатаны въ «Сынѣ Отечества», такъ какъ редакторъ, по всей вѣроятности, не нашелъ удобнымъ помѣщать неоконченную вещь, не смотря на всѣ ея достоинства, но самъ авторъ, при развившемся въ немъ скептицизмѣ, объяснялъ фактъ непомѣщенія его вещи иными мотивами. Онъ продолжалъ заниматься литературой и писалъ, потому что какая-то невѣдомая сила, противъ его воли, заставляла его писать; здѣсь былъ оконченъ и первый его трудъ. Въ то же время онъ не покидалъ надежды поступить въ московскій университетъ.

Такъ жилъ онъ до весны 1860 года.

«Вотъ однажды», пишетъ намъ Алексѣй Ивановичъ Левитовъ, «по большой дорогѣ изъ Тамбова гудитъ колокольчикъ, и въ Доброе катитъ братъ Александръ Ивановичъ. Приѣхалъ онъ съ кондицій, напился чаю и послалъ мальчика за лошадьми. Потомъ обращается къ мачихѣ и говоритъ ей: «дайте, пожалуйста, Алексѣевы рубашки: я возьму его съ собою въ Лебедянь къ сестрѣ». А мачиха ему въ отвѣтъ на его слова: — «ахъ, ты», говоритъ, «шарманщикъ московскій!» — Взялъ меня братъ съ собою и увезъ въ Лебедянь».

Въ Лебедяни А. И. Левитовъ пробылъ недѣлю: хорошо ему досталось у сестры, но его все-таки тянуло въ Москву, только не съ чѣмъ было пуститься въ дорогу.

«Бабушка это примѣтила и говоритъ: «Саша? что же ты? — Возьми мое пальто и заложь». — А сестра дала свой салопъ.. Собрали брата, сшили ему сумку и проводили мы его до Данкова... Сестра обѣщала выслать еще денегъ въ Москву. Съ тѣхъ поръ онъ и не бывалъ на родинѣ»!

Такъ заключаетъ свое письмо Алексѣй Ивановичъ.

А нашъ странникъ, переходя Донъ, остановился передъ этой рѣкой-красавицей и, какъ влюбленный юноша, долго смотрѣлъ на ея сверкающія посреди зеленыхъ луговъ воды. Онъ вспомнить потомъ и не разъ вспомнить о Донѣ и посвятить ему лучшія страницы въ «Степныхъ очеркахъ».

Вотъ что, между прочимъ, онъ рассказываетъ объ этой своей дорогѣ въ очеркѣ «Цѣловальничиха».

«Только одна страшная необходимость двигала впе-

редь ноги мои. Нсудержимо хотѣлось въ то время лечь подъ тѣнь ветлы и спать. Но далеко позади меня остались люди близкіе сердцу, которымъ страданія мои должны были доставить возможное счастье. Не нужно мнѣ особенно напрягать мое воображеніе, чтобы они представились мнѣ, какъ живые. Стоитъ только зажмурить глаза—и вотъ предо мною добрая, любящая сестра моя. Смотритъ она на меня съ своей привѣтливой, силы мои всегда воскресающей, улыбкой, и говорить: «иди. Я молюсь за тебя»!

«За милость Божью—идти съ ней въ это время рука объ руку—все бы на свѣтѣ я отдалъ».

Путь Левитова отъ Лебедяни до Москвы богатъ различными встрѣчами и наблюденіями, пополнившими и безъ того обильный запасъ матеріаловъ для его литературной дѣятельности.

II.

Въ Москвѣ у Левитова не было ни друзей, ни знакомыхъ. Пока не вышли деньги, взятые изъ дома сестры (13 р.), онъ ночевалъ на постоялыхъ дворахъ и обѣдалъ на Толкучкѣ; истощились средства—онъ перенесъ свои ночлеги на москворѣцкую набережную: здѣсь онъ спалъ или въ пустыхъ лодкахъ, или въ необитаемой будкѣ. Свелъ знакомство съ будочниками, которые кормили его и угощали своимъ тютюномъ. Дни онъ проводилъ на бульварахъ и ежедневно ходилъ справляться въ почтамтъ: не получены ли на его имя деньги; но всякій разъ возвращался съ обманутыми ожиданіями. Относительно поступленія въ университетъ онъ ничего не могъ добиться. Случайно пришлось ему встрѣтиться съ однимъ изъ бывшихъ своихъ товарищей по семинаріи: тотъ не только не оказалъ поддержки Левитову, но не позволилъ даже безпріютному переночевать въ своей хорошей квартирѣ. Не зная, что съ собою дѣлать, онъ идетъ въ Тулу, гдѣ служилъ чиновникомъ одинъ изъ его родственниковъ; но въ Тулѣ узналъ, что родственникъ этотъ переведенъ на службу въ Архангельскъ; пришлось, не отдохнувши, какъ слѣдуетъ, возвращаться обратно въ Москву.... На счастье, въ почтамтѣ ждали уже Левитова деньги, присланные сестрою Марьею Ивановною, она продала двухъ воловъ отца и вырученные деньги отослала брату. Въ этотъ же день онъ нанялъ себѣ на Грачевкѣ маленькую комнату «съ небелью». Устроился онъ на квартирѣ живо, потому что кромѣ дорожной сумки, въ которой лежало бѣлье, да

еще исписанныхъ тетрадей въ боковомъ карманѣ сюртука, имущества у него не было никакого; онъ смѣло могъ сказать про себя: omnia mea mecum porto. Почувствовавъ теперь себя хозяиномъ «комнаты съ небелью», Александръ Ивановичъ велѣлъ подать самоваръ и принялся за разсматриваніе своихъ рукописей; въ числѣ ихъ находились: оконченный рассказъ «Ярмарочныя сцены» («Праздникъ»), и наброски «Цѣловальницы», «Сладкаго Житья» и др. Перелистывая свое «маранье», какъ выражался иногда Левитовъ о своихъ литературныхъ работахъ, и отправился «пошататься по бульварчику». Такъ проходили дни. Идеалистъ нашъ много думалъ и мечталъ, уносился мыслью въ родныя степи, а деньги, между тѣмъ, незамѣтно уплывали изъ его рукъ....

Какъ-то разъ вечеромъ, когда Левитовъ возвратился съ прогулки на свою квартиру, онъ нечаянно сдѣлалъ знакомство съ однимъ изъ жильцовъ меблированныхъ квартиръ. Это былъ высокій, сѣдой человѣкъ и съ большими круглыми очками (фамилія его осталась неизвѣстной); услышалъ ли онъ про новаго жильца отъ хозяевъ квартиры, или, понравилась ему наружность бѣдно одѣтаго молодого человѣка при встрѣчѣ въ корридорѣ, только незнакомецъ, безъ всякихъ церемоній, зашелъ въ комнатку Александра Ивановича.

— Здравствуйте!—началъ гость.—Я—обитатель здѣшнихъ апартаментовъ и вашъ сосѣдъ. А вы—студентъ?

Левитовъ сказалъ, и разговоръ завязался. Незнакомецъ слушалъ, изрѣдка покачивая головою, и оглядывалъ комнату; очки его остановились на разложенныхъ по столу тетрадахъ... Онъ, ни слова не говоря, поднялся со стула, подошелъ къ столу и сталъ просматривать рукописи.

— Ваши?—спросилъ онъ.

Левитовъ сконфузился:

— Да, такъ отъ нечего дѣлать, упражняюсь въ мараньѣ бумаги.

— Да вы пишете,—не слушая, продолжалъ сѣдой человѣкъ.—Сочинитель!... Ну—такъ прочтите мнѣ что-нибудь изъ сочиненій вашихъ!

Левитовъ взялъ «Ярмарочныя сцены» и принялся читать.

Незнакомецъ слушалъ внимательно и, по мѣрѣ того, какъ авторъ читалъ дальше, лицо гостя прояснялось, морщины на лбу разглаживались, и на губахъ чаще появлялась веселая улыбка.

— Стойте!...—прервалъ чтеніе старикъ.—Ни слова больше. Завтра же отнесите ваше произведеніе Аполлону Александровичу: приметь съ удовольствіемъ и напечатаетъ.

— А кто это Аполлонъ Александровичъ?—спросилъ Левитовъ.

— Григорьевъ — критикъ. — Они теперь въ «Русскомъ Вѣстникѣ» занимаются и къ нимъ на разсмотрѣніе всѣ статьи поступаютъ. Завтра же и ступайте къ нему. Человѣкъ отличный.

Левитовъ знакомъ былъ съ критическими статьями Григорьева, и потому не рѣшился самъ идти: боялся онъ чего-то, и костюмъ у него былъ невизитный.

— Если вы не хотите, — сказалъ незнакомецъ, — дайте мнѣ рукопись: я лично вручу Аполлону Александровичу.

Авторъ, конечно, выразилъ полное свое согласіе, и нерѣшительно спросилъ:

— А позвольте узнать... — и не договорилъ...

— Вы хотите знать, кто я, — выручилъ гость: — я наборщикъ въ типографіи «Русскаго Вѣстника».

Наборщикъ передалъ рукопись, а черезъ два дня, возвратившись изъ типографіи, завернулъ въ комнату Левитова и сказалъ:

— Аполлонъ Александровичъ проситъ васъ завтра пожаловать къ нимъ въ редакцію. Они желаютъ съ вами лично познакомиться.

Левитовъ отъ такого извѣстія замеръ на мѣстѣ: сердце на минуту, словно, перестало биться, въ глазахъ заиграли какіе-то разноцвѣтные круги, и всѣмъ существомъ его овладѣло то сладостное чувство, которое испытываетъ каждый начинающій литераторъ, когда узнаетъ, что первый его трудъ редакціею одобренъ и принятъ.

Немало было хлопотъ у Левитова утромъ на слѣдующій день: нужно привести въ порядокъ костюмъ, — гдѣ пришить пуговицу, гдѣ заштопать и все тщательно вычистить.... Шутка сказать: идетъ въ редакцію и увидитъ самого Аполлона Александровича! Дѣло съ костюмомъ покончено, — правда, сюртукъ поистасканъ, и все на немъ поизносилось, но ничего, какъ-нибудь сойдетъ.... вотъ только сапоги подгуляли, того гляди сконфузятъ: «каши просятъ»!

Въ назначенный часъ А. И. Левитовъ былъ уже въ Армянскомъ переулкѣ; вотъ и большой угольный домъ, съ вывѣскою на фронтонѣ: «Редакція Русскаго Вѣстника». Поворотилъ во дворъ, на лѣво, къ крыльцу; входитъ.... Страшно! А ну, какъ швейцаръ прогонитъ?.. Ничего, пока все благополучно: швейцаръ, изъ отставныхъ солдатъ, впустилъ его, обошелся съ нимъ благосклонно. О немъ доложили. Его просятъ пожаловать.... Ужъ не поворотить ли назадъ? Господи! вызволи!...

Онъ въ кабинетѣ Аполлона Александровича... А. А. Григорьевъ встрѣтилъ его самымъ радушнымъ образомъ, усадилъ въ кресло и началъ рѣчь прямо съ того, что расхвалилъ «Ярмарочныя сцены».

— У васъ оригинальный талантъ,—говорилъ критикъ. — Есть что-то гоголевское, но это у васъ свое, самобытное. Прелестный юморъ, яркость красокъ въ живописи и граціозность... Вы новую свѣжую струю вносите въ русскую литературу.

И это слышитъ Левитовъ изъ устъ критика! Да не во снѣ ли онъ?... Вотъ награда за всѣ лишенія и муки пережитаго!

Григорьевъ оставилъ Левитова у себя обѣдать. Много онъ съ нимъ говорилъ за обѣдомъ, распрашивалъ подробно о прошломъ и сильно интересовался настоящимъ положеніемъ собесѣдника. Замѣтивъ, что гость все конфузится и прячетъ куда-то свои дырявые сапоги, Григорьевъ старался ободрить его и заставилъ, наконецъ, разговориться. Выслушалъ Григорьевъ и сказалъ:

— Я поговорю о васъ съ Катковымъ. Можетъ, мы найдемъ вамъ занятіе при редакціи.

Черезъ нѣсколько дней Александръ Ивановичъ былъ приглашенъ къ М. Н. Каткову. Редакторъ журнала принялъ Левитова хорошо, сказалъ, что онъ много уже слышалъ о немъ отъ А. А. Григорьева и предложилъ ему при редакціи мѣсто помощника секретаря, съ жалованьемъ 360 р. въ годъ. Сильно истасканный сюртукъ и ужаснаго вида сапоги конфузили будущаго секретаря гораздо больше, чѣмъ въ первый разъ, когда онъ сидѣлъ у Григорьева: онъ не зналъ, куда ему спрятать продравшіеся локотки, а худые носки сапогъ, какъ нарочно и противъ воли самого владѣльца, выставлялись, словно, на показъ, и М. Н. не могъ не замѣтить недостатковъ въ костюмѣ молодого человѣка. Да точно на грѣхъ, въ кабинетѣ сидѣлъ П. М. Леонтьевъ.... Просто срамъ!

Какъ вышелъ изъ кабинета Левитовъ—онъ не помнитъ; но когда очутился въ корридорѣ и, по своей близорукости, искалъ выхода, услышалъ, что его кто-то называлъ по имени. Левитовъ обернулся и увидѣлъ передъ собою г. Каткова.

— На одну минуту я васъ задержу, — тихимъ голосомъ началъ М. Н. — Скажите, Александръ Ивановичъ, вѣдь, у васъ нѣтъ денегъ?... Левитовъ не зналъ, что сказать.

— Я знаю, что нѣтъ,—продолжалъ редакторъ, и голосъ у него понизился до шепота, а самъ онъ чего-то, словно, застыдился.—Вы дали намъ очень хорошую вещь.... Позвольте мнѣ предложить вамъ...

Левитовъ не успѣлъ слова вымолвить, какъ уже въ рукѣ его лежала скомканная бумажка.

— Пожалуйста... Это вамъ впередъ, въ счетъ гонорара, — поспѣшно заключилъ М. Н. и быстро ушелъ въ кабинетъ.

Это случилось 30 августа 1860 года.

Первымъ дѣломъ Левитова было отправиться въ магазинъ готоваго платья, приобрести себѣ новую пару и пальто, а потомъ купить нѣсколько рубашекъ и пр., чтобы явиться на службу въ редакцію настоящимъ джентльменомъ. Снова къ нему вернулись надежды юности; снова поднялся и закружился передъ нимъ рой золотыхъ грезъ и будущее рисовалось въ самомъ обольстительномъ свѣтѣ.... Его душевное настроеніе, какъ и прежде бывало, нашло себѣ выраженіе въ письмѣ къ сестрѣ.

«Милый, дорогой другъ мой, моя добрая Маша!

«Чувствую, какъ много виновенъ предъ тобою, не исполнивъ своего обѣщанія писать тебѣ къ Преображенію, какъ я обѣщалъ въ письмѣ, посланномъ мною въ Доброе съ сыномъ Шатилова (получила ли ты это письмо отъ батюшки)? Что дѣлать? Обстоятельства были такого свойства, что если бы я сталъ писать тебѣ, то писалъ бы о дорожныхъ страданіяхъ моихъ, о мукахъ моихъ въ самой Москвѣ въ ожиданіи перемѣны къ лучшему; а мнѣ не хотѣлось беспокоить тебя, больную и безъ того, описаніемъ мрачной картины жизни моей скитальческой.

«Бога благодари и молись Ему милосердному. Дѣла мои теперь, какъ нельзя болѣе, хороши. Нынче, въ день моего ангела, я получилъ мѣсто секретаря въ редакціи журнала «Русскій Вѣстникъ» съ жалованьемъ по 360 руб. серебр. въ годъ и нынче же получилъ 100 руб. сер. за статью мою, которую, помнишь, я читалъ тебѣ передъ моимъ отъѣздомъ. Мѣсто, полученное мною, такого свойства, что рѣшительно почти дѣлать нечего, такъ что, занимаясь въ то же время литературой, я могу получить въ годъ съ этого же журнала за мои сочиненія, если положить самое небольшое, 700 руб. серебр. Кромѣ того, люди, издающіе этотъ журналъ, профессора Московскаго университета, и на будущій годъ въ маѣ мѣсяцѣ я поступлю опять въ университетъ, не покидая настоящаго мѣста, такъ что содержаніе мое будетъ совершенно обезпечено, и я буду въ состояніи давать тебѣ рублей 150 сер. въ годъ. На будущій годъ, въ началѣ мая, непременно приѣду въ Лебедянь, а можетъ быть, даже и къ Рождеству приѣду, чего я душевно желаю.

«3-го августа я приготовилъ было тебѣ письмо (при

личною свиданіи покажу тебѣ его), но не послалъ, потому не могъ послать при немъ ни денегъ, ни хорошихъ вѣстей, а теперь посылаю 15 руб. сер., восемь изъ нихъ употреби на выкупъ салопы, пять на выкупъ пальто, если все это еще не пропало. Больше теперь послать не могу. Потерпите какъ-нибудь до октября. Я самъ терпѣлъ. Только, предлагаю вамъ надѣяться на меня, какъ на каменную гору. Въ случаѣ нужды вашей, я выручу васъ, во чтобы то ни стало».

На томъ же листѣ сдѣлана приписка:

«Маша!

«Опять съ тобой хочу поговорить, моя милая, потому что остается бумага. Дорога моя въ Москву была совершенно счастлива, за исключеніемъ тоски по тебѣ, по Алешѣ, особенно, когда, бывало, идешь себѣ одинъ по дорогѣ и нѣтъ никого и не слышно никого, кромѣ вѣтра, шумящаго съ листьями придорожныхъ ветель. Какъ радъ былъ я, когда нашелъ записку твою въ папиросахъ. Платокъ тотъ бѣлый, который оставался у тебя, потерялъ дорогой, ножикъ, подаренный Варварой Ивановной, потерялъ. Ноги страшно болѣли; впрочемъ, на дорогѣ встрѣтилъ я въ селѣ Зарайскаго уѣзда дѣвушку—цѣловальницу, которая послужила мнѣ поводомъ написать повѣсть: «Цѣловальница», которая скоро будетъ печататься. Вчера хотѣлъ было заказать портретъ дагеротипный, чтобы послать тебѣ, но увидалъ, что денегъ немного остается. До другого раза. Пишите же, какъ можно, скорѣе обо всемъ, оба пишите.

«Прощайте. Пусть Богъ хранить васъ обоихъ.

«Р. S. Когда я въ послѣдній разъ переходилъ Донъ, я прощался съ нимъ, какъ съ живымъ, и послалъ тебѣ поклонъ съ нимъ. Принесъ ли онъ тебѣ мой поклонъ?

«Цѣлую тебя. Прощай».

Этимъ свѣтлымъ моментомъ въ жизни нашего поэта мы и закончимъ настоящую главу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Александръ Ивановичъ Левитовъ—помощникъ секретаря редакціи журнала «Русскій Вѣстникъ». Онъ ежедневно ходитъ на службу въ

редакцію, продолжаетъ заниматься литературою и, какъ нельзя болѣе, доволенъ своимъ положеніемъ. У него завелись новыя знакомства: кромѣ А. А. Григорьева, онъ познакомился съ В. А. Слѣпцовымъ, К. И. Бабиковымъ, Ив. И. Кельсиевымъ и другими лицами.

Это было въ концѣ 1860 года, когда въ обществѣ и университетѣ господствовало необыкновенное воодушевленіе: подготовительныя работы по крестьянскому вопросу заканчивались, и Россія ожидала обнародованія манифеста. Въ клубахъ, въ редакціяхъ журналовъ и газетъ, въ частныхъ кружкахъ только и разговору было, что объ ожидаемой реформѣ и прогрессѣ въ нашемъ историческомъ ходѣ жизни. Всѣ жили праздничной жизнью, бодро работала мысль, и люди весело и смѣло глядѣли впередъ. Это общее настроеніе благотѣльно отразилось на впечатлительной натурѣ Левитова, онъ былъ полонъ энергіи и работалъ съ радостнымъ чувствомъ, что наступило время и для его дѣятельности, что и онъ своими литературными произведеніями сослужить общественную службу, обязательную для каждаго порядочнаго человѣка. Онъ читаетъ, урываетъ свободный часъ отъ редакціонныхъ занятій и посѣщаетъ лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ; но ему хочется устроить свои дѣла такъ, чтобы поступить въ число студентовъ университета и окончить курсъ. Дѣло только за средствами. Теперь онъ имѣетъ мѣсто, обезпечивающее его существованіе, а литературныя работы дадутъ возможность сдѣлать нѣкоторыя сбереженія, и тогда онъ удовлетворитъ своему желанію. Отъ 17 сентября Левитовъ, между прочимъ, пишетъ своей сестрѣ.

«Живу теперь, славу Богу, хорошо. На будущій годъ поступлю въ университетъ. Только работы много, спать почти некогда, потому что съ 10 часовъ утра до 2-хъ пополудни бываю въ редакціи, въ 3 обѣдаю и часъ занимаюсь нѣмецкимъ языкомъ (учителя нанялъ), а послѣ, часовъ до двухъ или до часа, работаю разныя разности».

Не долго, однако, продолжалась эта счастливая пора. Злая «вѣдьма судьба», давшая, было, вздохнуть немного Левитову, глядѣла уже завистливо на его и сердито косилась...

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ заболѣлъ и слегъ въ Екатерининскую больницу. За время его болѣзни, должность помощника секретаря при редакціи была замѣщена другимъ лицомъ; но мѣсто все-таки числилось за нимъ. Очеркъ «Ярмарочныя сцены», такъ расхваленный Григорьевымъ, былъ возвращенъ ему, такъ какъ П. М. Леонтьевъ призналъ этотъ трудъ несоотвѣтствующимъ направленію

«Русскаго Вѣстника.» Григорьевъ посовѣтовалъ автору послать эту вещь къ М. М. Достоевскому, издававшему въ Петербургѣ журналъ «Время». Новыя свои работы онъ роздалъ по редакціямъ московскихъ журналовъ. О перемѣнѣ въ своей жизни Левитовъ рассказываетъ въ письмѣ къ зятю и сестрѣ (помѣчено: 1860 года 17 декабря):

«Милые мои, Михаилъ Борисовичъ и Маша!

«Простите мнѣ, что я такъ долго не писалъ вамъ. Причиной этому было то, что обстоятельства мои испортились немного. Рассказывать вамъ о томъ, какъ и отъ чего они испортились, нельзя, потому что и писать нужно бы было покрайней мѣрѣ пять такихъ листовъ и все-таки, я думаю, что въ подробности и понятно я не могъ бы рассказать объ этомъ. Для этого нужно знать ту жизнь, въ которой я теперь возвращаюсь. Вы не подумайте, что дѣла мои такъ ужъ разстроились, что ихъ нельзя и поправить, что отъ этого разстройства я терплю страшную нужду. Слава Богу, этого нѣтъ, только приходится терпѣть и выжидать. Выжду, и опять все пойдетъ по прежнему. Теперь у меня есть кредитъ, есть знакомство, одного только нѣтъ—денегъ. Но и деньги будутъ, хотя я не могу достаточно выразить вамъ, какъ мучительно ожидать полученія ихъ со дня на день, какъ измучишься иногда, шатаясь по редакціямъ цѣлый день и вездѣ получая отъ этихъ жирныхъ богатыхъ людей: «завтра придите», «на недѣль пожалуйте». Если бы у меня не было васъ, если бы у меня въ головѣ не лежало мучительной мысли о томъ, что вы, по всей вѣроятности, терпите страшную нужду, я былъ бы спокоенъ за одного себя, я не мучился бы о себѣ такъ, какъ мучусь при представленіи о тебѣ, Маша, когда вспомню, что ты, можетъ быть, голодная, сидишь въ холодной комнатѣ, когда васъ представляю себѣ, Михаилъ Борисовичъ, старающимся добыть что-нибудь, бѣгающимъ по городу съ заботой въ головѣ,—божусь вамъ, я не могу спать въ это время. Особенно въ послѣднее время, такія печальныя мысли приходятъ мнѣ въ голову, когда подумаю о васъ. Но вѣрьте вы мнѣ, ради Бога, вѣрьте, что я люблю васъ больше самого себя, и, какъ только получу изъ Петербурга деньги, я по первой же почтѣ вышлю вамъ. Потерпите, какъ я терплю, и не сердитесь на меня и не браните.

«Извѣщаю васъ, что мѣсяцъ я былъ немного боленъ, и на мѣсто службы не хожу теперь до окончательнаго

поправленія. Съ новаго года опять буду ходить, но думаю, что въ февралѣ мѣсяцѣ я получу мѣсто учителя уѣзднаго училища. Есть требованіе на Кавказъ съ двойнымъ жалованьемъ. Не говорю, чтобы это было навѣрное, но высказываю вамъ, какъ предположеніе, какъ планъ мой, который меня очень занимаетъ. Что касается моихъ дѣлъ, то они вотъ въ какомъ положеніи. Въ настоящее время я нахожусь должнымъ хозяйкѣ моей 30 руб. серебр. Хорошо, что хозяйка ждетъ, знаетъ, что у меня есть возможность заплатить ей и надѣется; другая бы измучила, и работать при этихъ постоянныхъ требованіяхъ, при брани даже, ни какъ было бы нельзя, но слава Богу, что попалась хорошая женщина. Въроятно, и этотъ мѣсяцъ я буду жить въ долгъ, а, вѣдь, какъ все дорого здѣсь, сами вы знаете. За квартиру и столъ (одинъ обѣдъ безъ ужина) плачу 14 руб. сер. Тамъ свѣчи, чай и табакъ,—непремѣнно выйдетъ рублей 25, а бѣлье? Каждая рубашка вымытая стоитъ 15 коп. сер. Это мелкій, но, тѣмъ не менѣе, самый мучительный расходъ, потому что прачка не будетъ ждать. Ей сейчасъ подавай.

«Съ другой стороны мнѣ теперь нужно получить за три статьи рублей 150 сер. Я былъ долженъ получить за одну изъ нихъ съ мѣсяцъ тому назадъ и потому не писалъ вамъ, все думалъ, что какъ получу деньги, сейчасъ же и пошлю ихъ; но до сего времени еще не получалъ ничего изъ Петербурга. Туда я послалъ и мнѣ прислали письмо, въ которомъ говорили, что моя статья будетъ напечатана, что деньги вышлютъ съ первой почтой; но эта проклятая первая почта и теперь еще не пришла; при всемъ томъ, что за меня хлопочетъ одинъ изъ сильныхъ людей.

«Поздравляю васъ съ наступающимъ праздникомъ и крѣпко цѣлую васъ. Искренно любящій васъ братъ А. Левитовъ».

«Р. S. Вѣрьте мнѣ, что деньги, какъ только будутъ у меня, сейчасъ вамъ вышлю. Михаилъ Борисовичъ! собирайте же мнѣ пѣсни. Какъ только пришлю вамъ деньги, вы ихъ вышлите мнѣ».

Въ редакцію «Русскаго Вѣстника» Левитовъ не вернулся. Обидѣлся ли онъ за возвращеніе ему статьи, или тяготился секретарскими обязанностями,—это осталось неразъясненнымъ. Теперь всѣ его жизненные ресурсы—литературныя работы. Въ это время онъ

жилъ на Пречистенскомъ бульварѣ, въ мебелированныхъ комнатахъ, гдѣ обитало множество студентовъ, разныхъ учителей, начинающихъ литературную дѣятельность писателей и людей, такъ называемыхъ, «либеральныхъ профессій» и безъ всякихъ профессій. Въ числѣ этихъ жильцовъ были молодой учитель И. П. Р—нъ (извѣстный теперь переводчикъ), студентъ университета И. И. Кельсіевъ и К. И. Бабиковъ, только что начинавшій свою литературную карьеру, и молодой помѣщикъ ряжскаго уѣзда Н. И. В—ій. Со всѣми этими лицами Левитовъ находился въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ. Ждать денегъ ему приходилось долго. Между тѣмъ, онъ успѣлъ подвинуть разсказъ «Сладкое житье», но куда его пристроить—не зналъ. Одинъ изъ его пріятелей отправился въ редакцію «Московского Вѣстника» къ А. А. Козлову (теперь профессору университета св. Владиміра), завѣдывавшему тогда редакціей журнала, и предложилъ напечатать трудъ Левитова, причемъ заявилъ, что авторъ прекрасный чело-вѣкъ и находится въ бѣдственномъ положеніи. А. А. Козловъ изъявилъ готовность познакомиться съ произведеніемъ Левитова и просилъ доставить статью. Вотъ что сообщилъ намъ въ своемъ письмѣ А. А. Козловъ.

«Чтеніе «Сладкаго житья» происходило въ присутствіи покойнаго М. Я. Свириденко, жившаго тогда у меня въ качествѣ гостя и дорогого друга. Я помню, что, не смотря на нѣкоторые недостатки въ изложеніи, стилѣ и т. под., не смотря на недоконченность работы Левитова, она на насъ произвела глубокое впечатлѣніе оригинальностью замысла, свѣжестью чувства и художественными штрихами въ частностяхъ. Особенно поразилъ насъ художественно задуманный и въ живыхъ, яркихъ картинахъ осуществленный контрастъ двухъ противоположнѣйшихъ по содержанію и смыслу волнъ жизни, разыгравшихся въ пространствѣ, занимаемомъ убогимъ домишкомъ. Въ верху или въ низу (не помню теперь, ибо моему чтенію его прошло болѣе двадцати лѣтъ) развертывалось картина унынія, страха смерти: это старый раскольникъ говорилъ своимъ слушателямъ о царствѣ грѣха, о смерти, о наступленіи страшнаго суда. Въ низу играли веселье и жизнь: это забубенный капитанъ игрою на гитарѣ и пѣснями потѣшалъ собравшуюся около него молодую публику.

«На другой же день послѣ чтенія я отыскалъ А. И. Левитова въ какой-то трущобѣ (помнится на углу Пречистенскаго бульвара и Сивцева Вражка) полубольнаго

и, вообще, въ плачевномъ видѣ. Вѣсть о будущемъ напечатаніи его работы и данное ему тутъ же впередъ нѣкоторое количество денегъ оживили его. Прошло еще двѣ, три недѣли, пока онъ закончилъ свою повѣсть и повыгладилъ её. Въ первыхъ номерахъ новаго года (1861) «Московского Вѣстника» и появилось «Сладкое житье».

Такимъ образомъ, третье, по времени, литературное произведеніе Левитова было напечатано первымъ. Но, за скорымъ прекращеніемъ изданія «Московскій Вѣстникъ», печатаніе «Сладкаго житья» въ этомъ журналѣ не было окончено; въ полномъ своемъ видѣ оно появилось вслѣдъ за «Ярмарочными сценами» во «Времени» Достоевскаго (1861 годъ, августъ). Въ этомъ же году напечатаны «Цѣловальничиха» и новый очеркъ «Проѣзжая степная дорога» въ «Русской Рѣчѣ» (№ 26 и 27, 65 и 66).

А. А. Григорьевъ, А. А. Козловъ, М. Я. Свириденко и И. И. Кельсиевъ имѣли большое вліяніе какъ, вообще, на міросозерцаніе Левитова, такъ и, въ частности, на развитіе его поэтического таланта. Строго говоря, они не могли измѣнить его взглядовъ на жизнь и его убѣжденій, сложившихся путемъ продолжительнаго наблюденія и суровой школы; но общество этихъ людей многое уяснило Левитову въ самомъ себѣ, открыло передъ нимъ новые горизонты и, самое главное, заставило его снова, хотя на время, вѣрить въ свой талантъ. Объ этихъ лицахъ А. И. въслѣдствіи часто вспоминалъ и вспоминалъ съ чувствомъ живѣйшей симпатіи.

Приведемъ одно письмо Левитова къ Кузьминымъ отъ 17-го марта 1861 года,—письмо, знакомящее насъ и съ виѣшной обстановкой житія Александра Ивановича и состояніемъ его духа.

«Милые мои, добрые друзья,

Михаилъ Борисовичъ и Маша!

«Оба письма ваши получилъ. Не отвѣчалъ такъ долго на первое письмо ваше потому, что рѣшительно не было денегъ, и обстоятельства мои были самыя негодныя. Объяснять вамъ ихъ не буду, потому что было бы долго. Теперь вотъ, лишь только получилъ 25 руб., спѣшу вамъ послать изъ нихъ 14 руб. Всѣ бы послать,—но до зарѣзу нужно платить долги—пристаютъ страшно. Дѣла мои, кажется, поправляются; впрочемъ, вѣрнаго ничего не могу сказать—одному Богу извѣстно. До сихъ поръ еще не могу дождаться печатанія моихъ рассказовъ и повѣстей. При личномъ свиданіи расскажу,

какъ надежды мои самыя вѣрныя обманывались, и какъ я глубоко страдалъ, не имѣя чѣмъ помочь вамъ. На этой недѣлѣ ждалъ изъ Петербурга, по крайней мѣрѣ, 100 рублей, а получилъ только одно письмо, въ которомъ просятъ ждать до іюля. Я послалъ письмо, гдѣ требую назадъ мою работу, потому что здѣсь, въ Москвѣ, просили меня о ней—на этой недѣлѣ я увижу, что будетъ изъ этого; если окончится въ мою пользу, то въ скоромъ же времени пришлю вамъ еще денегъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ началѣ, я непременно приѣду къ вамъ, найму вамъ квартиру, и самъ съ вами буду жить, по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ. У меня тогда непременно будутъ деньги, и въ то время подумаемъ, какъ приняться за стройку. А теперь промайтея какъ-нибудь. Я бы къ вамъ приѣхалъ и въ маѣ, но меня уже на этотъ мѣсяцъ пригласили къ себѣ въ деревню Рязскіе помѣщики В—вскіе, съ младшимъ братомъ которыхъ я живу теперь вмѣстѣ на квартирѣ».

Спустя два дня, Левитовъ въ томъ же письмѣ говоритъ:

«Не посылалъ такъ долго потому, что дожидался субботы—день, въ который отходить къ вамъ почта. Что же напишу я вамъ въ послѣдній разъ, милые мои? Вмѣсто 14 руб. вздумалъ для равнаго счета послать 15 руб. Хотѣлъ было я употребить одинъ р. на извозчика (верстѣ 5 отъ моей квартиры до почтамта) да на почтовые расходы; но я вспомнилъ, какъ много значить для васъ рубль, и потому пойду завтра пѣшкомъ. Вѣрьте мнѣ, что если бы за кровь мою мнѣ что-нибудь дали, я бы продалъ ее для васъ.

«Скучно мнѣ въ настоящее время страшно. Безурядица въ дѣлахъ крайняя. Что мнѣ скажетъ воскресенье? Многое должно мнѣ уясниться въ этотъ день. Если будетъ такъ, какъ я думаю, то работа моя будетъ имѣть постоянное мѣсто,—и, слѣдовательно, я и вы обезпечены.

«Другъ мой! У бѣдныхъ и несчастныхъ людей есть такое сокровище, котораго, быть можетъ, не имѣютъ самыя богатые люди. Это—вѣра другъ въ друга, ничѣмъ не колеблемая. При этой вѣрѣ имъ легче и лучше жить на свѣтѣ. Не теряй же ты этой вѣры въ меня, точно такъ же, какъ я никогда не терялъ и не теряю въ твою неизмѣнную, ничѣмъ не могущую быть прерванною любовь ко мнѣ и привязанность. Это мое единственное утѣшеніе.

«Не могу писать больше. Я очень жду воскресенья...

«Не отчаивайтесь, надѣйтесь на Бога. Если Ему будетъ угодно исполнить желанія мои, я не брошу васъ. Я къ вамъ непременно приѣду лѣтомъ. Имѣніе В—скихъ верстахъ въ 100 отъ Козлова. Помните, что, если я что буду имѣть, это все будетъ ваше».

«А. Левитовъ.

«Адресъ пишите такъ: Е. В—дію Василью Алексѣвичу Слѣпцову, въ Старый Конюшенный, домъ (нельзя разобрать)... для передачи А. И. Левитову, въ Москвѣ».

При такихъ-то условіяхъ, по выходѣ изъ редакціи «Русскаго Вѣстника», Александръ Ивановичъ создавалъ свои художественныя произведенія, посѣщалъ лекціи профессоровъ. Знаютъ ли это, какъ онъ выражался, «сытые» и «довольные» люди, доступно ли ихъ пониманію художественное творчество посреди лишеній и заботъ о кускѣ хлѣба?

Въ началѣ мая онъ уѣхалъ въ Рязанскую губернію, въ имѣніе знакомыхъ своихъ В—скихъ, гдѣ прогостилъ до августа мѣсяца; сестры ему посѣтить не пришлось. Въ деревнѣ онъ написалъ повѣсть «На канунъ Христова дня», которая потомъ была помѣщена въ «Русской Рѣчи»; за лѣтніе мѣсяцы, какъ мы выше упоминали, появились въ «Времени» его «Ярмарочныя сцены» и «Сладкое житье». Замѣтимъ мимоходомъ, что редакція «Времени» заплатила ему по 15 р. съ печатнаго листа.

II.

По возвращеніи А. И. Левитова въ Москву, въ жизни его произошло событіе громадной важности... Онъ полюбилъ, полюбилъ въ первый и послѣдній разъ! Если онъ раньше любилъ кого, то развѣ только одну Ребекку Шарпъ. Теперь предметъ его любви не созданіе поэта или художника, а реальное существо—бѣлошвейка...

«Я познакомилась съ Александромъ Ивановичемъ въ концѣ августа 1861 года», рассказывала намъ К. Д. «Я жила въ качествѣ мастерицы у бѣлошвейки. Я долго не знала, кто онъ, а видѣла его очень часто. Квартира наша выходила окнами на улицу, а я сидѣла съ работой всегда у окна, изъ котораго мнѣ видно было всѣхъ, кто проходилъ мимо насъ. Но ни на кого я такъ внимательно не смотрѣла, какъ на Александра Ивановича; ходилъ онъ мимо насъ каждый день, а иногда и нѣсколько разъ въ день пройдетъ. И каждый разъ, когда онъ проходилъ, голова моя невольно поднималась отъ работы, и я смотрѣла въ окно... Что меня влекло —

я не могла отдать себѣ отчета. Иногда хозяйка, замѣтивъ, что я часто отрываюсь отъ работы, говорила: «что этотъ козелъ нынче разбѣгался»? И мы обѣ принимались надъ нимъ смѣяться. Я передразнивала его походку и, приложивъ два пальца къ подбородку и склонивъ нѣсколько на-бокъ голову, блеяла, какъ козелъ. Но смѣхъ этотъ былъ неискренень: внутри меня что-то ныло, и мнѣ почему-то было жаль его. Бывало, пройдетъ, я посмотрю на него и долго потомъ остается въ памяти его задумчивое лицо. Я часто думала, что онъ бѣдный студентъ и живетъ у товарищей; одѣтъ всегда бѣдно: драповый не по росту сюртукъ, съ очень длинной таліей, а на головѣ кепи — этотъ нарядъ придавалъ его худой фигурѣ видъ смѣшной и жалкій».

Такъ началось взаимное влеченіе двухъ сердець, вскорѣ перешедшее въ серьезное чувство. До сихъ поръ дѣло ограничивалось одними взглядами въ окно, но потомъ послѣдовало и первое знакомство. Приведемъ обѣ этомъ рассказъ самой К. Д.

«Я была знакома съ И. И. Кельсіевымъ. Онъ разъ оказалъ намъ съ хозяйкой крупную услугу, защитивъ насъ отъ нападенія грубой и пьяной ватаги; это послужило поводомъ къ нашему знакомству. Онъ иногда заходилъ къ намъ поболтать и выкурить сигару; при встрѣчѣ всегда съ нами кланялся и перекидывался шутками. Однажды, гуляя по бульвару, я встрѣтилась съ И. И. Кельсіевымъ и А. И. Левитовымъ, поклонилась и хотѣла пройти мимо. Но ониворотились и пошли вмѣстѣ со мной; говорили и болтали о пустякахъ. Я много смѣялась и иногда проговаривалась острымъ словомъ. Смѣялись и они. Александръ Ивановичъ приглашалъ къ себѣ пить чай, говоря, что онъ живетъ недалеко, на Арбатѣ, въ домѣ Толстаго, въ библіотекѣ Федоровой. Я сейчасъ идти отказалась: было ужъ поздно. Они проводили меня до крыльца и подождали, пока мнѣ отперли дверь».

Вотъ при какихъ условіяхъ молодые люди полюбили другъ друга... Но эта любовь со стороны Левитова не была тѣмъ чувствомъ, которое могущественнымъ пламенемъ охватываетъ все существо человѣка и перерождаетъ его духовное бытіе,—это было тихое, глубокое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какое-то особенное чувство, похожее скорѣе на долгъ, обязанность... Любимая имъ женщина была такимъ же непрактичнымъ существомъ, какъ и онъ самъ, простая крестьянская дѣвушка, почти безграмотная и круглая сирота.

Зимой Левитовъ ѣздилъ въ Петербургъ и пробылъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ. Изъ старыхъ знакомыхъ онъ ни съ кѣмъ не видѣлся — Соколовъ, Фиделинъ и др. окончили курсъ и разсѣялись по

разнымъ концамъ русской земли; а къ Б. И. Маляго Левитовъ не рѣшился пойти: его мучила совѣсть за Вологду... За то онъ сдѣлалъ въ Петербургѣ нѣсколько новыхъ литературныхъ знакомствъ.

Возвратившись въ началѣ марта 1862 года въ Москву, онъ снова поселяется въ меблированныхъ комнатахъ, у сѣмщицы Татьяны Семеновны, въ домѣ Смирнова, на Пречистенскомъ бульварѣ. За квартиру теперь онъ платитъ уже 15 руб. и за обѣдъ 40 коп.... Деньги, получаемыя за литературныя работы,—деньги, конечно, не большія, — выходятъ быстро, и онъ все больше влѣзаетъ въ долги. «Къ Святой за столъ и квартиру я задолжаю 60 руб., что со старымъ долгомъ составитъ около 300», пишетъ онъ, между прочимъ, къ сестрѣ. «И все это, съ Божьей помощію, я заплачу и вамъ къ Святой, или даже скорѣе, пришлю 25 руб. Вы не спите отъ своихъ долговъ, я тоже не сплю отъ своихъ. Кромѣ того вы все-таки надѣетесь на меня, и, конечно, я вамъ, что называется, оторву да урву, но мнѣ надѣяться не на кого... Но мнѣ должно благодарить Бога за то, что онъ послалъ мнѣ: жизнь моя все-таки очень хороша, только доходы мои не вѣрны и неопредѣленны. Одинъ мѣсяцъ я получаю очень много, а въ другой ничего; отъ этого и долги, отъ этого я не могу вамъ высылать столько денегъ, сколько я душевно желалъ бы посылать; но скоро все это устранился, и вы будете жить хорошо».

Въ журналахъ и газетахъ постоянно появляются очерки и рассказы Левитова. Такъ въ «Зрителѣ» помѣщенъ второй очеркъ «Степная дорога», «Мірской Судъ», («Расправа») и «Дурочка», а въ «Развлеченіи» — «Дорожный очеркъ» («Насупротивъ»). Теперь онъ пишетъ новую вещь, матеріалъ для которой даютъ ему уже не родныя степи, а столичная жизнь,—жизнь московскихъ меблированныхъ комнатъ. Онъ всецѣло отдался литературѣ, онъ страстно любитъ ее и не измѣнитъ никогда своему призванію. Трудъ въ денежномъ отношеніи пока неблагодарный, но трудъ высоко честный и благородный, — ради него можно кое-что и перенести.... «Все-таки жизнь его хороша». Одного жалъ,—нельзя поступить въ университетъ и окончить курсъ, какъ того желалъ всегда Левитовъ. Онъ урываетъ отъ своихъ заработковъ послѣднее и отсылаетъ сестрѣ, всякій разъ жалѣя, что посылаетъ мало; но онъ продолжаетъ надѣяться, совѣтуетъ надѣяться и своимъ близкимъ.

«Помните», писалъ онъ, «что у всякаго человѣка, хоть разъ въ жизни, бываетъ свой праздникъ; можетъ быть, этотъ праздникъ будетъ и у насъ съ вами».

И онъ вѣрилъ, что праздникъ этотъ, рано или поздно, для него наступить.

Такъ онъ и жилъ въ Москвѣ, въ кругу знакомыхъ и пріятелей, до самаго конца года, поощряемый въ своей дѣятельности критикою и друзьями. Редакторъ «Зрителя», Калошинъ, возилъ Левитова въ Англійскій и купеческій клубы, съ цѣлью познакомить его съ московскою знатью и тузами коммерческаго міра: «матеріалъ для наблюденія богатый», говорилъ Калошинъ. Но Левитовъ, побывавъ раза три въ этихъ клубахъ, бросилъ: «ну ихъ», сказалъ: «это не для меня».

Московскіе журналы, въ которыхъ помѣщались его статьи, начали чахнуть и быстро умирать. Еще раньше прекратилось существованіе «Московского Вѣстника», теперь скончалась «Русская Рѣчь», а тамъ очередь наступила и «Зрителя»!.. Оставалось одно «Развлеченіе». Левитовъ подумалъ и, въ концѣ декабря, перебрался въ Петербургъ, хотя тамошній климатъ и пугалъ его.

Въ то время, какъ въ Москвѣ періодическія изданія одинъ за другимъ умирали, въ Петербургѣ, наоборотъ, журналистика процвѣтала, становясь все болѣе и болѣе вліятельною, и возникали новые органы печати: съ 1863 года стали выходить «Очерки» подъ редакціей Г. З. Елисѣева, «Голосъ» А. А. Краевского и «С.-Петербургскія Вѣдомости», перешедшія въ руки В. Θ. Корша.

А. И. Левитовъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, познакомился съ многими извѣстными литераторами: Н. А. Некрасовымъ, М. Е. Салтыковымъ, В. Н. Курочкинымъ, Д. Д. Минаевымъ, В. П. Буренинымъ и др., возобновилъ знакомство съ А. С. Суворинымъ, съ которымъ въ первый разъ встрѣтился въ редакціи «Руской Рѣчи», а изъ начинающихъ познакомился съ М. А. Вороновымъ и Г. И. Успенскимъ (только что выступившимъ въ «Библіотекѣ для чтенія» съ первымъ своимъ рассказомъ «Старьевщикъ»), и многими журналистами. Между тогдашними публицистами Левитовъ сошелся очень хорошо съ Артуромъ Бени, котораго всегда уважалъ и былъ о немъ высокаго мнѣнія, какъ о человѣкѣ, такъ и публицистѣ.

Левитовъ поселился на Вознесенскомъ проспектѣ, въ домѣ Соболевой, занявъ особую квартиру. Цѣлый рядъ его работъ появляется въ «Искрѣ», подъ псевдонимомъ Ивана Сизова, въ «Русскомъ Мірѣ» (Гіероглифова), въ «Очеркахъ» и «Библіотекѣ для чтенія». Кромѣ литературно-художественныхъ произведеній, онъ писалъ статьи и фельетоны для газеты «Народное Богатство», въ которой дѣятельное участіе принималъ Бени; Левитовъ получилъ даже при редакціи постоянное мѣсто, съ опредѣленнымъ окладомъ жалованья.

Посылая въ мартѣ мѣсяцѣ сестрѣ деньги двадцать пять рублей, онѣ говорилъ въ своемъ письмѣ: «я теперь такъ хорошо устроился, что съ этого времени каждый мѣсяцъ аккуратно буду высылать вамъ по 5 рублей». Онѣ рассчитываетъ, что потомъ получить много заработанныхъ денегъ и пріѣдетъ въ Лебедянь, а если что помѣшаетъ, то переѣдетъ въ Москву и тогда напишетъ, чтобы они съ Алешей пріѣхали къ нему: на путевыя издержки онѣ вышлетъ 50 рублей.

«Если я пріѣду въ Лебедянь», продолжаетъ далѣе Левитовъ, «то буду просить васъ, М. Б—чѣ, пріискать мнѣ квартиру подлѣ васъ, потому что въ вашемъ домикѣ мнѣ было бы тѣсно. Все перемѣнилось: и я самъ, какъ вы увидите по портрету, перемѣнился, то есть, постарѣлъ, и самыя средства къ жизни перемѣнились!»

Но и это все скоро перемѣнилось. Петербургскій климатъ крайне дурно вліялъ на организмъ Александра Ивановича, ему тогда же нужно было бы позаботиться о своемъ здоровьѣ.... На лѣто, какъ полагалъ раньше, въ Лебедянь онѣ не попалъ, и въ концѣ года пріѣхалъ въ Москву, съ цѣлью немного отдохнуть и повидаться съ добрыми знакомыми.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

Настоящая глава обнимаетъ четырехгодичный періодъ жизни Левитова, особенности котораго заключаются въ томъ, что Александръ Ивановичъ, по прежнему, переѣзжаетъ изъ Москвы въ Петербургъ и обратно, и пробуетъ свои силы на поприщѣ педагогической дѣятельности. Кругъ его знакомствъ становится шире, и онѣ завязываетъ дружескія отношенія въ Москвѣ съ тремя лицами.

Первымъ назовемъ Вас. Ар. Дементьева, который былъ соредакторомъ по «Москвитяину» М. П. Погодина и другомъ Ив. Т. Кокорева, известнаго автора повѣсти «Савушка» и другихъ рассказовъ. Дементьевъ принадлежалъ къ категоріи тѣхъ богато одаренныхъ и широкихъ русскихъ натуръ, какъ Григорьевъ, Мей и т. п. Филосовскій складъ ума, наклонность къ обобщеніямъ и выводамъ, сильно развитая рефлексія, съ окраскою «демонизма» и, по временамъ, болѣе или менѣе, продолжительные запои, которые на его языкѣ означали: «проявлять святое негодованіе». Натура сильная, но надломленная, какъ Григорьевъ, онѣ вышелъ изъ Костромской духовной семинаріи,

мечталъ окончить курсъ въ университетѣ, но по обстоятельствамъ, отъ него независимымъ, ограничился тѣмъ, что выдержалъ экзаменъ на званіе домашняго учителя, работалъ въ «Москвитянинѣ» вмѣстѣ съ Григорьевымъ и Кокоревымъ, занимался разработкою и приведеніемъ въ порядокъ историческихъ матеріаловъ въ кабинетѣ у М. П. Погодина; затѣмъ, послѣ довольно продолжительнаго и сильнаго проявленія «святаго негодованія», ушелъ на родину, гдѣ собиралъ народные пѣсни и помѣщалъ этнографическія статьи въ «Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ»; съ родины перебрался въ одинъ изъ промышленныхъ городовъ, давалъ тамъ частные уроки, училъ у себя на дому бесплатно дѣтей бѣдныхъ родителей и занималъ мѣсто учителя въ женской прогимназіи. Въ 1863 году пріѣхалъ погостить въ Москву къ М. П. Погодину, да такъ у него и остался. Въ юности, кромѣ рецензій, замѣтокъ и стихотвореній, онъ написалъ народный разсказъ «Левка Бобыль», а съ 1859 по 61 годъ печаталъ въ журналѣ «Воспитаніе» статьи, подъ общимъ заглавіемъ: «Педагогическіе очерки и замѣтки домашняго учителя» — плоды наблюденій своей педагогической дѣятельности. Въ статьѣ «Учитель Живучевъ и купецъ Галкинъ» онъ изобразилъ самого себя и показалъ, какъ онъ ведетъ дѣло воспитанія и обученія; редакція журнала пришла въ восхищеніе и выразила сожалѣніе, что «неизвѣстенъ тотъ счастливый градъ, въ стѣнахъ котораго обитаетъ такое сокровище-учитель. Мы увѣрены, что многіе родители поспѣшили бы вручить воспитаніе своихъ дѣтей этому образцовому педагогу». *) Въ этомъ же разсказѣ былъ выведенъ мальчикъ, которому впоследствии пришлось получить громкую извѣстность... Быть можетъ, къ личности покойнаго Дементьева намъ удастся еще когда-нибудь возвратиться, а теперь, насколько нужно было, мы сказали о немъ все. Прибавимъ лишь, что Дементьевъ отличался необыкновенною застѣнчивостью, хотя имѣлъ уже около 40 лѣтъ.

Другой пріятель Левитова, Н. М. Б—овъ, воспитанникъ Харьковскаго университета, пріѣхалъ въ Москву, съ цѣлью заняться литературной работою; но, проживши въ ней два года и ничего не достигнувъ, благодаря своей непрактичности, уѣхалъ снова въ провинцію и занялъ мѣсто учителя въ прогимназіи, которое прежде занималъ Дементьевъ. Только потомъ въ семидесятыхъ годахъ онъ выступилъ, въ качествѣ публициста, въ газетѣ «Голосъ», принималъ участіе въ дру-

*) «Воспитаніе. Журналъ для родителей и наставниковъ, издаваемый А. Чумаковымъ». 1860 года, № 3, стр. 136.

гихъ газетахъ, а также помѣщаль свои статьи и въ журналахъ. Съ Левитовымъ онъ познакомился еще въ 1862 году.

NN былъ семнадцатилѣтній юноша, съ натурой страстной и увлекающейся, недавно прибывшій изъ роднаго захолустья въ Москву, съ цѣлью поступить въ университетъ; вышедши изъ народа, сынъ небогатыхъ родителей, онъ, подобно Левитову, противъ желанія отца и матери, покинулъ родину и пѣшкомъ пришелъ въ Москву. Готовясь къ поступленію въ университетъ, онъ давалъ уроки и занимался въ одной частной библіотекѣ,—этимъ онъ зарабатывалъ себѣ средства къ существованію. Левитовъ очень полюбилъ этого юношу: онъ плѣнялся чистотою души NN, его беззавѣтной и искренней любовью къ народу, стремленіями къ знанію, правдѣ и всему прекрасному, чистому и высокому. Правился Левитову и его веселый, задушевный смѣхъ, который всегда заразительно дѣйствовалъ на окружающихъ. Левитовъ, въ какомъ бы дурномъ расположеніи духа ни являлся къ NN, непременно забудетъ о своемъ горѣ и развеселится.

— Что ты все гогочешь? — скажетъ онъ NN. — Чай, ты не маленькій: въ университетѣ учишься.

— А весело мнѣ и смѣюсь—отвѣтитъ тотъ и пуще зальется.—Левитовъ посмотритъ на него.

— Экъ, какъ онъ гоготать здоровъ!—скажетъ и самъ засмѣется.—Да будетъ тебѣ... Давай-ка лучше мы съ тобой чай распивать, да о дѣлѣ поговоримъ.

Въ обществѣ этихъ трехъ лицъ чаще всего находился Левитовъ, какъ въ свой пріѣздъ въ концѣ 63 года, такъ и въ слѣдующіе годы. Къ этому времени относится и наше первое знакомство съ Александромъ Ивановичемъ. Онъ смотрѣлъ тогда настоящимъ джентльменомъ, одѣвался всегда прилично и со вкусомъ, ходилъ въ цилиндрѣ и съ щегольской палкой. Ему было съ небольшимъ 28 лѣтъ. Симпатичное лицо, густые свѣтлорусые волосы, маленькая бородка и пѣвучій голосъ; въ обхожденіи съ близкими ему людьми и молодежью, которую онъ всегда и искренно любилъ, радовался ея радостями и сочувствовалъ всѣмъ ея прекраснымъ стремленіямъ—сказывалась задушевность. Вънемъ столько еще было свѣжести и огня, столько веселаго юмора и любви къ людямъ, что никто не могъ бы и подумать, что видитъ передъ собою человѣка, такъ много перенесшаго въ своей жизни и такъ глубоко несчастнаго. Только привычный глазъ могъ подмѣтить въ немъ слѣды пережитаго: какое-то, по временамъ, нервное подергиваніе плечами и вздрагиваніе, порою тихая грусть и долгій, безмолвно устремленный взглядъ на собесѣдника заставлялъ до-

гадываться о прошломъ. Въ отношеніяхъ его къ своимъ друзьямъ замѣчалась деликатность, а къ юнымъ—трогательная нѣжность и осторожность.

У NN, въ его маленькой комнаткѣ, по вечерамъ собирались Дементьевъ, Б—овъ и Левитовъ,—послѣдній почти и жилъ у «юноши», какъ всѣ звали тогда NN; время проходило въ разговорахъ или за чтеніемъ какой-либо книги или журнальной статьи. Мы помнимъ, какъ разъ, въ январѣ 64 года, въ этомъ кружкѣ читались «Призраки» Тургенева, появившіеся въ «Эпохѣ». Читалъ Левитовъ и читалъ очень хорошо. Всѣ слушали его съ напряженнымъ вниманіемъ; «юноша» блѣднѣлъ и краснѣлъ отъ наслажденія и восторга, а у Левитова выраженіе лица смѣнялось одно другимъ, и чувствовалось всѣмъ, что поэтическое произведеніе читаетъ поэтъ. Сцены въ римскихъ развалинахъ и на Волгѣ произвели сильное впечатлѣніе; особенно тѣ мѣста, гдѣ на призывъ автора: Divus Caius Julius Caesar — сперва «послышался смутный, ухомъ едва уловимый, но безконечно повторяющійся взрывъ трубныхъ звуковъ рукоплесканій», а потомъ эти легіоны, шумъ голосовъ: «Caesar venit» и появленіе блѣдной головы императора, выдвинувшейся изъ-за развалины...

Въ другой разъ Левитовъ читалъ у NN свой очеркъ «Бабушка Маслиха» и сообщалъ планы новыхъ работъ. Здѣсь же читались и обсуждались произведенія юныхъ начинающихъ писателей, между которыми слѣдуетъ упомянуть о М. Н. М—вѣ. Онъ помѣстилъ нѣсколько талантливо написанныхъ рассказовъ въ «Развлеченія» за 1864 годъ и много стихотвореній, напечатанныхъ впослѣдствіи въ петербургскихъ журналахъ. Это былъ восемнадцати-лѣтній юноша съ задатками недюжиннаго поэтическаго дарованія, но, къ сожалѣнію, съ сильно уже развившеюся склонностью къ вину.

Левитовъ продолжалъ писать, и его рассказы «Выселки» и «Бабушка Маслиха» появились въ «Современникѣ», а въ Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ—очеркъ «Фигуры и тропы» Московской жизни. «Редакторомъ газеты былъ секретарь мѣстнаго статистическаго комитета, Н. П. Бочаровъ, начавшій, было, потомъ въ 1866 году издавать и свою газету. Н. П. Б—овъ желалъ придать большую занимательность «Губернскимъ Вѣдомостямъ» и съ этой цѣлью пригласилъ къ сотрудничеству многихъ литераторовъ. А. И. Левитову, кромѣ постоянного сотрудничества, онъ предложилъ мѣсто секретаря при редакціи. Секретарство это продолжалось не дальше мѣсяца: средствъ у редакціи оказалось мало, да и нечего дѣлать было секретарю. Левитовъ задумалъ изданіе альманаха—сборника

произведеній изящной литературы и статей, посвященныхъ критикѣ и обзорѣнїю текущихъ вопросовъ жизни за годъ; средства на изданіе дали книгопродавцы и одинъ учитель, знакомый А. И. Левитову. Названіе альманаху предполагалось дать «Звѣзда». Сборникъ, по идеѣ, былъ задуманъ весьма талантливо и сулилъ въ будущемъ успѣхъ.

Левитовъ, въ качествѣ редактора «Звѣзды», нанялъ себѣ квартиру въ домѣ Рязанова, на Тверской улицѣ; квартира эта состояла изъ трехъ комнатъ, окнами на улицу, и была самая роскошная изъ всѣхъ меблированныхъ квартиръ: ни раньше, ни послѣ Левитовъ никогда уже въ подобныхъ квартирахъ не жилъ. Въ этихъ «чертогахъ» А. И. принималъ своихъ друзей и авторовъ, приносившихъ ему статьи для «Звѣзды». Левитовъ преобразился: онъ напустилъ на себя какую-то дѣловитость и употреблялъ всѣ усилія казаться человѣкомъ практическимъ. Когда къ нему въ первый разъ пришелъ на квартиру «юноша», то такъ былъ озадаченъ манерами хозяина и видомъ его обстановки, что просто растерялся и долго оставался безгласнымъ. Редакторъ, важно развалившись въ креслахъ, велъ разговоръ съ какимъ-то господиномъ, которому онъ развивалъ идею статьи по внутреннимъ вопросамъ и выражался, какъ-то, необычайно цвѣтисто.

— Вы поняли мою идею?—закончилъ редакторъ.

— Въ совершенствѣ,—отвѣчалъ неизвѣстный господинъ.—Статья черезъ недѣлю будетъ готова.

Левитовъ всталъ и подалъ гостю руку.

— Извините, не смѣю васъ дольше удерживать: вы человѣкъ занятой, да и у меня, признаться сказать, тоже много дѣла.

Сотрудникъ «Звѣзды» раскланялся съ редакторомъ и направился къ двери. Проводивъ гостя до передней, А. И. вернулся къ NN и, подпершись фертонъ, остановился передъ нимъ съ торжествующей улыбкой.

— Ну, юноша, что ты теперь мнѣ скажешь?—началъ онъ, вскидывая бородкою и оставаясь въ прежней позѣ.

NN смотрѣлъ на него во всѣ глаза и недоумѣвалъ.

— Чтò, или ты обалдѣлъ?—быстро впадая въ свой обычный тонъ, проговорилъ Левитовъ.

NN расхохотался.

— Чего гогочешь-то, несмысль?

— Помилуй, Александръ Ивановичъ,—началъ NN:—я тебя совсѣмъ не узналъ, ты другимъ человѣкомъ сталъ...

— А ты какъ думалъ?—перебилъ Левитовъ, начиная шагать по комнатѣ?—Разъ я редакторъ, я принимаю у себя сотрудниковъ, говорю съ ними по поводу темы той или другой статьи и даю тонъ. Тутъ и обстановка должна быть приличная и все, какъ слѣдуетъ. Понимаешь ли ты это?

— Понимаю. Только знаешь что, Александръ Ивановичъ, я тебѣ скажу: ты больно чуденъ...

— Какъ чуденъ?

— Словно пѣтухъ какой...

Левитовъ посмотрѣлъ на пріятеля.

— Юнъ ты—вотъ чтò я тебѣ скажу,—началъ онъ:—нѣтъ у тебя никакого практическаго пониманія вещей, не знаешь ты всѣмъ жизни и людей. Развѣ въ столичныхъ городахъ такіе люди, какъ въ нашихъ родныхъ палестинахъ?.. Да они тебя всего изложутъ, ни одного живаго мѣста на тебѣ не оставятъ, ежели ты съ ними всегда подушѣ, да по Божьи-то будешь... По чести и совѣсти я тебѣ говорю,—оставь ты свои сантименты и учись у добрыхъ своихъ пріятелей, какъ надо жить и ладить съ людьми.

— О, премудрый Соломонъ!—воскликнулъ NN.—Отнынѣ я твой послушный ученикъ, и во всю жизнь никогда не отступлю отъ указаній моего опытнаго учителя и великодушнаго друга.

— Смѣйся, смѣйся,—говорилъ Левитовъ и самъ начиналъ улыбаться.—Поживемъ, увидимъ, что дастъ тебѣ твоя идеализація... А, да полно намъ вздоръ болтать!—оборвалъ себя Левитовъ.—Ну-ка, вотъ, я покажу тебѣ картиночки для сборника... Отъ Марка Вовчекъ мы получили ужъ повѣсть. Слѣпцовъ обѣщаль немедленно выслать, Г. И. Успенскій тоже дастъ... Однимъ словомъ—альманахъ выйдетъ на славу.

И продолжая такимъ образомъ говорить и теребить свою рѣденькую бородку, Левитовъ показывалъ NN рисунки къ исторической повѣсти «Маруся», полученной редакторомъ «Звѣзды» отъ Марка Вовчекъ. Юноша похвалилъ.

—Ты погляди ужò,—началъ довольный собою редакторъ:—какимъ я буду практическимъ человѣкомъ... Страсть!.. Деньгу мы съ тобой, другъ, будемъ здоровую зашибать... Теперь ужъ я не тотъ, что былъ три года назадъ: столицы эти меня отрезвили, братъ, по совѣсти тебѣ говорю, практицизма этого во мнѣ—чертовски много сидитъ. И повѣрь ты мнѣ, что съумѣю я справиться со всѣми жизненными пошлостями и устроить судьбу всѣхъ дорогихъ моему сердцу людей. Только чуточку надо пообождать.

Ждать, дѣйствительно, недолго пришлось: черезъ мѣсяцъ дѣло съ альманахомъ разстроилось, и «Звѣздѣ» Левитова не суждено было показаться на литературномъ горизонтѣ; а самъ редакторъ изъ своей «шикарной» московской квартиры перебрался въ д. Давыдково и поселился въ крестьянской избѣ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ А. И-чъ читалъ на одномъ публичномъ литературномъ вечерѣ свой очеркъ «Война» — онъ нарочно пришелъ изъ Давыдково въ Москву для этой цѣли. На вечерѣ принимали участіе В. А. Слѣпцовъ и И. А. Чаевъ. Упоминаемъ объ этомъ вечерѣ потому, что Левитовъ выступилъ съ своимъ чтеніемъ публично въ первый и послѣдній разъ.

Въ Давыдково Левитовъ прожилъ до конца августа. Съ нимъ, въ одной избѣ помѣстился поэтъ М. И. М-овъ и еще одинъ пріятель. Дементьевъ и другіе московскіе друзья навѣщали ихъ по праздникамъ. Жилось нашимъ отшельникамъ въ Давыдково хорошо — воздухъ чистый, дышать было чѣмъ, мѣста для гулянья тоже много и купаться ходить недалеко; но на счетъ пищи и другаго — плохо приходилось «практическому» человѣку и его сожителямъ: больше картошкой пробавлялись да чай уничтожали. Средствами для такой привольной дачной жизни служили заработки въ «Развлеченіи», дававшіе въ мѣсяцъ до 30 рублей. За гонораромъ аккуратно, разъ въ недѣлю, путешествовалъ въ Москву поэтъ М-овъ, и его возвращенія въ Давыдково всякій разъ ожидали съ чувствомъ радостнаго волненія и предвкушенія вознаградить себя за всѣ ограниченія и воздержанія цѣлой недѣли. Случалось это чаще по субботамъ, и наши пріятели въ этотъ день всегда были какъ-то особенно оживленно веселы и разговорчивы; еще часа за два передъ тѣмъ, какъ поэту надлежало возвращаться, изъ одной крайней избы выходило двое-трое молодыхъ людей и съ ними дама, и всѣ шли встрѣчать поэта, устремляя взоры въ прекрасную даль... И вотъ, послѣ долгихъ ожиданій, наконецъ, обрисовывалась передъ ними длинная фигура, въ шляпѣ отчаяннаго вида и съ саженой дубиной въ рукѣ. У всѣхъ захватывался духъ въ груди и раздавались восклицанія: «шествуетъ! онъ!»... А фигура, выступая гигантскими шагами, все ближе и ближе: она размахиваетъ дубиной, какъ бы привѣтствуя ожидающихъ ее друзей, и на лицѣ у нея широкая и блаженная улыбка.

— А вотъ и я, — говоритъ М-овъ. — Здравствуйте, господа!... Здравствуй, Александръ Ивановичъ?... Какъ вы безъ меня поживали?..

— А ты говори скорѣе: много ли заполучилъ?—перебивали поэта.

— Сегодня мнѣ особенно посчастливилось,—не безъ гордости отвѣчаетъ М-овъ:—четырнадцать рублей съ полтиною выдали...

— Что ты?! Да неужели правду говоришь?

— Истинную правду. Должно, за старое что-нибудь оставалось—и выдали.

Друзья на верху счастья: четырнадцать съ полтиною въ ихъ распоряженіи на одну недѣлю! Предводительствуемые поэтомъ М-мъ, всѣ съ торжествомъ побѣдителей возвращаются на дачу.

Но случалось, иногда эти свѣтлые дни субботы омрачались неожиданно надвигнувшимися тучами, и пріятельская колонія повергалась въ большое уныніе. Разъ, по обыкновенію, поэтъ направилъ свои стопы въ Москву за полученіемъ гонорара. На дачѣ долго его ждали съ нетерпѣніемъ, тѣмъ болѣе, что картошки осталось всего на одинъ день, а лавочникъ, по своей грубости и невѣжеству, кредита никакого жильцамъ крайней дачи не открывалъ. Въ обычное время наши дачники тронулись во срѣтеніе поэта... Ждутъ. Нѣтъ его! Еще подождали —не показывается впереди знакомой длинной фигуры!.. Вечеръ наступилъ, за нимъ спустилась на окрестность и деревню ночь, а поэтъ не возвращался. Къ ужасу всѣхъ онъ и въ воскресенье не подъявился! Дементьевъ, пришедши съ Дѣвичьяго поля, нашелъ своихъ пріятелей въ крайне-меланхолическомъ настроеніи: въ домѣ не было ничего, ни картошки, ни хлѣба! Александръ Ивановичъ посиживалъ у окошка, выдергивалъ изъ простѣнка старый мохъ, съ цѣлью скрутить папироску и хотъ разокъ «затянуться». Къ счастью, у Дементьева нашлось рубля три, и дачники мгновенно ожили и возликовали.

— Странно,—говорилъ Дементьевъ:—ушелъ и не возвращается!.. Да съ нимъ, по временамъ, не случается ли... въ родѣ—какъ бы это повѣжливѣй выразиться?... припадка, что ли?..

— То есть,—подхватилъ Левитовъ,—ты желаешь сказать, не проявляетъ ли онъ святаго негодованія?

Дементьевъ застѣнчиво улыбнулся и весь покраснѣлъ до волосной линіи, которая у него доходила чуть не до затылка.

— Именно такъ,—промолвилъ этотъ сорокалѣтній младенецъ.

— Пить-то онъ пьетъ,—размышлялъ Левитовъ,—пьетъ и здорово, но чтобы такъ... какъ вотъ случается съ однимъ нашимъ общимъ пріятелемъ, не приходилось замѣчать. Но что всего непостижимѣе, такъ это то, что въ Москвѣ у него ни единой души изъ знакомыхъ нѣтъ.

— А какой дорогой онъ въ Москву ходить?—подумавши, спросилъ Дементьевъ.

— На Воробьевы горы, а тамъ на лодкѣ черезъ рѣку и мимо твоихъ погодинскихъ владѣній.

— Чудно,—недоумѣвалъ Дементьевъ.—Вотъ что развѣ: у насъ на Дѣвичьемъ фабрики, народу всякаго много, и жулики есть... Не ограбили ли ужь его на возвратномъ пути съ деньгами?

Послѣ разныхъ соображеній и догадокъ, положено было: на другой день снарядить и отправить въ Москву экспедицію для отысканія слѣдовъ исчезнущаго поэта. Въ это самое время—была уже ночь—дверь тихо отворилась и вошелъ М-овъ.

— Это ты?!

Въ отвѣтъ послышался слабый, разбитый голосъ.

— Да, это я... О—охъ!

Всѣ поражены голосомъ и видомъ поэта: длинное лицо его вытянулось, платье мокрое и самъ растерянный.

— Что съ тобой?... Откуда ты?!

— Изъ воды... чуть не погибъ въ Москвѣ-рѣкѣ.

Присутствовавшіе сильно тронуты. Поднялась суетня, всѣ наперерывъ старались оказать какую-нибудь помощь М-ову и ухаживали за нимъ.

— Надо ему переодѣться... Мокрый весь... Самоваръ скорѣе поставить... Да нѣтъ ли гдѣ, по близости, доктора какого?...

— Не надо доктора... зачѣмъ тратиться...—заговорилъ М-овъ—Лучше бы мнѣ... водочки рюмочку... можетъ, согрѣюсь, и пройдетъ...

— Въ самомъ дѣлѣ,—вспохватился Левитовъ.—Это ему теперь въ самый разъ!...

Когда М-овъ переодѣлся, выпилъ и немного отдохнулъ, пріятели услышали изъ устъ поэта рассказъ о его злоключеніяхъ. Онъ, видите ли, переправлялся на лодкѣ черезъ Москву рѣку; гребцы были выпивши, лодку какъ-то опрокинуло, и всѣ попадали въ воду. Слава Богу, никто не погибъ—мужики съ Воробьевки увидали и скоро помощь подали; но съ поэтомъ, когда онъ очутился въ водѣ, случилась очень большая неприятность.

— Пальто мое,—разсказывалъ онъ,—всплыло на поверхность, теченіемъ выверотило карманы, въ которыхъ лежали деньги... Боюсь это я съ стихіями, чтобы ко дну не пойти, а тутъ—гляжу—бумажки-то у меня изъ кармановъ и поплыли, и несетъ это ихъ по теченію, и несетъ... Я такъ, господа, и взвылъ!

— Такъ, значить?..

— Весь гонораръ уплылъ!—отвѣчалъ М-овъ.—Хорошо, что еще самъ-то хоть живъ остался.

Событіе, дѣйствительно, ужасное: на волоскѣ отъ смерти чело-вѣкъ былъ... Благодареніе Творцу, что не погибъ во цвѣтѣ лѣтъ!.. Но деньги-то уплыли. Какъ это такъ?..

— Ну, натерпѣлся же ты, братъ!—искреннимъ образомъ сожа-лѣлъ Левитовъ...

— А когда съ вами, М. Н-чъ, случилось это несчастіе?—спро-силъ одинъ изъ дачниковъ, чело-вѣкъ болѣе опытный въ дѣлахъ жи-тейскихъ, чѣмъ всѣ остальные товарищи.

— Да сегодня... утромъ...

— Долго же вы шли отъ Воробьевки... Ну, а вчера-то отчего же вы не вернулись?

М-овъ чего-то застыдился...

Тутъ вдругъ и для всѣхъ ясно стало, что рассказанная исторія есть плодъ фантазіи поэта.

— Такъ, значить, на недѣлю мы безъ всякихъ капиталовъ,—задумчиво проговорилъ Левитовъ.

— Да вы не беспокойтесь... Я скоро опять получу,—заволно-вался М-овъ.

Оказалось, что М-овъ съ полученнымъ имъ гонораромъ куда-то закатился и всѣ деньги продулъ! Долго и весело потомъ всѣ смѣя-лись, когда истина открылась, какъ въ волнахъ Москвы рѣки тонулъ нашъ поэтъ.

Но съ М-овымъ былъ случай, который угрожалъ болѣе серь-езными послѣдствіями, чѣмъ фантастическое купанье въ волнахъ Москвы рѣки. Случай этотъ весьма характеристиченъ, тѣмъ болѣе, что онъ даетъ возможность Левитову показать себя съ новой сто-роны. М-овъ, въ качествѣ фельетониста «Развлеченія», коснулся въ одной изъ своихъ статей мѣстной дачной жизни и добродушно по-смѣялся надъ распорядителями дачныхъ увеселеній. Послѣдніе, во главѣ съ студентомъ, княземъ Z, обидѣлись и искали случая съ нимъ объясниться. М-овъ, не смотря на свой саженный ростъ, не отли-чался особенной храбростью, страшно испугался и сталъ отъ всѣхъ прятаться. И вотъ, однажды къ нимъ въ дачу входитъ молодой че-ловѣкъ (поэтъ-фельетонистъ въ это время находился въ чуланѣ) и, обращаясь къ А. И. Левитову, говоритъ:

— Мы узнали, что съ вами, Левитовъ, живетъ какой-то М-овъ, пишущій фельетоны?

— А вамъ, позвольте спросить, для чего это понадобилось знать?—спрашиваетъ Левитовъ, поглядывая на молодого человека.

— Вашъ сожитель задѣлъ все здѣшнее общество... Онъ позволилъ оскорбительныя выраженія относительно распорядителей вообще и князя Z въ частности. Князь требуетъ отъ него удовлетворенія, и я пришелъ къ вамъ по его порученію.

— Такъ. Что же вы, въ качествѣ чего пожаловали?

— Князь Z оскорбленъ и требуетъ удовлетворенія. Я секундантъ его.

— Такъ вы секундантъ?

— Секундантъ.

Левитовъ поднялся, взявъ за руку секунданта и вѣжливо попросилъ его послѣдовать за собою; толкнувъ ногою дверь, онъ показалъ рукою впередъ и сказалъ: «пожалуйте»!

— То есть, это что же?

— А это вамъ удовлетвореніе.

— Позвольте, милостивый государь!..

— Вонъ! Ахъ, вы дуэлисты!.. Да какъ вы только осмѣлились ко мнѣ прійти?

Дуэлистъ вылетѣлъ на улицу и сообщалъ о результатѣ переговоровъ, ожидавшимъ его у полисадника, пріятелямъ.

— Надо его найти!—слышались голоса.

— Онъ непременно дома—спрятался, боится!

— Позвольте узнать, кто изъ васъ князь Z?—раздался голосъ, и передъ толпой предсталъ самъ А. И. Левитовъ. Онъ весь кипѣлъ отъ гнѣва.

— Къ вашимъ услугамъ,—отвѣчалъ молодой человекъ въ ринсепез, въ соломенной шляпѣ и съ тросточкой въ рукѣ.

— Такъ это вы? .. А меня зовутъ А. И. Левитовъ! Ежели не ошибаюсь, вы, князь Z, студентъ московскаго университета?

— Точно такъ,—любезно улыбаясь, мягко отвѣчалъ князь Z.

— Такъ какъ же это вы—студентъ—и позволяете себѣ оскорбляться шутками добраго малаго, у котораго и на мысли никогда не было сказать что либо обидное? Вы преслѣдуете его, вы вызываете его на дуэль? Это глупо и пошло!.. А если вы, князь, считаете себя оскорбленнымъ, такъ требуйте удовлетворенія отъ меня—человѣка взрослого, а не отъ ребенка!.. На чемъ вы хотите со мной драться:—на пистолетахъ, шпагахъ или палкахъ?... Я готовъ сію минуту. Идемте въ поле!...

Князь Z, ласково взявъ Левитова за руку и улыбаясь, началъ говорить:

— Успокойтесь, Александръ Ивановичъ. Извините, что мы васъ побеспокоили, но мы не имѣли въ виду ничего сдѣлать вамъ непріятнаго. Лично я очень радъ, что, благодаря этому случаю, имѣю удовольствіе съ вами познакомиться...

— А мнѣ ваше знакомство никакого удовольствія не доставляетъ. Слышите? Вы ведете себя не какъ студентъ, а какъ какой-нибудь замоскворѣцкій купеческій сыногъ. Стыдитесь! Вы—студентъ и преслѣдуете печатное слово!.. Разговаривать намъ съ вами больше нечего да и не о чемъ: гдѣ вы желаете со мною сразиться и какимъ оружіемъ?

— Да вы успокойтесь, пожалуйста, успокойтесь, Александръ Ивановичъ!

— Нѣтъ! Я не позволю вамъ безнаказанно обижать бѣднаго мальчика. Я съумѣю за него постоять!

Дѣло кончилось тѣмъ, что черезъ полчаса Левитовъ и князь Z сидѣли на берегу Москвы-рѣки, покуривали папиросы, и дружески между собою разговаривали. Въ знакъ полного примиренія и начала добраго знакомства, они вмѣстѣ отправились къ Левитову на дачу и принялись истреблять печеную картошку. Къ нимъ присталъ и секунданта.

Надо сказать, что дѣла А. И. за все это время были очень плохи; его нравственное состояніе тоже нельзя было назвать удовлетворительнымъ: обнаруживались нерѣдко признаки раздражительности, хотя далеко не въ такой рѣзкой формѣ, какъ въ послѣдствіи, и онъ иногда о чемъ-то сильно задумывался... Немало также на его душевное состояніе вліяло и то обстоятельство, что онъ недоучившійся студентъ и что всякая «дипломированная ограниченность» можетъ къ нему относиться свысока...

Въ началѣ осени онъ надумалъ ѣхать опять въ Петербургъ.

— Теперь отдохнуль,—сказалъ онъ своимъ московскимъ друзьямъ:—надо въ Питеръ, опять за работу приниматься.

И Левитовъ уѣхалъ... Изъ Петербурга онъ писалъ въ Москву, звалъ NN перейти въ петербургскій университетъ, жаловался на свое плохое здоровье и финансовое положеніе.

Вслѣдъ за Александромъ Ивановичемъ Левитовымъ, оставилъ Москву и поэтъ М—овъ. Онъ приобрѣлъ на толкучкѣ себѣ армякъ и остальные принадлежности крестьянскаго костюма, завернулъ съ однимъ пріятелемъ въ трактирчикъ, гдѣ и оставилъ почти все свои

капиталы, и отправился въ одну изъ сосѣднихъ съ Московской губернію для изученія народнаго быта и собиранія пѣсенъ. Съ тѣхъ поръ онъ какъ въ воду канулъ. Но года три тому назадъ прїѣзжіе изъ той губерніи рассказывали, что М—овъ посвятилъ себя всецѣло дѣятельности мужицкаго адвоката, и его часто видають въ судахъ: какъ самъ повѣренный, такъ и его довѣрители—крестьяне всегда являются предъ очи Фемиды на-веселѣ и чрезвычайно довольные другъ другомъ.

А NN, поступивши на первый курсъ юридическаго факультета, принялъ на себя съ 1865 года завѣдываніе редакціею одного московскаго журнала, посвященнаго библіографіи, критикѣ и книжному дѣлу въ Россіи. Онъ самъ писалъ журнальныя обозрѣнія и многія рецензіи; сотрудниками журнала были молодые учителя гимназій и студенты университета. Дементьевъ любовался юношескимъ задоромъ, съ которымъ писались статьи, и радовался успѣхамъ NN, своего бывшаго ученика. Поэтъ М—овъ въ первомъ номерѣ этого журнала помѣстилъ дѣльную статью о деморализующемъ вліяніи на русскій народъ книгопродавцевъ Никольской улицы, распространяющихъ въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ свои чудовищныя изданія и заразу по лицу всей родной земли.

II.

Около двухъ лѣтъ А. И. Левитовъ прожилъ въ Петербургѣ. Въ мѣстныхъ журналахъ хотя и появлялись его литературные труды, но весьма рѣдко... Къ этому времени относится первое изданіе его «Степныхъ Очерковъ». «Современникъ» (1866 годъ № IV) посвятилъ довольно обстоятельную статью разбору очерковъ; эта статья, если намъ только не измѣняетъ память, послѣ статей А. А. Григорьева была первою и послѣднею, въ которой произведенія Левитова трактовались серьезно, хотя нѣсколько и односторонне. За это время Левитовъ, при петербургскомъ университетѣ, успѣлъ сдать экзаменъ на званіе уѣзднаго учителя русскаго языка. Мѣстный климатъ и тяжелыя условія жизни заставили его возвратиться въ Москву.

Московскіе знакомые и друзья почти не узнали Александра Ивановича: такъ онъ измѣнился, похудѣлъ и осунулся. Видно было, что судьба-лиходѣйка съ нимъ сыграла какую-то новую и злую шутку!.. Въ этотъ свой прїѣздъ въ Москву, у него зародилась мысль найти себѣ гдѣ-нибудь мѣсто учителя въ провинціи и распрощаться съ столичною жизнью.

— Я усталъ, — говорилъ Александръ Ивановичъ одному изъ своихъ московскихъ друзей:—мнѣ необходимъ отдыхъ. Знакомые доктора велятъ ѣхать въ Крымъ, купаться въ морѣ и пить кумысъ... Шутники они большіе—право!.. Мнѣ ѣсть нечего, а они—на-ка, что удумали: въ Крымъ, говорятъ, продолжительное лѣченіе и отдыхъ? А отдохнуть—это точно мнѣ надобно. Здѣсь, въ Москвѣ, или въ Петербургѣ, объ этомъ нечего и думать. Довольно, будетъ ужъ съ меня столицій - то: слава Богу, въ загривокъ-то достаточно-таки онѣ наклали мнѣ... Ахъ, братъ, на родину какъ тянетъ, еслибы ты зналъ!.. Тамъ у меня сестра и братъ... Хоть бы взглянуть мнѣ на нихъ!

Черезъ недѣлю или двѣ Левитовъ приходитъ къ тому же своему пріятелю и говоритъ:

— Забѣгалъ я нонѣ утречкомъ въ канцелярію попечителя—нѣтъ ли гдѣ мѣстечка уѣзднаго учителя. Оказалось два, и одно—въ Рязскѣ. Знаешь, Рязскъ—вѣдь, это ужъ почти-что моя родина: отъ Рязска до Козлова—по желѣзной дорогѣ, а тамъ—рукой подать—мое село. Хочу прошеніе подать.

— Ну, что же, въ добрый часъ!

— Боюсь: пожалуй не дадутъ мѣста...

— Почему? дипломъ у тебя есть...

— Не въ томъ дѣло... Шенкурскъ какъ разъ вспомнить... Нѣтъ, это дѣльце намъ слѣдуетъ съ тобою обеудить хорошенько.

Дѣло обсудили: рѣшено было на слѣдующій день идти къ Погодину.

Левитовъ прямо отъ М. П. Погодина является къ своему пріятелю:

— Ты дома?

— Видѣлъ Погодина?—спросилъ тотъ, встрѣчая его въ передней.

— Сейчасъ расскажу... Здорово!.. Чтѣ, братъ, понапрасну только прошасталъ: «я», говоритъ, «васъ не знаю. Какъ же я буду васъ рекомендовать».

— А Дементьева развѣ ты не видѣлъ?

— Дементьевъ ушелъ на свою родину... Скверны дѣла... Видно, не удастся мнѣ вырваться изъ омута столичной жизни...

Левитовъ упалъ духомъ.

— «Не робѣй, Варсонофій Петровъ!» —говоритъ пріятель.—Дѣло поправить можно. Отказъ Погодина весьма понятенъ: онъ не знаетъ тебя. Завтра я самъ схожу къ нему и переговорю...

— Развѣ что такъ... Да нѣтъ, лучше ужъ не ходи: толку никакого не выйдетъ.

— Увидимъ.

— Чего видѣть-то! Видно ужъ все... Не ходи!.. Если онъ и напишетъ обо мнѣ попечителю—все равно: денегъ у меня нѣтъ, и выѣхать изъ Москвы не съ чѣмъ...

Левитовъ заходилъ по комнатѣ и глядѣлъ словно убитый... По-
года, онъ запѣлъ своимъ тихимъ и симпатичнымъ голосомъ:

«По небу полуночи ангелъ летѣлъ»....

Пріятель отправился самъ къ М. П. Погодину, который, не зная совсѣмъ Левитова, почему-то составилъ о немъ мнѣніе, какъ о литераторѣ-обличителѣ. Выслушавъ объясненіе гостя, М. П. очень встревожился и поспѣшилъ загладить свою ошибку.

— Не зналъ, не зналъ, батюшка!—началъ Михаилъ Петровичъ, когда гость окончилъ свою рѣчь.—Не увидите-ль вы его сегодня,—скажите, чтобы онъ пришелъ ко мнѣ. Пусть не сердится: вѣдь, не зналъ я, совсѣмъ не зналъ, кто онъ таковъ, Левитовъ... Прочитаю, нарочно прочитаю его рассказы. Хорошо, что вы сказали мнѣ о немъ.

Результатомъ втораго свиданія Левитова съ Погодинымъ было то, что Михаилъ Петровичъ далъ письмо къ попечителю и предложилъ Левитову заимообразно денегъ, въ которыхъ тотъ нуждался.

— А нравятся мнѣ рассказы вашего Левитова,—говорилъ послѣ Погодинъ пріятелю Александра Ивановича:—знаетъ онъ русскій народъ. Онъ не то, что другіе модные литераторы: талантишка и на грошъ мѣдный нѣтъ, а претензій на цѣлую гривну!... Нѣтъ, молодецъ Левитовъ... Не ожидалъ я... Мастеръ онъ своего дѣла!

Въ августѣ мѣсяцѣ Левитовъ уѣхалъ въ Ряжскъ, гдѣ онъ получилъ должность учителя по предмету Русскаго языка въ уѣздномъ училищѣ.

Спустя недѣлю, онъ далъ о себѣ вѣсть. Ряжскъ встрѣтилъ Александра Ивановича радушно, помѣстился онъ въ квартирѣ смотрителя училища и пока доволенъ; но «чутьючку только» беспокоится по Москвѣ. Въ началѣ сентября, неожиданно, Левитовъ пріѣхалъ въ Москву: «праздники подошли—время свободное», объяснилъ онъ свой пріѣздъ. «Дай, думаю, навѣшу московскихъ пріятелей. Въ 12 часовъ дня сѣлъ, а вечеромъ ужъ и здѣсь. Чудесная эта штука—желѣзная дорога»... Погостилъ—и опять въ Ряжскъ! Друзья проводили его до вокзала желѣзной дороги; въ числѣ провожавшихъ была и К. Д. Д—ва. Левитовъ дорогою говорилъ мало, шелъ съ поникшей головою и смотрѣлъ какъ-то грустно. На станцію пришли еще за-долго до отхода поѣзда.

— Долго вамъ придется ждать,—сказалъ онъ.—Ступайте домой... Я васъ немножечко провожу.

Черезъ три недѣли авторъ настоящаго очерка получилъ отъ А. И. Левитова письмо.

«Ряжскъ, 24 сентября 1866 года.

«Дорогой мой!

«Нѣсколько дней уединенія и размышленія сдѣлали то, что я, наконецъ, одолѣлъ мое двухгодовое моральное опьянѣніе—и вотъ, вслѣдствіе этого, пишу тебѣ, другъ мой, слѣдующее:

«Много я дѣлалъ въ моей жизни глупостей, но послѣдняя глупость, т. е., желаніе быть учителемъ и исполненіе этого желанія, превосходить всѣ мои прежнія необдуманности.

«Ты спросишь: почему же? На это отвѣчаютъ лично... И, разумѣется, я тебѣ отвѣчу.

«Но, сдѣлавши глупость, нужно ее скорѣе поправить—и я исправляю, т. е., возвращаюсь въ Москву.

«За работу! Чувствую, какъ съ каждой минутой воскресаетъ моя энергія. Желаніе писать туманить голову до сладострастія...

«Послѣ 1-го числа я въ Москвѣ. О, какое это невыразимое для меня въ настоящую минуту счастье! Ты спросишь: почему? Отвѣчу лично...

«М—на я просилъ передать тебѣ кое-что. Повторяю самъ: отъ Б—ча вызуди всѣми мѣрами 10 руб. и пришли мнѣ. Отрабатываемся живо,—будь покоенъ, ибо тутъ, въ степи, такіе буйные вѣтры и надъ такими они летаютъ покорно-глупыми головами! Слѣдовательно, все по старому... А это мысль—и мысль бог-гатая!

«Ты, можетъ, не понимаешь теченія этого силлогизма? Поясню его лично...

«Проводивши тебя, я поѣхалъ—и плакалъ. Пріѣхавши, опять плакалъ; но Ду х ъ мой снова возвратился ко мнѣ, обновленный и твердый, и эта такъ чертовски красивая и пустая ночь уже не пугаетъ меня. Залягу спать сейчасъ—див-но!

«Пиши скорѣе и постарайся достать сумму, а я, въ свою очередь, сейчасъ же напишу Слѣпцову на счетъ «Женскаго Вѣстника». Отвѣтъ отъ него уже получишь ты.

«Будешь отвѣчать мнѣ, писни вотъ что: могу ли я пріѣхать съ дороги прямо къ тебѣ сутокъ на двое?

«Я нисколько не сомнѣваюсь, чтобы это было невозможно; но пишу въ тѣхъ видахъ, что, можетъ быть, ты уже живешь съ кѣмъ-нибудь вдвоемъ.

«Пиши такъ, чтобы въ субботу я уже получилъ отъ тебя отвѣтъ.

«Радостно обнимаю тебя. Твой А. Левитовъ.

«Р. S. Бодрость духа, по чести, такова, что винища этого съ недѣлю уже не вкушаю.

«Адресъ: А. И. Левитову, въ Ряжскѣ, Рязанской губерніи, въ уѣздное училище.

«До свиданія!»

Въ первыхъ числахъ октября Левитовъ, дѣйствительно, пріѣхалъ въ Москву... Помнимъ, что онъ, не допивъ стакана чаю, куда-то убѣжалъ, сказавъ только: «на полчасака всего, — такъ по одному дѣльцу»; но вернулся обратно далеко за полночь, страшно чѣмъ-то взволнованный и разстроенный... Кажется, его мучили какіе-то сомнѣнія и, надо полагать, совершенно ложныя подозрѣнія относительно одной близкой ему личности... На другой день явился Дементьевъ, съ выраженіемъ дикой энергіи во взорѣ и съ печатью «святаго негодования» на челѣ. Левитовъ тотчасъ же съ нимъ куда-то закатился, а черезъ два мѣсяца онъ уже лежалъ больной въ Ново-Екатерининской больницѣ.

Финансовое положеніе его ухудшалось. Онъ помѣстилъ въ «Московской Газетѣ» отрывокъ изъ повѣсти «Аховскій посадъ» и продалъ изданіе третьяго тома своихъ «Степныхъ Очерковъ», получивъ за нихъ 120 руб. Эта вѣчная нужда, эта вѣчная забота о кускѣ хлѣба не давали ему покоя и лишали возможности работать. Кромѣ того, его страшно мучила неизвѣстность положенія сестры и брата, съ которыми онъ уже давно прекратилъ всякую переписку. Необходимость снова заставила его обратиться къ учительской профессіи. Благодаря Н. И. Аля—ву, Левитовъ получилъ въ 1867 г. мѣсто въ одной изъ московскихъ женскихъ гимназій и въ двухъ частныхъ пансіонахъ. Онъ произвелъ очень хорошее впечатлѣніе, и его полюбили какъ въ гимназій, такъ и въ пансіонахъ; но въ первой его дѣятельность продолжалась ровно мѣсяць, а въ послѣднихъ около трехъ. Къ учительскому дѣлу онъ относился добросовѣстно и съ любовью; но никакъ не могъ примириться съ мыслью, что эта дѣятельность вызвана для него лишь одною необходимостью, — необходимостью не умереть съ голода, и Левитовъ бросилъ свое учительство.

За все это время, когда Левитовъ жилъ въ Москвѣ, онъ нанималъ квартиру гдѣ-нибудь на окраинѣ города, въ подвалѣ или какомъ-нибудь полуразвалившемся флигелѣ, гдѣ терпѣливо выно-

силъ и холодъ, и голодъ, и много всякихъ нравственныхъ мукъ... Въ друзьямъ онъ поселялся только на время, когда подвальная жизнь и ея нравственная атмосфера грозили совсѣмъ задушить его...

И все-таки Левитовъ не падалъ окончательно духомъ, надѣялся на лучшіе дни и ждалъ, что придетъ же, наконецъ, когда-нибудь столь долго ожидаемый имъ праздникъ. Какъ и всегда, онъ знакомился и сближался съ молодежью, преимущественно университетской.

Въ юношескихъ бесѣдахъ много проходило времени; очевидно, онъ здѣсь отдыхалъ и подкрѣплялъ свои слабѣющія силы. Обыкновенно, бесѣды эти происходили въ квартирѣ NN. Бывало, всѣ волнуются, горячо спорять, толкуютъ, а Левитовъ, покуривая папиросу, сидитъ въ уголку на диванчикѣ, поглаживаетъ свою рѣденькую русую бородку и слушаетъ, и съ лица у него не сходитъ добрая, свѣтлая улыбка... Какъ ни много онъ былъ искушенъ жизнью и людьми, сколько ни вынесъ тяжелыхъ испытаній и неудачъ, но постоянно увлекался, слушая молодыхъ рѣчи, и вѣрилъ, какъ только можетъ вѣрить юноша, не успѣвшій еще оставить школьной скамейки. При всемъ томъ Левитовъ умѣлъ всегда сразу опредѣлять личность и ея достоинства, и, за рѣдкими лишь исключеніями, предсказанія Александра Ивановича всегда сбывались. Разочарованія въ людяхъ отзывались на немъ всегда тяжело. Въ выраженіяхъ своихъ симпатій и антипатій онъ никогда не стѣснялся и говорилъ людямъ въ лицо, что оно есть...

Кружокъ молодыхъ людей, собиравшихся въ квартирѣ у NN, состоялъ изъ студентовъ, товарищей хозяина, молодыхъ учителей и литераторовъ; патріархомъ въ немъ былъ Дементьевъ. Изъ новыхъ лицъ, съ которыми мы раньше не были знакомы, назовемъ Дм. В. Т—лло (автора талантливыхъ очерковъ въ журналѣ «Природа и Охота») и А. Е. П—а (теперь одного изъ московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ). Иногда, на праздникахъ, пріѣзжалъ въ Москву Н. М. Б—овъ и останавливался у NN. Отличительную черту этого кружка составляли: преслѣдованіе высшихъ цѣлей жизни и неутомимое исканіе правды, истины... Для этой цѣли, помимо университетскихъ занятій, всѣ много работали надъ собою и готовились къ честной и полезной общественной дѣятельности. NN, въ порывѣ юношескихъ увлеченій, проповѣдывалъ безбрачіе, аргументируя свое положеніе тѣмъ, что человѣкъ женатый неизбежно долженъ будетъ пойти на компромиссы, что онъ, силою уже обстоятельствъ, непременно свернетъ съ прямого пути и т. п. Присутствующіе раздѣляли его взгляды и чувъ.

ли не давали другъ другу обѣтъ на всю жизнь пребывать холостяками. Дементьевъ ободрялъ ихъ благія намѣренія и говорилъ Левитову:

— Вотъ они, молодежь-то, надежда Россіи, Александръ Ивановичъ! Сколько въ нихъ силы и безкорыстной любви къ человѣчеству. Это не то, что нашъ братъ, человѣкъ раздвоенный и пришибленный судьбою: натуры цѣльныя, энергичныя...

Левитовъ слушалъ и улыбался.

— Это ты вѣрно говоришь, старина... Только на счетъ аскетизма я что-то, по правдѣ тебѣ сказать, чуточку сомнѣваюсь: сдержатъ ли они свой обѣтъ?

— Сдержатъ ли?—наступилъ на Левитова NN.—Я не знаю, какъ другіе, но лично за себя могу тебѣ поручиться: я никогда не женюсь.

— А ежели ты полюбишь, по настоящему, серьезно?...

— Я найду въ себѣ силы заглушить это чувство, уничтожить его,—почему-то весь вспыхнувъ, отвѣчалъ NN.—Припомни, что сказалъ Гейне: женщина имѣетъ только одно средство сдѣлать насъ счастливыми и тысячу—несчастливыми. Нѣтъ, я никогда не принесу моихъ идеаловъ въ жертву любви къ женщинѣ, какъ ни было бы сильно обаяніе ея...

— Молодецъ!—похвалилъ его Дементьевъ.—Ты, Александръ Ивановичъ, будь покоенъ за него: не гляди, что онъ деликатнаго сложенія и словно красная дѣвушка: онъ твердъ, и его не сломишь, братъ!

— Увидимъ, увидимъ,—посмѣивался тихо Левитовъ.

Къ этому времени относится выходъ въ свѣтъ отдѣльнаго изданія романа: «Война и Миръ». NN. прочиталъ это произведеніе гр. Л. Н. Толстаго залпомъ: онъ позабылъ все окружающее, заперся и не спалъ двѣ ночи. Когда Левитовъ пришелъ къ своему пріятелю, то засталъ его только что окончившимъ чтеніе книги и въ сильномъ возбужденіи.

— Здорово!.. Что съ тобой?—спросилъ Левитовъ, протирая свои очки и глядя на взволнованнаго своего друга.

— Читалъ,—выговорилъ NN и показалъ глазами на столъ, гдѣ лежала книжка романа.—Родной, Александръ Ивановичъ!—воскликнулъ онъ съ слезами на глазахъ:—что это за дивная вещь, это, вѣдь,—новая эпопея....

Левитовъ самъ былъ взволнованъ; онъ также прочиталъ «Войну и Миръ» и находился подъ могучимъ, охватывающимъ все существо человѣка, впечатлѣніемъ романа гр. Толстаго.

— Геніальная вещь,—сказалъ онъ, пройдясь по комнатѣ и задумываясь.—Я до сихъ поръ не могу освободиться отъ этихъ ужасовъ войны, отъ этой массы изуродованныхъ и умирающихъ людей, цѣлаго моря пролитой человѣческой крови....

— Не говори, не говори,—перебилъ NN.—Я самъ никакъ не могу забыть Верешагина въ его лисьемъ тулупчикѣ, съ длинной тонкой шеей, или этого разстрѣливанія людей на Дѣвичьемъ полѣ... Дальше отъ этихъ ужасовъ, забудемъ о нихъ!.. Нѣтъ, что за характеры, что за образы... Пьеръ Безуховъ, Наташа, оба Болконскіе, Ростовы, солдатики Каратаевъ... Это цѣлый міръ, созданный фантазіей великаго художника, цѣлая эпопея, въ которой отразилась жизнь не одного только русскаго народа, но и всего запада, въ данный моментъ исторіи...

«Война и Миръ» долго служили предметомъ восхищенія и бесѣды всего кружка, а Дементьевъ, между прочимъ, передалъ мнѣніе Погодина объ историческомъ значеніи романа.

— Пришелъ старикъ въ мою комнату,—разсказывалъ онъ,—растроганный и говоритъ: «ну, батюшка, романъ-то какой написалъ Толстой: не историкъ, вѣдь, а какъ вѣрно онъ понялъ духъ эпохи и мастерски изобразилъ всѣ перипетіи войны, характеры полководцевъ и Наполеона. Я самъ точно также смотрю на событіе отечественной войны и всѣхъ ея героев».

— А вотъ, посмотри,—сказалъ Левитовъ,—наша критика обойдетъ молчаніемъ это чудное произведеніе. Развѣ лѣтъ черезъ пять заговорятъ и оцѣнятъ, какъ слѣдуетъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

«Я погибалъ...

Мой злобный геній

Торжествовалъ!»!

А. Полежаевъ.

1.

Хорошо Левитову было въ дружескомъ кружкѣ московскихъ пріятелей, но безденежье и долги сильно тревожили его; писать онъ много не могъ, чтобы обезпечить литературнымъ трудомъ хоть сколько-нибудь безбѣдное существованіе, такъ какъ силы его уже порядкомъ расшатались. Въ 1868 году одинъ изъ его петербургскихъ

знакомыхъ открылъ «Письменный Кабинетъ» и предложилъ Александру Ивановичу мѣсто съ опредѣленнымъ окладомъ жалованья. Левитовъ ухватился за это мѣсто, какъ утопающій за соломенку, и въ мартѣ мѣсяцѣ «махнулъ» въ Петербургъ.

Не особенно привѣтливо встрѣтилъ его Петербургъ. Дѣла «Кабинета» шли не блистательно, хотя А. И-чъ и могъ зарабатывать ежемѣсячно до 30 руб.; но при его здоровьѣ цѣлое лѣто провести въ Петербургѣ было бы равносильно самоубійству. Онъ идетъ къ одному изъ редакторовъ толстаго журнала, рассказываетъ о своемъ положеніи, говоритъ о задуманной имъ новой повѣсти и, собравшись съ духомъ, проситъ авансомъ въ счетъ гонорара. Редакторъ выслушалъ сотрудника и сказалъ:

— Деньги для васъ, Александръ Ивановичъ, такъ же опасны, какъ для ребенка огонь. Вы не умѣете въ ними справляться.

Левитовъ вернулся домой сильно взволнованный и раздраженный.

— Господи, что же это, наконецъ!—жаловался онъ своему другу, К. Д.—Чтобы я ни задумалъ, никогда мнѣ не удастся... Да, есть что-то фатальное, что преслѣдуетъ меня въ продолженіи всей моей жизни, съ самой семинаріи.

«Тогда», рассказываетъ К. Д., «собрали мы все платье и вещи, что можно было превратить въ деньги, и уѣхали въ Сергіевскую пустынь, верстъ за восемнадцать отъ Петербурга. Ал. Ивановичъ очень любилъ эту мѣстность! Тамъ онъ писалъ: «Ни сѣютъ ни жнутъ» и набросалъ рассказъ «Безпріютный», а для того, чтобы жить, онъ писалъ крошечныя вещицы для «Будильника» и «Искры»: этихъ заработковъ намъ хватало только на хлѣбъ. Въ этомъ году, какъ нарочно, редакторы давали чувствовать свою силу Александру Ивановичу... Наступила глубокая осень и застала насъ не только въ лѣтнемъ платьѣ, но почти совсѣмъ раздѣтыми. Куда ни писалъ Александръ Ивановичъ, къ кому онъ ни обращался изъ редакторовъ толстыхъ журналовъ съ просьбою дать ему денегъ подѣ новую повѣсть, никто и ничего не отвѣчалъ. А холодъ въ лубочной избѣ нестерпимый, онъ пишетъ съ заоченѣлыми руками, переѣхать въ городъ не на что. Написалъ онъ что-то В. С. Курочкину для «Искры»; тотъ, спасибо, прислалъ тридцать рублей. На эти деньги мы переѣхали въ Петербургъ и остановились въ гостинницѣ, платили посуточно, такъ какъ впередъ за мѣсяцъ заплатить было нечѣмъ. Ал. Ивановичъ написалъ Г. Е. Б-ову, предлагая ему свою повѣсть. Тотъ пріѣхалъ самъ и просилъ его быть постояннымъ сотрудникомъ своего журнала, при-

чемъ обѣщаль прислать ему денегъ въ тотъ же день пятьдесятъ рублей. Прошло около недѣли, а обѣщанныхъ денегъ отъ Б-ова все нѣтъ. Ал. Ивановичъ пишетъ ему еще письмо и напоминаетъ объ его обѣщаніи. Чрезъ нѣсколько дней является изъ редакціи посланный и вручаетъ Левитову пакетъ. Тотъ вскрываетъ конвертъ и находитъ пять рублей. Александръ Ивановичъ вышелъ изъ себя и побѣждалъ къ Н. А. Демерту. Измученный физически и нравственно, онъ напился у Демерта и, уходя отъ него, упалъ съ лѣстницы. Спасибо покойному Демерту да Лейкину: они доставили его домой живымъ и сами съѣздили за докторомъ. Н. А. Демертъ все время ухаживалъ за больнымъ и поддерживалъ насъ своими деньгами».

Левитовъ оправился отъ болѣзни и, при помощи того же Демерта, переѣхалъ на квартиру и окончилъ свою повѣсть: «Ни сѣютъ ни жнутъ».

Въ этомъ году московскій другъ Левитова, NN выступилъ въ качествѣ беллетриста и успѣлъ помѣстить нѣсколько вещей въ петербургскихъ журналахъ. Осенью Левитовъ услышалъ, что «юноша» женился... Надо сказать, что противникъ брака, такъ энергично проповѣдывавшій въ кругу своихъ пріятелей о безбрачїи, будучи самъ уже на четвертомъ курсѣ, встрѣтился съ одной дѣвушкой, увлекся ею сумасшедшимъ образомъ—и женился. Его пріятели, вѣроятно, хорошо еще помнившіе недавнюю проповѣдь, были до крайности поражены такимъ явнымъ отступничествомъ отъ принципа и долго не могли ему простить этой измѣны... Въ ноябрѣ Левитовъ получилъ отъ NN письмо, въ которомъ тотъ рассказываетъ о перемѣнѣ въ своей жизни и объ отношеніяхъ къ данному факту его московскихъ друзей. Левитовъ поспѣшилъ отозваться на голосъ своего молодого друга и написалъ ему письмо.

«Я за тобой знаю много фактовъ, которые постепенно воспитывали и воспитали мою къ тебѣ глубокую симпатію. Но теперешній фактъ твоей жизни—женитьба—просто на просто восхищаетъ меня, возвращая меня къ давно забытымъ молитвамъ.

«Услышавъ отъ Z о твоей женитьбѣ, я, говоря слогомъ «Пѣсни Пѣсней», возвалъ къ Богу моему и начинавшей умирать душою моею рекъ ему: «Боже! Честные люди есть еще» и я воздалъ Ему славу за это, сказавъ: «слава Тебѣ»!

«Такой, видимо, неумѣстный лиризмъ будетъ очень тебѣ понятенъ, когда я повторю тебѣ, что я такъ много

видѣлъ самой отверженной заскорузлости тамъ, гдѣ глаза мои желали видѣть одно только свѣтлое, что теперь, въ настоящую минуту, я совершенно способенъ за малѣйшее проявленіе человѣка въ человѣкѣ молиться Богу и благодарить Его. А твоя женитьба— далеко не малѣйшее проявленіе. Это для нынѣшняго, грязно-подлаго теченія вещей, рейсъ, благополучно окончившійся у Геркулесовыхъ столбовъ.

«Желаю вамъ обоимъ хорошаго, трудового, неунывающего счастья».

Левитовъ зоветъ NN перебраться или, хотя временно, пріѣхать въ Петербургъ: онъ беспокоится за непрактичность своего друга:

«А какъ тебѣ, дорогой, много нужно времени для того, чтобы насмотрѣться на людей какъ можно больше.

«Для одного этого тебѣ уже слѣдуетъ перебраться въ П-Б».

Такъ писалъ Левитовъ своему пріятелю. Далѣе, отвѣчая на вопросы NN о своихъ литературныхъ работахъ и планахъ, онъ говорить, что плановъ у него нѣтъ никакихъ, ибо ихъ было очень много прежде, такъ что теперь они совершенно изсякли, а на счетъ работы, полагаетъ, что къ Рождеству заработаетъ рублей 500. Но и эта, для Левитова весьма крупная, цифра не радуетъ его: такъ онъ много задолжалъ. Да и самая цифра-то была только воображаемая.

Левитовъ напрягалъ всѣ, уцѣлѣвшія еще отъ долгой борьбы съ жизнью, свои силы и старался выбиться изъ гнетущаго положенія. И на время, казалось, ему удавалось это: судьба выпускала его изъ своихъ когтей для того, чтобы потомъ еще сильнѣе дать почувствовать ему надъ собою свою чудовищную власть. Онъ устроился на Гончарной въ четвертомъ этажѣ, гдѣ занималъ одну комнату и усиленно работалъ. Рядомъ съ нимъ, въ маленькой комнаткѣ, жилъ и М. А. Вороновъ. Изъ литераторовъ онъ видѣлся съ весьма немногими: онъ сторонился всѣхъ... Его изрѣдка навѣщали Слѣпцовъ и Г. И. Успенскій (въ первыхъ книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ» тогда началось печатаніе его «Раззоренія»). Левитовъ съ ними былъ въ хорошихъ отношеніяхъ и высоко ставилъ талантъ Гл. Успенскаго.

Болѣзнь опять заставила Левитова думать о деревнѣ, и онъ, получивши черезъ кого-то изъ своихъ знакомыхъ мѣсто помощника начальника станціи на Николаевской желѣзной дорогѣ, въ іюнѣ мѣсяцѣ покинулъ Петербургъ и уѣхалъ «на службу». Не прошло и полугода, какъ онъ опять уже воротился въ Петербургъ: его натура не вынесла

желѣзнодорожныхъ порядковъ, и онъ бросилъ свою службу. За это время въ журналахъ появляются довольно крупныя его вещи. Онъ посылаетъ денегъ и гостинцы своей сестрѣ, которой не писалъ уже нѣсколько лѣтъ, и общается пріѣхать къ ней на лѣто. Отъ 4 мая 1870 года онъ пишетъ изъ Петербурга къ NN:

«Дорогой другъ, — отъ тебя всегда пріятно получить письмо. Оно неизбѣжно дышетъ чувствомъ и пріязнью къ тому, къ кому ты его пишешь. Твоя послѣдняя эпистола, доставивши мнѣ съ этой стороны глубокое удовольствіе, въ такой же, или еще въ гораздо большей степени, огорчила меня — и именно вотъ почему: изъ нея я вижу, что ты настроенъ въ какой-то лирически-скорбный тонъ, по поводу двухъ самыхъ ничтожныхъ вещей. Тебя мучитъ какое-то и чѣмъ-то недовольство въ то время, когда видимая обстановка твоего домашняго очага, всѣмъ постороннимъ лицамъ ясно указываетъ, что ты, въ качествѣ мужа и отца, не имѣешь ни малѣйшаго права предаваться какой-бы то ни было хандрѣ и недовольству...

«Хорошая общественная жизнь составляется изъ того желтка, который мы, рабочіе, въ своемъ дому или, если хочешь, углу, индивидуумы, можемъ разлить возможнымъ для насъ образомъ на окружающія насъ единицы...

«Дѣло это конченное! Приступимъ къ другому. У Курочкина не бываю, — почему, разказать невозможно. Для этого нужно самому постоянно жить въ Петербургѣ и знать тѣ мелкія закулисныя пошлости, которыя творятся въ редакціяхъ. Не бываю почти нигдѣ, — и отъ этого нисколько не въ убыткѣ. Порядочно сошелся съ редакціею «Вѣстника Европы». За май напечатанъ мой маленькій очеркъ въ этомъ журналѣ. Теперь пишу большой романъ, — написалъ листовъ 7. Остается бездна, но къ зимѣ онъ конченъ будетъ. Называться будетъ, кажется, «Сны и факты», а можетъ быть: «Затихшая буря», — вѣрно еще не знаю.

«Пишу тебѣ по адресу, который самъ ты мнѣ назначилъ до 8-го мая — и, получивши это письмо, пожалуйста, обстоятельно извѣсти меня, гдѣ ты намѣренъ проводить нынѣшнее лѣто: въ Москвѣ, на дачѣ, или въ г. Х. Прощай, братъ, и не унывай. Глубоко любящій А. Левитовъ.

«Р. S. Мой адресъ: Петербургъ, на углу Екатеринин-

скаго проспекта и Большой Садовой улицы, въ домѣ Яковлева, кв. № 8, въ меблированныхъ комнатахъ. Отвѣчай скорѣе, потому что 10 или 15 самъ намѣренъ улизнуть въ какую-нибудь деревушку. О дальнѣйшемъ извѣщу».

Но въ Петербургъ его что-то задержало, и онъ безвыѣздно тамъ живетъ, но обращая вниманія на свой кашель и страшное нервное разстройство... Отъ 25 іюля онъ пишетъ къ другому своему Московскому пріятелю.

«Дорогой мой!

«Цѣль моего настоящаго письма слѣдующая: я ѣду въ Тамбовъ—и по дорогѣ заѣду къ тебѣ провести съ тобою сутки—потолковать, повидаться. На этомъ основаніи я прошу тебя мгновенно сообщить мнѣ свой письменный адресъ, такъ какъ послѣднее письмо твое, находясь въ звѣриномъ образѣ, потерялъ.

«Кстати о звѣриномъ образѣ: едва ли ты повѣришь, если я скажу тебѣ, что вотъ уже цѣлый мѣсяцъ, я, какъ говорится, не беру въ ротъ ни капли, благодаря появившемуся у насъ, въ Петербургѣ, старику-мѣщанину, излѣчивающему отъ пьянства. Послѣ лѣченія, я не могу безъ крайняго омерзѣнія вспомнить, какъ это я жралъ водку и особенно пиво. При одномъ воспоминаніи все нутро переворачивается вверхъ дномъ.

«Я такъ радъ своему вытрезвленію, что далъ себѣ честное слово нынѣшней зимой, при обратномъ поѣздѣ изъ Тамбова, захватить съ собою Дементьева въ Петербургъ и заплатить за него лѣкарю. Теперь только понятны мнѣ тѣ гибельныя сумасбродства, которыя производяють пьяные люди!

«Я никакъ не могъ не подѣлиться съ тобой этой новостью. Но что-же еще написать тебѣ? Въ литературѣ тишина, — разъединенность полнѣйшая, что, разумѣется, очень тяжело — и вообще Петербургъ и Москва мнѣ до того омерзѣли, что теперь хочу пожить забытою уже мною жизнью на родинѣ — и тамъ поработать, какъ слѣдуетъ. Довольно баловства, сумасбродствъ, горя, неудачъ, зависѣвшихъ отъ себя ес. ес. Въ «Вѣстникъ Европы» готовлю большую повѣсть. Въ «Дѣтское Чтеніе» пишу рядъ очерковъ: «Крестьянскій годъ». До Рождества надѣюсь все это обладать. «Крестьянскій годъ» будетъ иллюстрированъ.

«Желалъ бы я такъ къ тебѣ нагрянуть и такъ побыть у тебя денекъ, чтобы ни котъ, ни кошка о семъ не

вѣдали. Мнѣ почему-то съ нѣкотораго времени стали очень тяжелы безцѣльные встрѣчи, пустые разговоры, ложныя симпатіи, выпивки, шумъ, на подобіе кимвала звенящаго,—потому я прошу тебя не говори никому и ничего обо мнѣ и, особенно, ежели ты видишься съ К. Д., ничего не говори ей о моемъ письмѣ. Она уѣхала отъ меня 4-го мая въ Москву. Если что-нибудь слышалъ о ней,—напиши. Послѣ ея отъѣзда, я было, окончательно спился: допившись до ужасающихъ и, главное до осязательности, существенныхъ галлюцинацій, былъ взятъ полиціей и доставленъ въ больницу въ безчувственнѣйшей бѣлой горячкѣ. По выходѣ изъ больницы опять было сталъ пить; но семидневное лѣченіе Рукина сдѣлало то, что я владѣю теперь всѣми средствами душевными и тѣлесными и вообще примѣчаю въ себѣ радикальную перемену.

«Выѣду я изъ ЦБ. либо 2-го, либо 3-го августа—и въ ожиданіи личнаго свиданія остаюсь сердечно любящій тебя А. Левитовъ.

«Р. S. Ты давалъ мнѣ въ прошломъ письмѣ порученіе—сходить къ Курочкину,—я ни у кого не бываю, постоянно сижу дома и, если выхожу, то только пошататься и непременно притомъ одинъ.

«Адресъ: Въ Петербургъ, Роману Ивановичу Новосильцеву, въ Большой Конюшенной, въ д. Финской церкви, кв. № 52, съ перед. А. И. Левитову.

«Будь другъ—пиши скорѣе; въ воскресенье, т. е. 2 августа, съ вечернимъ поѣздомъ я выѣду».

Въ первыхъ числахъ августа Левитовъ пріѣхалъ въ Москву. Онъ остановился на дачѣ у одного изъ своихъ московскихъ пріятелей и хотѣлъ пробыть всего дня два или три. Дорогою, рассказывалъ онъ, съ нимъ что-то такое случилось, онъ потерялъ деньги и ему нечѣмъ было расплатиться съ извозчикомъ, который привезъ его со станціи на дачу. Между прочимъ, онъ рассказалъ своему пріятелю, что задуманный имъ романъ подвигается впередъ и что уже первую главу онъ совсѣмъ окончилъ; въ выборѣ заглавія онъ остановился на первомъ: «Сны и факты». Эпиграфомъ онъ возьметъ стихи Некрасова:

«Отъ ликующихъ, праздно-болтающихъ,
«Обагрѣющихъ руки въ крови,
«Уведи меня въ станъ погибающихъ,
«За великое дѣло любви»!.

— Поѣду теперь на родину, — говорилъ Левитовъ, — проживу тамъ, отдохну и окончу свой романъ. Съѣзжу и на Донъ, полюбуюсь старымъ пріятелемъ: чудесныя, братъ, тамъ мѣста!

Но видно ужъ такъ на роду было написано, чтобы желанія Левитова никогда не исполнялись... Въмѣсто родины, ему пришлось остаться въ Москвѣ и поселиться близъ Ваганьковского кладбища, въ какомъ-то флигелькѣ, почти безъ стеколъ въ окнахъ, гдѣ гулялъ свободно вѣтеръ, и лилъ сквозь дырявую крышу дождь. Опять жизнь полная лишеній и страданій; онъ непереставалъ кашлять и жаловался на боль въ груди. Помимо безденежья, его удерживали въ Москвѣ личныя симпатіи, а, между тѣмъ, здоровье его требовало и другаго климата, и продолжительнаго серьезнаго лѣченія. Желаніе посѣтить родныя мѣста овладѣло имъ до такой степени, что разъ, въ концѣ сентября, въ проливной дождь онъ бросилъ свою коморку и пустился бѣжать въ тамбовскія степи... Одинъ изъ его друзей, Д. В. Т—лло, пріѣхавшій провѣдать А. И—ча, узналъ, что тотъ ушелъ пѣшкомъ на родину, немедленно пустился за нимъ въ погоню и догналъ за Серпуховской заставой, гдѣ нашелъ его лежащимъ въ канавѣ, совершенно обезсиленнымъ и почти безъ сознанія.

XX NN перетащилъ Левитова изъ трущобы на Остоженку и устроилъ его по человѣчески. Здѣсь, на эту квартиру, неожиданно-негаданно явился къ Александру Ивановичу его братъ Алексѣй Ивановичъ, въ одеждѣ послушника монастыря. Радость свиданія съ братомъ была непродолжительна. Отъ Алены онъ узналъ, что сестра ихъ, Марья Ивановна, давно уже овдовѣла, оставшись безъ всякихъ средствъ и съ малыми дѣтьми на рукахъ, что монахъ Іеронимъ, проѣздомъ черезъ Лебедянь, скоропостижно умеръ въ харчевнѣ, что у отца новое и большое семейство... Все поднялось въ душѣ Левитова и мучительно заняло сердце отъ этихъ рассказовъ!.... Что могли для него сдѣлать друзья, они дѣлали, но что было необходимо для Левитова, того они, при всемъ своемъ желаніи, не могли сдѣлать, потому что сами жили исключительно своимъ трудомъ и нерѣдко нуждались. Романъ Левитова остановился. Не надѣясь, что скоро окончитъ эту большую вещь, онъ хотѣлъ сдѣлать изъ нея повѣсть, которая была, какъ бы, эпизодомъ изъ романа. Заглавіе повѣсти онъ далъ: «Говорящая обезьяна». Для приведенія въ исполненіе этого плана требовалось время, а нужда, самая вопіющая нужда и необходимость дневнаго существованія вынуждали его искать денегъ. И вотъ, онъ беретъ первыя главы, соединяетъ ихъ въ нѣчто цѣлое и отсылаетъ въ одну изъ петербургскихъ редакцій. Эпиграфомъ онъ взялъ стихи Полежаева:

«Я погибалъ...

«Мой злобный геній

«Торжествовалъ»!

Въ этихъ трехъ стихахъ поэта выразилось настроеніе Левитова и отчаянный вопль его сердца.. Надъ нимъ уже съ адскимъ хохотомъ носился призракъ злобнаго генія, торжествуя близкую свою побѣду... Эпизодъ «Говорящая обезьяна» не былъ тогда помѣщенъ, такъ какъ редакція журнала нашла невозможнымъ печатать его въ неоконченномъ видѣ; но авторъ вмѣстѣ съ возвращенною ему рукописью получилъ отъ редакціи 100 рублей.

Въ то же самое время съ молодымъ другомъ Левитова, съ NN, стряслось что-то недоброе, и онъ на Рождество уѣхалъ къ своему отцу. Письма къ нему Левитова показываютъ намъ что переживалъ тогда послѣдній: совершенно изнемогая подъ ударами злой своей судьбы, Ал. И—чъ принимаетъ живѣйшее участіе въ положеніи своего отсутствующаго друга и глубоко страдаетъ за него. Мы уполномочены NN помѣстить эти письма въ нашемъ очеркѣ. Вотъ что писалъ къ нему Левитовъ:

«На письмо твое, полученное мною вчера, отвѣчать могу только сейчасъ. Совсѣмъ я затерялся, голубчикъ, спился, какъ собака, дѣла страшно запущены. Пріѣзжай поскорѣе, ради Господа Бога! Мерзко смотрѣть на себя. Какъ пріѣдешь, пріѣзжай сейчасъ же ко мнѣ, а я тебя буду ждать. Я ужъ не знаю, куда дѣваться мнѣ съ моей бѣдной сумашедшей головой. Я ни на что не могу рѣшиться. Пріѣзжай, ради Бога, скорѣе,—ты у меня одинъ остался изъ всего роду племени.

«На дняхъ (когда именно не помню) былъ у Н. И. Аля—ева. Хорошій, должно полагать, это человѣкъ. Въ Москвѣ новаго ничего, по крайней мѣрѣ, для меня. Спасибо Л—ву: онъ меня пріютилъ, а то бы издохъ на улицѣ, какъ собака. Ради Бога, пріѣзжай, какого тебѣ тамъ шута дѣлать. Пріѣзжай и будемъ удумывать.

«Жду. Пріѣзжай, Христа ради, и до свиданія. Твой
«А. Левитовъ.

«Р. S. Что Б—овъ? Я потерялъ свой дипломъ на улицѣ. Еще издержекъ рублей въ 10 предстоитъ по этому поводу. Прощай же, голубчикъ, и пріѣзжай; я думаю, что ты скоро налетишь сюда,—и слава Богу»!

Но NN не пріѣзжалъ, а вѣсти отъ него шли все недобрыя. Левитовъ, какъ мы видимъ изъ письма, оставилъ свою квартиру на

Остоженкѣ и мыкался теперь по чужимъ угламъ. Не смотря на личныя свои несчастія и муки душевныя, онъ находить въ себѣ силы утѣшать своего друга. Отъ 29 декабря 1870 года онъ пишетъ къ NN:

«Голубчикъ мой, что тамъ съ тобой дѣлается?»

«Я было только начиналъ приходить въ нѣкоторый порядокъ—и вдругъ нынѣ получаю твое письмо. Съ какого ты дьявола, перелистывая страницы твоей жизненной исторіи, получаешь охоту къ коньяку?»

«До настоящаго письма я былъ увѣренъ, что эти страницы чисты и свѣтлы до того, что во все не требуютъ, чтобы ихъ грязнить нужно было какими-нибудь алкоголями.

«Я думаю, что ты просто хотѣлъ пошутить со мной этимъ письмомъ (я его тутъ же сжегъ,—будь оно проклято!),—хотѣлъ пошутить съ тою доброю, честною и дружескою цѣлью, чтобы показать мнѣ глубину паденія отъ пьянства.

«Ни съ какой другой точки зрѣнія, сколько я ни думалъ, я не могъ понять твоего письма,—и ежели это такъ, то я глубоко винюсь въ моемъ пьянствѣ, хотя оно было у меня, во 1-хъ, какъ физиологически—природенный порокъ (?) а во 2-хъ, какъ ужасное пріобрѣтеніе всякаго человѣка, которому не удаются его хорошія цѣли.

«Отрекаюсь отъ него,—будь оно проклято! Оно мнѣ ничего не сдѣлало, кромѣ зла; а ты развѣ не знаешь, что оно и тебѣ тоже не принесетъ ничего другого?»

«По чести и совѣсти тебѣ говорю: ужаснуло меня твое письмо! Я получилъ его нынѣ въ часъ утра—и до четырехъ пополудни перечитывалъ его, молча, такъ и эдакъ. Клянусь тебѣ, что въ немъ я понялъ только одно, что самые хорошіе люди бѣсятся, когда напьются. Что до меня—я перестаю, потому что, если ужъ есть у человѣка горе, то ужъ лучше же трезвому молчаливо перерабатывать его для того, чтобы оно, по крайней мѣрѣ, хоть со временемъ, хоть кому-нибудь обратилось въ сильное безгорье, ежели не счастье.

«Ты пишешь, чтобы я тебя не смѣлъ жалѣть. Какъ же ты могъ, голубчикъ мой, написать это? Развѣ ты не знаешь, что я только молчаливо могу смотрѣть на чужое горе,—грудь лопается и болитъ, а все молчишь. Развѣ не знаешь, сколько разъ меня,—бѣдное, нервно-больное, всякому горю сочувствовавшее животное прогоняли къ черту съ моими сочувствіями? Съ какой же

стать я буду стараться, чтобы ты-то еще отогналъ меня? Развѣ ты не знаешь, что я додумался и дострадался до такихъ гибелей, отъ которыхъ спасаютъ не сожалѣніе, а либо крутые повороты, либо могила?

«Вотъ ежели бы ты былъ здѣсь,—дѣло другое! Я, по крайности, напился бы вмѣстѣ съ тобою пьянѣе не только тебя, а даже вина, и хотѣ бы поплакалъ съ тобою.

«Ради чего хочешь,—брось ты эту чепуху и садись работать!

«Боюсь тебя компрометировать моими дальнѣйшими мудрованіями, которыя, обыкновенно, ничему не помогаютъ, ибо серьезно опасаясь X.

«Извини, другъ, сейчасъ хватилъ водки—и потому неразборчивую строку зачеркнулъ.

«Твой А. Левитовъ.

«PS. Душевно буду радъ, хотѣ небольшую приписку въ твоемъ письмѣ получить отъ Б—ова, которому прошу отъ меня поклониться.

«По возможности, опредѣли въ будущемъ письмѣ время твоего пріѣзда, а то я самъ примахаю, ежели только у какого-нибудь мастерового, на какомъ нибудь огородѣ, найдется мнѣ маленькая хибарка съ желѣзной печкой.

«Алексѣя проводилъ домой, потому что я ему говорю: «хочешь въ переплетную учиться»? а онъ мнѣ, послѣ, должно быть, самыхъ высокихъ думъ, говоритъ:— «какже я, братецъ, пойду въ переплетную? Вѣдь, я изъ духовнаго званія»...—Я еще при тебѣ ему толковалъ объ этомъ—и результаты только получились на Рождество... Порадовалъ меня праздникъ,—слава Богу!

«Съ Новымъ годомъ, другъ! Н—ай М—вичъ (Б—овъ) съ Новымъ годомъ! Пишите о вашихъ новыхъ счастьяхъ. Буду ждать въ аккуратѣ!»

На это письмо онъ получилъ отвѣтъ, разрѣшавшій его недоразумѣнія, почему NN, перелистывая страницы своей «жизненной исторіи», получаетъ «наклонность къ коньягу». Левитовъ немедленно отвѣчалъ.

«Дорогой мой! Прочитавши твое письмо и, сжегши его, сейчасъ же тебѣ отвѣчаю. Я ужасно боюсь исторій, подобныхъ твоей, но какъ скоро они случаются,

то нужно всѣми силами стараться избѣгнуть ихъ глубоко убивающихъ результатовъ.

«Почему ты пишешь, что теперь ты изъ Х уже не вернешься? Напротивъ—позволь мнѣ тебѣ, какъ другу и брату, судьбой котораго я глубоко пораженъ, посоветовать слѣдующее: поѣдемъ вмѣстѣ въ Петербургъ на новую жизнь, на новую работу и на новыя впечатлѣнія. Будемъ жить вмѣстѣ.

«Мнѣ думается, что это должно спасти тебя.

«Объ исторіяхъ, подобныхъ твоей, много толковать нечего! Не дѣлай только глупостей и не говори чепухи на счетъ смерти. Отъ души тебѣ совѣтую—не говорить про это твоей сестрѣ, твоей матери и отцу. Ты ихъ глубоко и бесполезно опечалишь.

«Послушай: мнѣ достались очень солонныя домашнія пріятности, тебѣ они должны быть несравненно солонѣе. Не напрасно ли ты ѣшь эту соль? Объяснились ли покрайней мѣрѣ, что вамъ не нужно жить вмѣстѣ? Если объяснились, то представили ли другъ другу достаточные резоны, по которымъ нельзя жить? Драма ваша слишкомъ серьезна, чтобы можно было играть ее, строго не приготовившись къ ней, вы оба люди трудящіеся, трудъ которыхъ неизбѣжно будетъ парализованъ этимъ. Подумали ли вы получше, чѣмъ давить и убивать въ себѣ давнишнія симпатіи. Я ни за что не повѣрю въ ихъ смерть!

«Еще разъ прошу тебя—подумай о Петербургѣ, если нѣтъ никакой возможности возвратиться къ прошлой жизни. Успокойся и пиши.

«Сердечно любящій тебя А. Левитовъ.

«P. S. Я недѣли двѣ ужъ не пилъ; но вчера нарѣзался. Теперь—шабашъ окончательный! Трезвый буду смотрѣть на чужія и свои, ежели не несчастья, то неудачи».

А черезъ двѣ недѣли, отъ 20 января 1871 года, онъ пишетъ.

«Дорогой мой! Пьянъ я губительно. Бодрюсь, бодрюсь; а все пьянъ. Даже, когда совершенно трезвъ, чувствую, что я все-таки пьянъ. Смерть, какая-то, ходитъ около меня. Всю мою силишку напрягаю для того, чтобы избѣжать мнѣ желтаго дома, и ничего не могу подѣлать.

«Дорогіе друзья, разумѣется, поддѣлываютъ. Когда онъ, т. е., дорогой другъ, бѣденъ—несчастенъ, тогда онъ виляетъ, какъ собака, которую можно купить на Лубянской площади,—и я глубоко жалѣю о томъ, что

я не купилъ этихъ собакъ, или друзей, что—все равно. А когда онъ посидитъ на твоихъ плечахъ, погрѣется, ну и натурально...

«Отрезвившись, говорю тебѣ—пріѣзжай, даже больной. Дома тебѣ не хорошо будетъ, уложимъ въ больницу—и я тебѣ даю мое честное слово, что я никуда не отойду отъ тебя съ моею возможною помощью, пока мѣсть ты не найдешь нужнымъ сказать мнѣ: ступай—ты мнѣ не нуженъ.

«Возможно ежели для тебя—больнаго—написать мнѣ, пиши по слѣдующему адресу: около Никитскаго бульвара, въ Мерзляковскомъ переулкѣ, д. Іевлева, въ номерахъ Люстровой.

Возвращеніе NN въ Москву Левитовъ не дождался. Онъ укатилъ въ Петербургъ и отъ 17 марта въ письмѣ своемъ къ NN сообщалъ о своихъ петербургскихъ впечатлѣніяхъ. «Я такъ все это время дурилъ, что, испугавшись разнаго рода фантазъ, ушелъ къ цѣлителю отъ пьянства Рукину и теперь трезвъ, здоровъ и работаю». Далѣе онъ говоритъ, что теперь долго будетъ трезвъ. Между прочимъ, сообщаетъ, что его кредитъ у одного изъ мѣстныхъ редакторовъ сильно пошатнуть добрыми друзьями. «О тебѣ, напротивъ, онъ отзывается съ замѣтнымъ удовольствіемъ. Очеркъ твой хвалить». Дальнѣйшія его письма точно также свидѣтельствуютъ, что онъ все еще ведетъ жизненную битву и не совсѣмъ утратилъ вѣру въ наступленіе лучшихъ дней, о которыхъ такъ давно и такъ долго мечталъ. Имя его опять встрѣчается въ «Отеч. Запискахъ», «Вѣстникѣ Европы» и другихъ журналахъ. Но невидимая рука уже носилась надъ его головой и готовилась нанести послѣдній ударъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Тише... О жизни поконченъ вопросъ:
Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ!...

Никитинъ.

I.

Еще шесть лѣтъ скитаній, непрерывныхъ лишеній и нечеловѣческихъ страданій. Левитовъ живетъ въ Петербургѣ, пріѣзжаетъ въ Москву, снова оставляетъ ее, поступаетъ опять учителемъ технического училища въ г. Козловъ и снова возвращается въ Москву. Онъ

задумываетъ изданіе собственнаго журнала «Художникъ», но не получаетъ разрѣшенія, завѣдуетъ редакціей иллюстрированнаго изданія «Сіаніе», принимаетъ участіе въ обновленной «Ремесленной Газетѣ» — и все кончается полными неудачами. Его непрактичность и сильно развившаяся мнительность не позволяютъ ему стать въ прочныя отношенія къ людямъ. Онъ, какъ самъ писалъ, порядочно сошелся съ редакціей одного петербургскаго журнала, и редакторъ этого журнала весьма участливо относился къ Левитову и его литературнымъ работамъ; но сотрудникъ не умѣлъ поддержать и укрѣпить эти добрыя отношенія, а, можетъ быть, причиной тому были и различнаго рода сплетни и услуги его «доброжелателей». Мы знаемъ, что Александръ Ивановичъ и прежде не отличался сдержанностью въ своихъ мнѣніяхъ и сужденіяхъ о людяхъ; въ послѣдніе же годы, когда нервы у него разстроились до послѣдней степени, онъ высказывался очень рѣзко и грубо, попадая даже нерѣдко въ ошибки. Такое отношеніе вызывало со стороны знакомыхъ неудовольствіе, и они давали это ему понять, — отыскивать мотивы раздражительности Левитова никто почти не давалъ себѣ труда... Какъ ни прискорбно, но мы должны упомянуть, что между знакомыми его встрѣчались патентованные ученые, смотрѣвшіе на Левитова полуснисходительно и отзывавшіеся о немъ, какъ о недучкѣ, чловѣкѣ мало развитомъ, и давали чувствовать свое превосходство. А, между тѣмъ, этотъ скромный и недоучившійся студентъ, уступая имъ въ знаніи той или другой спеціальности, былъ гораздо развитѣе ихъ, отличался тонкимъ пониманіемъ вещей, обладалъ божественнымъ даромъ таланта художника и отзывчивостью на всѣ «призывы бытія»... Нечего говорить, что дѣла Левитова были изъ рукъ вонъ плохи, что онъ больше запутывался въ долгахъ и страдалъ, какъ отъ нихъ, такъ и отъ постоянной мысли о судьбѣ близкихъ ему лицъ, для которыхъ, при всемъ его страстномъ желаніи, онъ ничего не могъ сдѣлать. Вѣрную и правдивую характеристику Левитова и его жизни въ Петербургѣ дѣлаетъ П. В. Засодимскій, въ своей статьѣ: «Изъ литературныхъ воспоминаній»^{*)}). Эти воспоминанія относятся главнымъ образомъ, къ 1871 году, когда Левитовъ былъ негласнымъ редакторомъ иллюстрированнаго журнала «Сіаніе». Приведемъ въ извлеченіи нѣкоторыя мѣста изъ этой любопытной статьи.

«Судя по первому взгляду», — рассказываетъ авторъ, — «я могъ заключить, что въ ту пору здоровье Левитова было уже сильно расшатано, что жизнь не пощадила

^{*)} «Русское Богатство». 1881 г., № 12.

его и помяла порядочно. Глаза были красные, воспаленные, — лицо худощавое, грудь — впалая и голос слабый, надтреснутый»...

Такимъ показался г. Засодимскому редакторъ «Сіянiя». Но въ этомъ, съ виду слабomъ и больномъ челоvѣкѣ, сохранилось еще столько прекрасныхъ душевныхъ качествъ, столько челоvѣчности и любви къ людямъ. Засодимскій такъ характеризуетъ его:

«Золотое сердце было у Левитова; онъ желалъ всего себя принести на пользу ближнимъ, — и жалѣлъ о недостаткахъ своихъ знаній лишь единственно потому, что не могъ ими служить людямъ. Свои знанія народной жизни, или — вѣрнѣе — души народной, онъ, повидимому, какъ бы ставилъ ни во что... А, между тѣмъ, его золотое сердце и эти знанія стоили большой эрудиціи — не во гнѣвъ будь сказано академикамъ и профессорамъ. Горячая любовь къ людямъ, безкорыстіе, забвеніе самого себя для другихъ и высокіе помыслы не составляютъ привиллегіи ученаго сословія: напротивъ, они очень рѣдко живутъ въ кабинетѣ ученаго. Ни одинъ знаменитый мыслитель, насколько извѣстно, не шелъ за Христомъ; за нимъ шли все какіе-то рыбаки, да увлекающіеся юноши и совсѣмъ необразованныя женщины... На эту тему я часто говорилъ съ Левитовымъ.

«Кстати: онъ жилъ совершенно по ученію Христа — въ томъ отношеніи, что дѣлился послѣднимъ со своимъ неимущимъ братомъ.

Далѣе авторъ рассказываетъ, что когда онъ находился въ затруднительномъ денежномъ положеніи, то на помощь къ нему явился Левитовъ. Дѣло было такъ. Александръ Ивановичъ вмѣстѣ съ П. В. Засодимскимъ отправились къ послѣднему на квартиру.

«Пріѣхали — и вошли въ мою «квартиру», въ мой гнусный, отвратительный сарай, какъ погребъ, сырой и холодный. Жена моя въ ту пору училась и на ту ночь оставалась дежурною у больныхъ. Когда мы вошли, мой маленькій сынъ — ребенокъ больной — лежалъ на рукахъ дремавшей старушки — бабушки. Я провелъ Левитова въ свою комнату. Очевидно, наши холодныя палаты произвели впечатлѣніе на Левитова. Я принесъ охапку каменныхъ углей и затопилъ печь. (Вопросъ, разумѣется, шелъ не о томъ: что лучше, а что дешевле — каменный уголь или дрова. Каменный уголь оказался дешевле, и потому топили имъ)... Затопили печку и съ папиросами подсѣли къ огоньку...

— «Вѣдь эти печки совсѣмъ не приспособлены къ каменному углю»... началъ было Левитовъ, но вдругъ, понизивъ голосъ, перемѣнилъ разговоръ.— «П. В! Вѣдь, такъ же нельзя... ну, право же, нельзя! Вѣдь, вамъ, отецъ родной, деньги нужны... А вы не скажете! Эхъ, да какже такъ можно... Возьмите, пожалуйста,—пока сколько есть...

«Хотя до того времени редакторы мнѣ никогда не предлагали денегъ впередъ, но теперь я не удивился ни мало. Было совершенно въ порядкѣ вещей, чтобы такой редакторъ, какъ Левитовъ, предлагалъ денегъ впередъ... Раскрылся старый кожаный бумажникъ, въ немъ оказалась одна десятирублевка,—и та немедленно перешла въ мои руки. И ужъ такъ-то кстати была она тогда»!..

Мы знаемъ изъ жизни Левитова много подобнаго рода фактовъ... Онъ не только готовъ былъ послѣднимъ дѣлиться съ ближнимъ, но радъ былъ душу свою положить за друга. Мы уже видѣли, какъ онъ близко принималъ къ сердцу горе NN и какъ старался утѣшать его. А вотъ и еще фактъ.

«У Левитова я находилъ не только пріятную, задушевную бесѣду, но и утѣшеніе—рассказываетъ г. Засодимскій.—Въ январѣ 1872 года для меня выпали черные дни. У меня умеръ сынъ—мое первое дитя. Онъ умеръ, какъ я думаю, отъ того, что у меня не было трехъ рублей для того, чтобы немедленно позвать доктора и купить лѣкарствъ, а на похороны деньги явились,—кажется рублей 25.... Мнѣ было тяжело, и я рано утромъ пошелъ къ Левитову... Я удивляюсь теперь: сколько душевной теплоты и участія къ людскому горю сохранилось въ этомъ человѣкѣ, повидимому, такъ сильно помятомъ и разбитомъ жизнью. Мнѣ кажется, никакая женщина не могла бы отнестись ко мнѣ съ большей деликатностью, съ большей нѣжностью, чѣмъ въ то время отнесся ко мнѣ Левитовъ».

Немногіе только знали и понимали Левитова, хотя онъ имѣлъ обширный кругъ знакомыхъ... Редакторомъ «Сіянія» онъ пробылъ, конечно, недолгое время: интрига, зависть и сплетня не замедлили вмѣшаться въ его положеніе....

«Для Левитова—для его доброй, простой души—вся эта литературная суетня, всѣ эти дразги и интриги, прикрывавшіеся иногда звонкими фразами, а въ сущ-

ности бывшія слѣдствіемъ личнаго, мелочнаго самолюбія и безысходной человѣческой тупости,—были возмутительны и глубоко противны... Наконецъ, Левитовъ махнулъ на все рукой и запилъ»...

Нельзя безъ грустной улыбки читать и слѣдующихъ строкъ изъ «вспоминаній» автора:

«Левитовъ иногда очень любилъ показывать видъ, что онъ—человѣкъ «тонкій», практичный... Менѣе практичнаго человѣка я, кажется, еще не видалъ на свѣтѣ. Человѣкъ дѣтски-наивный, онъ, рѣшительно, не умѣлъ обдѣлывать для себя выгодныхъ дѣлишекъ. Его лукавства и хитрости были такъ простодушны, до того прозрачны, что даже младенца не могли бы ввести въ искушеніе. Надъ его хитростями можно было только смѣяться»...

Мысль о давно задуманномъ романѣ не покидала Александра Ивановича. П. В. Засодимскій рассказываетъ:

«Иногда подъ хмѣлькомъ Левитовъ дѣлался откровеннѣе и, отбросивъ ложный стыдъ и путы условныхъ житейскихъ приличій, являлся на распашку во всей непорочности и чистотѣ своихъ помысловъ. Тогда, говоря о своемъ «не написанномъ» романѣ, онъ плакалъ... Я оскорбилъ бы и его память, и самого себя, если бы хотя на мигъ допустилъ ту мысль, что въ тѣ мгновенія плакала въ немъ водка. Нѣтъ, не водка... То плакалъ человѣкъ, глубоко несчастный и, какъ обыкновенно водится на свѣтѣ, достойный лучшей доли; то плакало сердце, всю жизнь обливавшееся кровью, уже съ ранней юности больно уязвляемое, гонимое и въ гоненіи страдавшее... Трогательно было видѣть Левитова въ эти минуты, бывшія для него минутами вдохновенія и самаго высшаго страданія. Онъ говорилъ о своемъ будущемъ романѣ,—и видно было, какъ образы, давно уже созданные его воображеніемъ, образы то смутные, то яркіе—въ тѣ минуты придвигались къ нему, такъ сказать, вплотную, тѣснились къ нему»...

Романъ не давалъ покоя Левитову. Мысль о немъ постоянно преслѣдовала его, и онъ то оживлялся надеждой, что напишетъ и окончитъ задуманное произведеніе, то приходилъ въ полное отчаяніе и старался изгнать изъ головы даже самую мысль о романѣ. Надежда побывать на родинѣ не покидала его, онъ все думалъ, что дѣла его, наконецъ, какъ-нибудь поправятся, и онъ

бросить эту столичную жизнь, которая ему такъ глубоко опротивѣла. Находясь постоянно между надеждами и отчаяніемъ, съ одной стороны, и въ желѣзныхъ когтяхъ нужды и бѣдности, съ другой стороны, онъ пишетъ свои рассказы и очерки, живя въ квартирѣ одного своего знакомаго А. Н. Н-ва, издававшаго журналъ «Охоты и Коннозаводства»... Наконецъ, не выдерживаетъ, и бѣжитъ отъ него въ Москву...

II.

Съ 1872-го и по 1877 г. Левитовъ прожилъ все время въ Москвѣ и подгородныхъ селеніяхъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ 1875 года, когда онъ занималъ должность учителя въ городѣ Козловѣ. Жилъ онъ, по прежнему, гдѣ-нибудь на окраинахъ Москвы, въ подвалахъ или убогихъ каморкахъ, въ обществѣ своего друга К. Д. и двухъ кроликовъ. Только разъ, поселился, было, онъ въ порядочныхъ номерахъ противъ стараго университета; но бѣдность его скоро оттуда выгнала. Еще въ 1872 году, отъ 27 августа, онъ пишетъ редактору журнала «Охоты и Коннозаводства»:

«Любезный другъ, А. Н—чъ! Вамъ должно быть извѣстно, что я эту Москву терпѣть не могу, но хорошая погода, въ настоящее время господствующая въ ней, и обломки, или лучше сказать лохмотья какихъ-то глупыхъ, но, тѣмъ не менѣе, мучающихъ меня думъ, сдѣлали то, что, помимо своей воли, и теперь еще нахожусь въ Москвѣ. По думамъ-то этимъ оказывается, что мнѣ ѣхать-то, въ сущности, некуда. Куда ни кинь, вездѣ клинь.

«Такой тоски, такой апатіи, такого индифферентнаго отношенія ко всякой жизненной штукѣ, я ни разу не примѣчалъ въ себѣ. Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Эдакая мерзость! Вотъ причина, почему я такъ долго не писалъ вамъ.

«Теперь пишу просто-на-просто потому, чтобы дать о себѣ какую-нибудь вѣсть, чтобы вы въ свободное ночное время не отравились мимолетнымъ представленіемъ о томъ, что не лежу ли я гдѣ-нибудь подъ заборомъ, обожравшись водки. Удивляюсь, какъ это до сихъ поръ не случилось! А теперь апатія до того убійственна, что исключаетъ даже мысль о выпивкѣ. Нарѣзался какъ-то одинъ разъ,—скверно стало,—бросилъ—и сижу теперь, какъ филинъ, не отвѣчая никому, не радуясь ничему, не думая ни о чемъ, такъ что самому ненавистно

и мерзко смотрѣть на себя и думать о своемъ прокаженномъ состояніи.

«Можетъ же человѣкъ дойти до такого положенія — и хоть бы не понимать-то его! Нѣтъ вѣдь: все ясно, какъ на ладони!

«Пишу въ «В. Е.»; но все это, хотя подвигается въ смыслѣ скораго конца работы, — ненавистно мнѣ до послѣдней степени. Лопнули и разсѣялись мои иллюзіи, а съ узнанной правдой не могу примириться, точно также и бороться съ ней не могу. Мука!

«И выходить изъ всего этого мерзкій, возмутительный вздоръ.

«Я и отъ васъ самымъ главнымъ образомъ потому уѣхалъ, что не счелъ возможнымъ съ моимъ душевнымъ настроеніемъ въ чемъ-либо быть полезнымъ вамъ. Въ большинствѣ случаевъ я только мѣшалъ дѣлу. Года два уже я думаю о себѣ именно такимъ образомъ по отношенію къ другимъ людямъ. Какъ ни нелѣпо это, но въ эти годы я примѣтилъ, что мои столкновенія съ людьми приносили имъ разнообразныя неудачи, — вслѣдствіе чего я умышленно сторонился отъ новыхъ знакомствъ и манкировалъ старыми.

«Не миновать мнѣ, сердечный другъ, дома сумасшедшихъ. Не знаю только какую мысль въ этомъ новомъ положеніи будетъ коверкать и лепетать мой языкъ и надъ какими именно сумасбродными штуками будутъ потѣшаться дружи мои и искренніи мои.

«Никакъ не отмахнешься отъ такого рода представленій, хотя вполнѣ сознаешь, что не имѣешь никакого права тревожить другихъ ихъ безобразіемъ.

«Напишите мнѣ, не могу ли я здѣсь быть чѣмъ-нибудь полезнымъ вамъ? Всякое порученіе относительно журнала я исполню и съ большою готовностью и съ большою любовью».

Таково было положеніе Левитова. Но онъ не переставалъ работать, и написалъ довольно большую вещь, подъ заглавіемъ «Аховскій посадъ», появившуюся 1873 г. въ журналъ «Грамотей», собралъ все, написанное имъ за послѣднее время, и издалъ въ 1874 году большой томъ своихъ сочиненій подъ общимъ заглавіемъ «Горе сель, городовъ и посадовъ»; третьимъ изданіемъ вышли «Степные Очерки» въ двухъ книжкахъ и новымъ изданіемъ «Жизнь московскихъ закоулковъ». Отъ продажи этихъ изданій онъ получилъ не больше 700 рублей, на которые и долженъ былъ существовать въ теченіи почти пяти лѣтъ

Его маленькія письма и записочки къ пріятелямъ, какъ нельзя болѣе, свидѣтельствуютъ о невѣроятныхъ лишеніяхъ.

«Дорогой Д. В-чъ», пишетъ онъ одному изъ своихъ пріятелей, Т-лю. «Стыдно мнѣ беспокоить тебя своими письмами до послѣдней степени, но фатально преслѣдуемая меня скверность такого свойства, что я опять въ виду положительной нужды, прошу тебя еще помочь мнѣ.

«Болѣе двухъ недѣль, какъ послалъ въ Петербургъ работу и не получаю отвѣта. Заложился до послѣдней возможности.

«Пришли, если можешь, рублей шесть,—нужно платить за квартиру,—просто бѣда!

«Получивши за работу, я поплачусь съ тобой, хотя отчасти.

«Пришелъ бы къ тебѣ когда-нибудь, да стыдно твоей жены».

Дѣло доходило часто до того, что квартирные хозяева выгоняли его изъ убогой конуры; онъ проситъ «немножечко пообождать» и пишетъ къ NN: «пожалуйста, пришли что-нибудь. Теперь меня хозяева замучивать». Пріятель его, за неимѣніемъ у себя денегъ, послалъ ему свое пальто, чтобы заложить и на эти деньги выпутаться изъ затруднительныхъ условій. На лѣто Александру Ивановичу удастся переѣхать на дачу въ деревню Петровское; но безденежье и болѣзнь выживаютъ его съ «дачного воздуха»... Въ сентябрѣ 1874 года онъ пишетъ къ NN, звавшему его перебраться къ себѣ на квартиру.

«Едва, едва могу отвѣчать тебѣ: у меня почти отнялась правая рука и всѣ мои нервы такъ поражены, что я постоянно трясусь, какъ въ злой лихорадкѣ.

«Ни одной копѣйки нѣтъ, чтобы пойти въ больницу. Одинокимъ и полумертвымъ нашелъ меня прошлымъ воскресеньемъ въ моей квартирѣ одинъ добрый человѣкъ и взялъ къ себѣ, гдѣ я и живу теперь.

«Ежели не будетъ лучше, въ воскресенье уйду въ Маріинскую больницу,—нѣтъ у меня силы.

«Получивши это письмо, побывай у Ж—ва (издателя «Горя селъ») и скажи, что въ больницѣ я приготовилъ бы ему очеркъ. Пусть онъ дастъ покамѣстъ хоть 15 руб., которые мнѣ рѣшительно необходимы. Побудь у него завтра между 11 и 12 час. и, ежели получишь, купи пальто, а съ остальными пріѣзжай ко мнѣ. Урезонь его,—скоро ему въ насъ будетъ настоящая надобность. Ежели не получишь, то, пожалуйста, напиши мнѣ что-нибудь въ тотъ же день».

Друзья его, Н. М. Б—овъ, переселившіеся снова въ Москву, Д. В. Т—лло и NN стараются всѣми силами поддерживать его нравственно, и онъ среди ихъ, на время, какъ будто, оживаетъ и снова вѣрять въ наступленіе для него лучшихъ дней...

В. А. Дементьева уже не было тогда на свѣтѣ: онъ умеръ еще въ 1871 году, на дворѣ типографіи газеты «Русскій», которую издавалъ Погодинъ и въ которой Д—въ принималъ участіе. Его нашли утромъ лежащимъ посреди двора, на мягкомъ пушистомъ снѣгѣ, выпавшемъ въ ночь съ 14 на 15 сентября,—оказалось, что онъ замерзъ!..

Послѣдовательно, годъ за годомъ выходили въ свѣтъ новыя изданія сочиненій Левитова, о которыхъ мы упоминали, — сочиненія эти, являясь во время литературнаго оскудѣнія, должны бы, казалось, обратить на себя вниманіе нашей критики. Съ Левитовымъ случилось, какъ разъ, наоборотъ: и «Степные Очерки», и «Жизнь московскихъ закоулковъ»; и «Горе селъ», критика встрѣтила полнымъ молчаніемъ; это молчаніе печати подбавляло яду и безъ того уже въ отравленную жизнь Александра Ивановича.

— Пѣсенка моя слѣта,—горько жаловался Левитовъ:—меня ужъ больше не замѣчаютъ...—и онъ страшно мучился.

Сначала 1875 года онъ началъ быстро худѣть, кашель не покидалъ его ни на часъ, и онъ постоянно жаловался на боль въ груди. Отъ 4 января онъ писалъ NN.

«Надобность быть у доктора сдѣлалась для меня рѣшительно необходимою. Нынѣ ночью, въ первый разъ въ жизни, изъ горла у меня вышло столько крови, что ею смочены были двѣ салфетки и большая часть пола. Теперь ощущаю досадный звонъ въ головѣ».

— Видно, умирать приходится,—печально поникнувъ головой, жаловался онъ...

Но жаловался онъ только немногимъ и очень близкимъ людямъ; сторонніе никогда ни слова отъ него не слышали: жизнь его приучила къ терпѣнію и къ молчанію.

— Терпи,—говаривалъ онъ одному своему молодому другу;—видно нашъ удѣлъ съ тобой таковъ.

И онъ терпѣлъ до конца...

Осенью того же года Ал. И—чъ уѣхалъ въ Козловъ на мѣсто учителя, но зимой снова былъ въ Москвѣ и поселился въ подвалѣ... Весной 1876 года NN оставилъ Москву и уѣхалъ въ провинцію. Наканунѣ отъѣзда онъ получаетъ отъ Левитова коротенькую въ шуточномъ тонѣ записочку.

«Странникъ, посылаю тебѣ пальто и три бочки золотыми монетами на твою путь-дорогу.

«Завтра несомнѣнно въ 8 часовъ утра приду на твои проводы». Левитовъ не хотѣлъ въ тотъ же день идти къ NN, полагая, что у того соберется много знакомыхъ—онъ чуждался общества и людей ему мало знакомыхъ... Однако, не выдержалъ и вечеромъ явился. Какъ онъ былъ доволенъ и счастливъ, когда нашелъ у NN только двоихъ общихъ пріятелей.

— Такъ ѣдешь завтра?—началъ Ал. И—чѣ, расположившись на кушетку, и, поглаживая бородку, устремилъ взоръ на хозяина.

— Непремѣнно. Вещи уложены, и все готово.

— Дѣло. Махай съ Господомъ, только не забывай, смотри, присылать намъ почаще гостинцевъ,—шутилъ Ал. И—чѣ.—А пока, посылалъ бы ты купить на пяточекъ водочки: надо мнѣ, старичку, вспрыснуть твою путь-дорожку!

Выпивъ рюмку вина, Левитовъ сдѣлался болѣе разговорчивымъ и принялся излагать планъ задуманнаго имъ новаго разсказа съ такой живостью и юморомъ, въ такихъ конкретныхъ формахъ и образахъ, что собесѣдники его заслушивались и въ душѣ радовались за разскащика. Замѣтивъ сочувствіе пріятелей, онъ преобразился, лицо его помолодѣло и, весь какъ-то встрепенувшись, точно разомъ хотѣлъ сбросить съ себя все тяжелое, продолжалъ съ увлеченіемъ.

— Нѣтъ, это чтó—эскизъ, разсказецъ—не больше. Вотъ мой романъ—другое дѣло: тамъ будетъ, гдѣ разойтись моей фантазіи, въ немъ я покажу положительные и отрицательные идеалы русской жизни... Что это, господа, за странное, за больное время мы переживаемъ: лучшіе люди не знаютъ куда имъ приткнуться, что имъ дѣлать, и отсюда—масса всякаго рода безобразій, непониманія самыхъ простыхъ вещей и какое-то тупое озлобленіе, страшныя междоусобныя битвы?!. Куда ни обернись, все такъ печально, безнадежно... никакой солидарности, никакой устойчивости мысли и опредѣленныхъ убѣжденій не видишь, каждый живетъ и дѣйствуетъ въ одиночку, держа за пазухой камень съ цѣлью, при первой возможности, запустить имъ въ своего ближняго... Но я все-таки примѣчаю въ современной безалаберности признаки чего-то нарождающагося лучшаго, что дастъ намъ, съ Божьей помощью, выйти изъ заскорузлости и выступить на путь здороваго развитія нашихъ силъ. Я почему-то глубоко вѣрю въ будущее Россіи, и надѣюсь, что мы не пропадемъ... Не еще же тысячу лѣтъ мы будемъ только одними галманами да огалтѣлыми... Будетъ, посрамялись ужъ немало живучи-то на бѣломъ вольномъ свѣтѣ!..

Онъ говорилъ много, горячо и съ видомъ человѣка убѣжденнаго, вѣрующаго...

— Ахъ, братъ! — воскликнулъ Ал. И — чѣ, обращаясь къ NN: — какъ ты счастливъ, что имѣешь возможность уѣхать изъ Москвы... Сколько новыхъ впечатлѣній, новыхъ типовъ и характеровъ теперь можно встрѣтить на Руси... Постой, какъ напишу романъ — укачу въ деревню и тамъ, въ тиши этой благодатной, вдали отъ всякой столичной лжи, гнуснаго лицемѣрія и безсердечности умныхъ попу-гаевъ, буду потихоньку жить и спокойно работать. Чудесно!..

Левитовъ вдругъ закашлялъ...

— Эка, привязался ко мнѣ этотъ дурацкій кашель!.. —

Онъ подошелъ къ столу и выпилъ рюмку.

— Нѣтъ, чего ужъ тутъ напрасно пѣтушиться, — заговорилъ онъ вдругъ упавшимъ голосомъ, начиная хмѣлѣть отъ трехъ выпитыхъ рюмочекъ: — пѣсенка спѣта...

И онъ вполголоса запѣлъ:

«Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая,
Горько она, моя бѣдная, пла
И, какъ степной огонекъ, замерла».

Слезы лились по его исхудалымъ, высохшимъ щекамъ, и онъ, съ рыданіями въ горлѣ, продолжалъ тихимъ голосомъ:

«Что-же? усни моя доля суровая!

Крѣпко закроется крышка сосновая,

Плотно сырою землею придавится —

Только однимъ человѣкомъ убавится...

Убыль его никому не больна —

Память о немъ никому не нужна».

Въ полночь всѣ разошлись. Хозяинъ оставлялъ Левитова у себя ночевать; но тотъ не согласился: «нѣтъ, пойду», говорилъ онъ и суетился, отыскивая свою палку. NN пошелъ его проводить до ближайшаго бульвара.

Ночь стояла чудесная, — весенняя и лунная; столичный грохотъ смолкъ, и на бульварахъ все было тихо и безлюдно... Свѣжая зелень распустившихся липъ, звѣздное синее небо и полный мѣсяцъ, разливавшій таинственный полусвѣтъ, пахнули чѣмъ-то ободряющимъ на Левитова.

— Присядемъ на минуточку, — сказалъ онъ NN. — Что за ночь — Господи! — заговорилъ онъ, глядя на сверкавшія въ темной лазури звѣзды и молодую, пахучую зелень листьевъ. — Невольно встаетъ передъ тобою давно забытое дѣтство, сны и грезы юности... Сколько

тамъ было хорошаго, идеально-чистаго и святаго!.. Все это прошло и сны разлетѣлись, а небо по прежнему такъ же прекрасно и такъ же ясно горять эти чудныя звѣзды!.. Неужели все ужъ погибло? Неужели нѣтъ спасенія?..

Это былъ поэтическій монологъ, и NN въ своемъ пересказѣ не могъ его воспроизвести и передать...

— Не бойся!—заклучилъ Левитовъ, быстро поднимаясь и протирая очки.—Не бойся, скоро я не умру.. Есть еще сила на борьбу и не умерли идеалы!

Онъ крѣпко обнялъ NN, заплакалъ и кинулся отъ него бѣжать по бульвару...

Послѣдніе мѣсяцы жизни Александра Ивановича едва ли подлежатъ описанію: это были мѣсяцы медленнаго, но ничѣмъ неотвратимаго угасанія жизни, горькаго сознанія, что передъ нимъ уже «вырыта заступомъ яма глубокая»...

Н. Н. Златовратскій, пріѣхавшій осенью 1876 года въ Москву, былъ пораженъ его худобою и болѣзненнымъ видомъ. Вотъ что сообщилъ намъ Н. Н.

«Невыносимо тяжело было видѣть Левитова послѣдніе мѣсяцы его жизни. Онъ былъ невообразимо худъ, до того, что его можно было поднять, какъ ребенка; грудь его разрывалась зловѣщимъ кашлемъ, который мучилъ его по полу-часу, и при этомъ, не смотря на осеннюю холодную погоду, онъ прикрывался однимъ пледомъ, жилъ въ сырѣ, холодномъ, затхломъ номерѣ гостинницы, за который нечѣмъ было платить. Приходилось пить, чтобы хоть чѣмъ нибудь согрѣть свою изболѣвшую грудь, свое измерзшее тѣло... Вплоть до отправленія его въ клинику онъ работалъ, уже кашляя кровью, надъ своимъ очеркомъ «Всеядныя», оставшимся немного неоконченнымъ».

Нужда заставляетъ его отослать рукопись, еще неоконченную, въ редакцію съ тѣмъ, чтобы получить хотя часть гонорара впередъ; но вмѣсто ожидаемыхъ денегъ, онъ получаетъ увѣдомленіе, которое наноситъ послѣдній ударъ страдалцу.

«Можете себѣ представить,—разсказываетъ Н. Н. Златовратскій,—каково было его положеніе и наше удивленіе,—когда этотъ трудъ, писанный при такихъ возмутительныхъ условіяхъ, на который возлагалась надежда на пріобрѣтеніе лѣкарствъ и перемѣну квартиры,—потерпѣлъ крушеніе:—издатель, въ журналъ котораго было начато печатаніе этого очерка, заявилъ письменно, что продолженіе этого труда по какимъ-то причинамъ не будетъ напечатано! Александръ

Ивановичъ не выдержалъ и тотчасъ же, накинувъ свой пледъ, поѣхалъ къ издателю... На дворѣ былъ морозъ, вьюга... Онъ вернулся разбитый въ конецъ, уничтоженный послѣднимъ ударомъ злой судьбы, которая такъ неустанно преслѣдовала его и такъ вѣрно поразила въ заключеніе... Больше уже не было на борьбу ни силъ, ни желанія. Онъ часто говорилъ намъ, въ послѣдній мѣсяцъ нашего знакомства съ нимъ: «Нѣтъ, должно быть—баста!.. Мысль устала—вотъ что ужасно, — мысль застыла и не работаетъ больше мозгъ»!!!

Но это была неправда: мысль его работала и образы не покидали его до самой послѣдней минуты. Въ декабрѣ мѣсяцѣ Н. Н. Златовратскій получилъ отъ него записочку.

«Дорогой Н. Н., я въ самомъ центрѣ самага тепла и какой-то милой, безмолвной тишины, то есть, въ клиникѣ, въ 18 палатѣ, на Рождественкѣ. Жду васъ, какъ можно, скорѣе, потому что мнѣ очень нужно переговорить съ вами по дѣлу моему съ X—мъ объ исправленіи и окончаніи очерка,—что мнѣ, поправившись здоровьемъ, будетъ сдѣлать очень удобно».

Эти строки Александръ Ивановичъ писалъ не задолго до смерти. Онъ даже и на краю могилы не переставалъ горячо любить свое дѣло и не разставался съ міромъ идеаловъ.

За два дня до Рождества, онъ дрожащею рукою пишетъ къ К. Д.

«Какъ только ты получишь это письмо, сейчасъ же по дорогѣ купи мнѣ въ Сундучномъ ряду 4 пирожка съ рисомъ и семгой. Мнѣ больничная пища опротивѣла какъ дьяволъ,—и я хотя изрѣдка и тайно, но все же буду пользоваться, чѣмъ мнѣ нравится. Все рветъ отъ хины, весь организмъ ужасно ажитированъ. Я тебѣ еще дамъ 5 рублей».

4 января 1878 года Александръ Ивановичъ тихо и покойно заснулъ... Заснулъ навсегда, посылая свой прощальный привѣтъ дорогой своей матери-родинѣ, и всѣмъ друзьямъ. Онъ скончался на 42 году своей жизни въ университетскихъ клиникахъ, на рукахъ К. Д., ни разу не измѣнивъ чувству любви и долга къ своему другу.

На деньги, собранныя по подпискѣ между студентами университета и знакомыми покойнаго, его похоронили на Ваганьковскомъ кладбищѣ, рядомъ съ другимъ писателемъ и его знакомымъ, М. А. Вороновымъ; густая толпа университетской молодежи несла гробъ съ

покойнымъ на рукахъ до самой могилы и теплымъ словомъ проводила на вѣчный покой безмолвнаго страдальца.

Александръ Ивановичъ, наконецъ, дождался своего «праздника»...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Такъ угасла, послѣ нескончаемой битвы и всевозможнаго рода страданій и мукъ, жизнь писателя «разночинца».

Мы рассказали о жизни А. И. Левитова все, что знали и что можно было рассказать, не скрывая отъ читателя слабыхъ сторонъ характера покойнаго; мы привели много писемъ Левитова и его друзей, сдѣлали извлеченія изъ неопубликованныхъ нигдѣ записокъ и напечатанныхъ уже статей, чтобы полнѣе представить жизнь нашего писателя; мы вездѣ предоставляли говорить за себя фактамъ, воздерживаясь отъ личныхъ взглядовъ и субъективныхъ выводовъ, за исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, въ которыхъ необходимо было высказать свое мнѣніе. Если нашъ очеркъ страдаетъ пробѣлами, то знакомство съ личностью Левитова и его жизнью могутъ восполнить сочиненія автора, которыя въ данную минуту передъ читателями.

Теперь естественно, самъ собою встаетъ вопросъ: что же Левитовъ могъ внести въ литературу новаго, что этотъ нервно-больной, раздражительный и незнавшій почти никогда радости человѣкъ въ состояніи былъ написать такого, что заслуживало бы хотя малѣйшаго вниманія?

Дѣло критики разобрать подробно сочиненія Левитова и опредѣлить ихъ значеніе въ литературѣ. Мы, съ своей стороны, ограничимся только общимъ и бѣглымъ взглядомъ на его литературную дѣятельность.

Левитовъ внесъ и внесъ нѣчто весьма крупное въ нашу литературу, обогативъ ее новыми художественными произведеніями и оставивъ видный слѣдъ. Его литературныя произведенія сдѣлаются достоянствомъ не одной исторіи культуры, но и исторіи литературы. Еще въ началѣ нашего очерка, мы упомянули, что Левитовъ былъ однимъ изъ симпатичнѣйшихъ и типичнѣйшихъ писателемъ эпохи 60 годовъ: не говоря уже о его, выдающемся изъ ряда вонъ, талантѣ, онъ и по образу своей жизни, и по призванію былъ именно такимъ литераторомъ. Если Тургеневъ и Григоровичъ познакомили читающую публику съ крестьяниномъ и вызвали къ послѣднему симпатіи общества, то Левитовъ показалъ намъ самую душу крестьянина и того

«мелкаго», «ничтожнаго» люда, которымъ кишатъ наши города, посады и подгородныя селенія и за которымъ ничего другаго, кромѣ испорченности нравовъ, грубости и невѣжества, многіе не признавали да и теперь, пожалуй, еще не признаютъ. Какъ на попытку воспроизведенія жизни и нравовъ населенія столичныхъ «закоулковъ», можно было бы указать на очерки и рассказы И. Т. Кокорева, писателя пятидесятихъ годовъ, но послѣдній, не смотря на всю задушевность своего таланта, не далъ намъ и намека на то, что потомъ съ замѣчательной силою раскрылъ и такъ мастерски изобразилъ передъ нами Левитовъ. Все, что Левитовымъ написано, прошло не только черезъ его умъ и сердце, но было прямымъ выраженіемъ пережитаго и перечувствованнаго самимъ авторомъ: это—главная и отличительная черта всѣхъ литературныхъ произведеній Левитова. Онъ не фотографъ, не простой наблюдатель со стороны, а человѣкъ, всецѣло принадлежащій той средѣ, которую изображалъ онъ въ своихъ поэтическихъ и художественныхъ созданіяхъ. Еще критикъ «Современника», говоря о выходѣ перваго изданія «Степныхъ Очерковъ», проводитъ рѣзкую грань между Левитовымъ и другимъ писателемъ 60 годовъ, Слѣпцовымъ. Онъ говоритъ:

«Прежде всего нельзя не обратить вниманія на ту теплую задушевность, которой вы не найдете въ разсказахъ Слѣпцова и которою дышатъ очерки Левитова; эта задушевность можетъ принадлежать только человѣку, описывающему явленія и лица, наполняющія воспоминаніе лучшихъ дней жизни, явленія, среди которыхъ человѣкъ взросъ, о которыхъ,—худы ли, хороши-ли они,—онъ не можетъ говорить равнодушно. Въ то время, какъ Слѣпцовъ рисуетъ передъ нами народъ только съ одной обыденной стороны его общественныхъ отношеній и его невѣжества, Левитовъ пытается представить жизнь обитателей южныхъ степей со всѣхъ ея сторонъ; здѣсь вы найдете вліяніе на степняковъ природы, семейства, общества и цивилизаціи; не скрывая мрачныхъ сторонъ этой жизни, Левитовъ выставляетъ и тѣ явленія, которыя, мелькая свѣтлыми лучами въ темномъ царствѣ, составляютъ зачатки хорошаго будущаго» (Современникъ, 1866 годъ, № 4).

Но критикъ «Современника» имѣлъ въ виду только одни «Степные очерки», и притомъ появившіеся въ печати въ четырехъ-лѣтній періодъ литературной дѣятельности Левитова, а послѣдняя продолжалась еще 12 лѣтъ, въ которыя авторъ раздвинулъ первоначальныя рамки и

захватилъ жизнь гораздо шире и глубже. Самыми лучшими, художественно законченными произведеніями вышли изъ-подъ его пера, конечно, тѣ, которыя посвящены его дорогой родинѣ, изображенію жизни простыхъ и неиспорченныхъ людей деревни и села. Позднѣе, когда Левитову пришлось вкусить отъ плодовъ столичной жизни, онъ съ такой же реальностью и съ такимъ же лиризмомъ изображалъ жизнь разночинца, пролетарія и людей, гибнувшихъ въ омутахъ столичной жизни. Но и здѣсь, въ рисовкѣ типовъ и характеровъ онъ остается всегда вѣренъ самому себѣ: онъ глубоко скорбитъ о чело-вѣческихъ несчастіяхъ, страдаетъ и мучится вмѣстѣ съ своими героями и безмѣрно ихъ любитъ, не смотря на всѣ ихъ нравственные уродства и искаженія чело-вѣческаго образа... Когда эти герои и ихъ жизнь черезъ чуръ уже терзали его душу, онъ снова уносился воображеніемъ въ деревню, въ міръ простыхъ людей и отдыхалъ на нихъ нравственно. И сколько прелестныхъ, граціозныхъ и реальныхъ образовъ, характеровъ и типовъ создалъ намъ Левитовъ! Стоитъ только при-помнить эту прекрасную дѣвушку въ очеркѣ «Цѣловальничиха», маленькаго музыканта горбуна и его подругу дѣвочку («Горбунъ»), идеалиста дьякона («Яковъ Петровичъ Сыроѣдовъ»), фигуру Петра Крутаго и стараго солдата, Анчелюста («Степныя Выселки»), Илюши и старика Акима («Аховскій посадъ»), прапорщика Бжебжицкаго и всю честную компанію этихъ «комнатъ снебелю» и т. п. А добродушный юморъ, а эти живописныя описанія и разбросанныя почти повсюду благоухающіе цвѣты чистой поэзіи! Трудно указать въ нашей современной литературѣ другаго писателя, который могъ бы сравниться съ Левитовымъ по глубинѣ чувства, картинности описаній, рельефности въ обрисовкѣ фигуръ и захватывающему духъ читателя лиризму (корифеевъ-художниковъ мы не беремъ). Ко всему этому надо еще прибавить оригинальность и музыкальность языка, строгую во всемъ правду и отсутствіе всякой преднамѣренности въ воспроизведеніи жизни, безъ чего, конечно, немыслимо ни одно истинно художественное произведеніе.

Первый трудъ Левитова, начатый имъ еще въ бытность его въ академіи: «Типы и сцены сельской ярмарки» (Праздникъ), носить на себѣ слѣды вліянія Гоголя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и свидѣтельствуетъ объ оригинальномъ талантѣ автора. По эпиграфу, взятому изъ Гоголя, можно уже было догадываться, чѣмъ Левитовъ явится въ нашей литературѣ. И онъ не измѣнилъ своему девизу до конца: «Русь, Русь—открыто, пустынно и равно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки непримѣтно торчатъ среди равнины невысокіе твои города;

ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? И эта сила влечетъ его въ глубины народной жизни, въ московскія комнаты «снебелью», притоны и вертепы поддонковъ и всякаго отребья челоуѣчества, съ тѣмъ, чтобы показать обществу на свѣтлыя и темныя стороны народной жизни, раскрыть передъ нимъ язвы общественной неурядицы и выставить всѣ ужасы паденія людей, вызывая къ послѣднимъ чувство сожалѣнія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, угрызенія совѣсти... Ни къ кому такъ не примѣнимы слова Берне, какъ къ Левитову: я пишу не чернилами, а сокомъ нервовъ и кровью моего сердца.

Въ произведеніяхъ Левитова, неразрывно связанныхъ съ его собственной жизнью, очень мало находимъ вещей, которыя были бы посвящены сѣверу—мѣсту его подневольнаго пребыванія во время ссылки. Это фактъ, еще разъ подтверждающій то положеніе, что онъ боялся самаго воспоминанія объ этихъ чудовищныхъ годахъ своей жизни. Только въ очеркѣ «Говорящая Обезьяна», спустя болѣе десяти лѣтъ по возвращеніи изъ Вологды, онъ рѣшается свои воспоминанія вложить въ уста героя художника.

«Въ шумѣ елей, сосенъ и лиственницъ, въ плескѣ вашихъ красавицъ сѣверныхъ рѣкъ, въ жалобномъ крикѣ не на смерть подстрѣленнаго зайца или рябчика мнѣ все слышался одинъ и тотъ-же шепотъ: иди, иди.

«А ночи—эти длинныя зимнія ночи, съ ревушими метелями, заваливавшими наше жильѣ вровень съ крышей, съ завываніями голодныхъ волковъ,—о какъ тяжело было мнѣ проводить ихъ, не смыкая глазъ ни на одну секунду! Бывало, смотришь въ окно на вашъ яркій, насмѣшливый мѣсяцъ—до одурѣнія дойдешь. По необозримымъ снѣжнымъ равнинамъ, растилавшимся за нашей избушкой, забѣгаютъ, бывало, озолоченныя мѣсячными лучами прихотливыя, сквозныя фигуры,—какія фантастическія пляски поднимутъ онѣ! Къ самому небу вздымать они снѣжную пыль, на-сквозь прохваченную золотомъ мѣсяца...

«Такимъ образомъ цѣлыхъ два года я былъ одинъ—съ лѣсомъ, съ ребятами да съ тобой; но и тебѣ ежели я говорилъ и доказывалъ, что въ Петербургѣ, должно быть, теперь лучше, за то никогда ни однимъ словомъ не пытался обрисовать ту жгучую страсть, съ какой мнѣ хотѣлось посмотреть на это лучшее. До того я боялся испугать твою крѣпкую, вѣрившую юность характеристикой разныхъ болѣзненныхъ стремленій, неизбѣжныхъ въ челоуѣчествѣ, какъ прорѣзь зубовъ.

«Вмѣстѣ рука съ рукой ринулись бы мы съ тобой дѣйствовать въ рисовавшемся мнѣ лучшемъ и... и молодое сердце твое разбилось бы, потому что лучшаго не было, а у меня очутилось бы болѣе однимъ гнетущимъ сознаніемъ, что я, послѣ известной опытности, принялъ иллюзію за правду, отъ чего пострадалъ другой человѣкъ. Трудно на бѣломъ свѣтѣ найти что-нибудь мучительнѣй этого сознанія»!..

Каждый разсказъ, каждый очеркъ, какъ ни былъ бы онъ незначителенъ по объему, всегда заключаетъ въ себѣ богатое содержаніе, выраженное съ необыкновенной яркостью, живостью и оригинальностью. Рѣдко можно встрѣтить строку ~~изъ~~ ^{всего} сочиненія Левитова, на которой не лежало бы отпечатка пережитаго самимъ авторомъ, глубоко имъ прочувствованнаго и вѣрнаго дѣйствительности. Писалъ на клочкахъ или почтовыхъ листикахъ красивымъ и мелкимъ почеркомъ; помарки встрѣчались очень рѣдко, потому что Левитовъ садился къ письменному столу не только съ выношенной мыслью и образомъ, но и съ готовою формою для ихъ выраженія. Всѣ свои вещи онъ тщательно обрабатывалъ. Случалось, что нужда заставляла его иногда отсылать въ редакцію какой-нибудь отрывокъ или неоконченную вещь; но во всей его дѣятельности мы найдемъ лишь нѣсколько случаевъ, когда онъ рукописи свои отдавалъ неполнѣ обработанными: онъ скорѣе готовъ былъ переносить всякія лишенія, чѣмъ печатать небрежно написанныя вещи. Левитовъ былъ литераторомъ въ истинномъ, высокомъ значеніи этого слова; онъ глубоко чтилъ лучшія литературныя традиціи и никогда не позволялъ себѣ изъ печатнаго слова дѣлать орудія для выраженія личныхъ отношеній...

Талантъ Левитова, не смотря на всѣ несчастія его жизни, не ослабѣвалъ и, кажется, прогрессировалъ до самаго поступленія въ клиники. На это указываютъ его послѣднія произведенія и особенно очеркъ «Всеядныя», написанный авторомъ за какой-нибудь мѣсяць до кончины. Мы встрѣтимъ между сочиненіями Левитова превосходныя и слабыя, но достоинства ихъ или недостатки зависѣли не отъ времени, а отъ тѣхъ гнетущихъ обстоятельствъ, при которыхъ писались эти произведенія. Одинъ изъ нашихъ критиковъ, именно, г. Скабичевскій высказалъ очень вѣрное замѣчаніе о талантѣ Левитова. Не тому надо было удивляться, что Левитовъ не написалъ какого-нибудь романа или очень большой вещи; а тому, что талантъ его не упалъ и сохранился на высотѣ «Степныхъ Очерговъ» до 40 лѣтъ жизни. Это замѣчаніе относится не къ одному Левитову... Въ немногихъ бума-

гахъ, оставшихся послѣ Александра Ивановича, состоящихъ изъ лоскутковъ, записныхъ книжекъ и т. п., находятся разныя замѣтки, планы новыхъ работъ, начатыя страницы и наброски нѣкоторыхъ главъ романа «Сны и Факты» и шестая глава «Аховскаго посада—новыя времена». Нѣтъ сомнѣнiя, что если бы въ послѣднiе годы судьба надъ Левитовымъ сжалилась и дала ему средства, при помощи которыхъ онъ могъ уѣхать на продолжительное время куда-нибудь въ Крымъ или на Кавказъ, гдѣ бы онъ отдохнулъ и лѣчился безъ тревожной мысли о кускѣ хлѣба, то читающая русская публика имѣла бы не одинъ романъ Александра Ивановича Левитова, но два или и болѣе, созданные истиннымъ художникомъ и поэтомъ. «Земля наша можетъ гордиться», говоритъ г-нъ Засодимскiй въ своей статьѣ, «что въ ней родятся такіе люди, какъ Левитовъ и подобные ему. И ужь, разумѣется, не ихъ вина, если большая часть ихъ талантовъ темною ночью зарывается въ землю чьею-то невѣдомою рукою»...

Намъ остается сказать немного, и мы окончимъ нашъ очеркъ. Левитовъ никогда не принадлежалъ ни къ какой партіи или литературному лагерю: онъ былъ поэтъ—художникъ и стоялъ выше всѣхъ партійныхъ или кружковыхъ воззрѣнiй. Онъ ничего не писалъ въ угоду тѣмъ или другимъ требованiямъ критики;—въ этомъ, можетъ быть, лежитъ и причина его меньшей извѣстности сравнительно съ другими писателями 60-хъ годовъ, уступавшими Левитову въ талантъ и художественномъ воспроизведенiи жизни. Онъ былъ поэтъ и держался въ литературѣ самостоятельно, чуждый всякихъ заискиванiй и желанiя эфемерной славы; онъ помнилъ завѣтъ великаго русскаго поэта.

«Дорогою свободной

Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ»...

Для характеристики приведемъ еще выдержку изъ той же статьи Засодимскаго.

«Онъ вышелъ изъ деревни, можно сказать, изъ народа, и всю жизнь, до гробовой доски, онъ любилъ этотъ народъ всѣмъ сердцемъ, всей душой. Всѣ помыслы его посвящались народу, и въ немъ самомъ всю жизнь сказывался простой и симпатичный русскiй человѣкъ. Иной разъ слушаешь его и кажется тебѣ, что передъ тобой—не литераторъ, но переодѣтый мужикъ,—до того цѣло сохранился въ немъ характерный складъ мысли и рѣчи народной... Но это былъ хорошiй мужикъ, глубоко развитый нравственно и ни разу не разстававшiйся въ жизни съ мыслию объ общемъ благѣ. Начиная съ са-

мыхъ мелочей жизни и кончая «хорошими вещами» — журналами, оставшимися въ мечтахъ, «недописаннымъ» романомъ, кончая, наконецъ, тѣми его произведеніями, которыя были напечатаны—однимъ словомъ, во всемъ отразился человѣкъ, стойко, неуклонно шедшій къ своей цѣли, обрывавшійся, спотыкавшійся, получавшій ударъ то съ той, то съ другой стороны за свое упрямство и все-таки изо дня въ день ведшій «свою линію». Это выносящее упорство въ одно и то же время, съ одной стороны, роднило его съ мужикомъ, а съ другой стороны—проводило между ними нѣкоторую разницу, ибо упорство Левитова не оставалось пассивнымъ сопротивленіемъ, но постоянно переходило въ наступленіе... Посреди всяческихъ отступничествъ и ренегатствъ, посреди мелочныхъ интригъ и борьбы литературныхъ самолюбіи, шелъ онъ своей «дорожкой», лишь въ минуты черныя мурлыча сквозъ зубы свою неизвѣстную пѣсню.

«Про него можно сказать: «Вотъ человѣкъ, не смотря на всѣ грустныя перипетіи своей жизни, сохранившій въ себѣ «душу живу».

П. В. Засодимскій заканчиваетъ свои воспоминанія о Левитовѣ слѣдующими словами:

«Левитовъ былъ истый народникъ—въ лучшемъ, благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Это слово, въ видѣ эпитафіи, и слѣдовало бы начертать на крестѣ или на камнѣ, если таковыя найдутся на его забытой могилѣ».

Мы, вполнѣ признавая за Левитовымъ народнаго писателя въ лучшемъ, благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова, должны прибавить, что на вопросы людей, пожелавшихъ бы узнать, какіе идеалы онъ носилъ въ своей душѣ, Левитовъ, не смущаясь, отвѣтилъ бы всѣмъ словами горячо любимаго имъ маркиза Позы:

...Вѣкъ щедушный

Не вырѣлъ для моихъ прекрасныхъ идеаловъ,—
Я гражданинъ грядущихъ поколѣній»!..

1p.
523/18 45

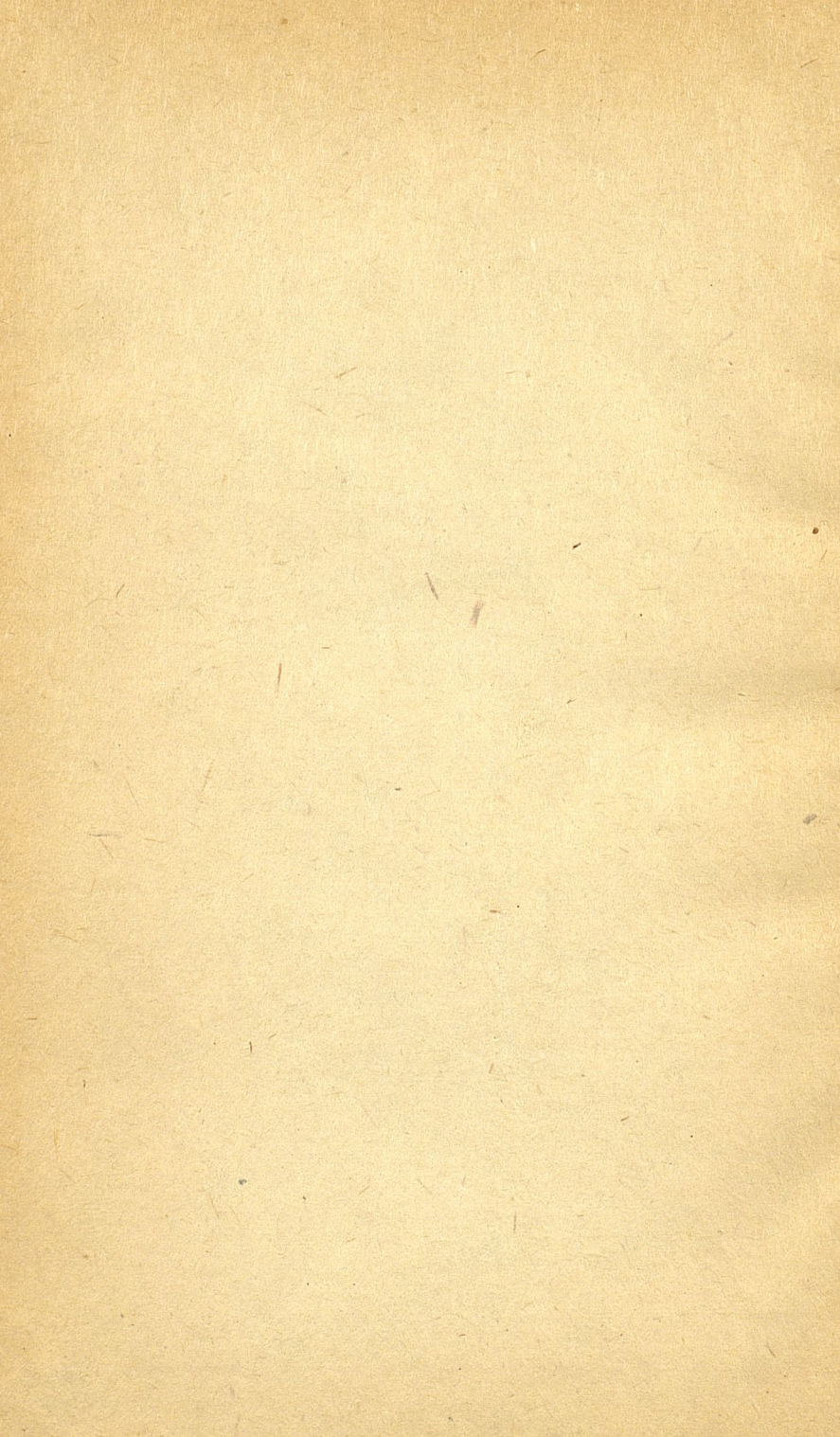
33 cu

12

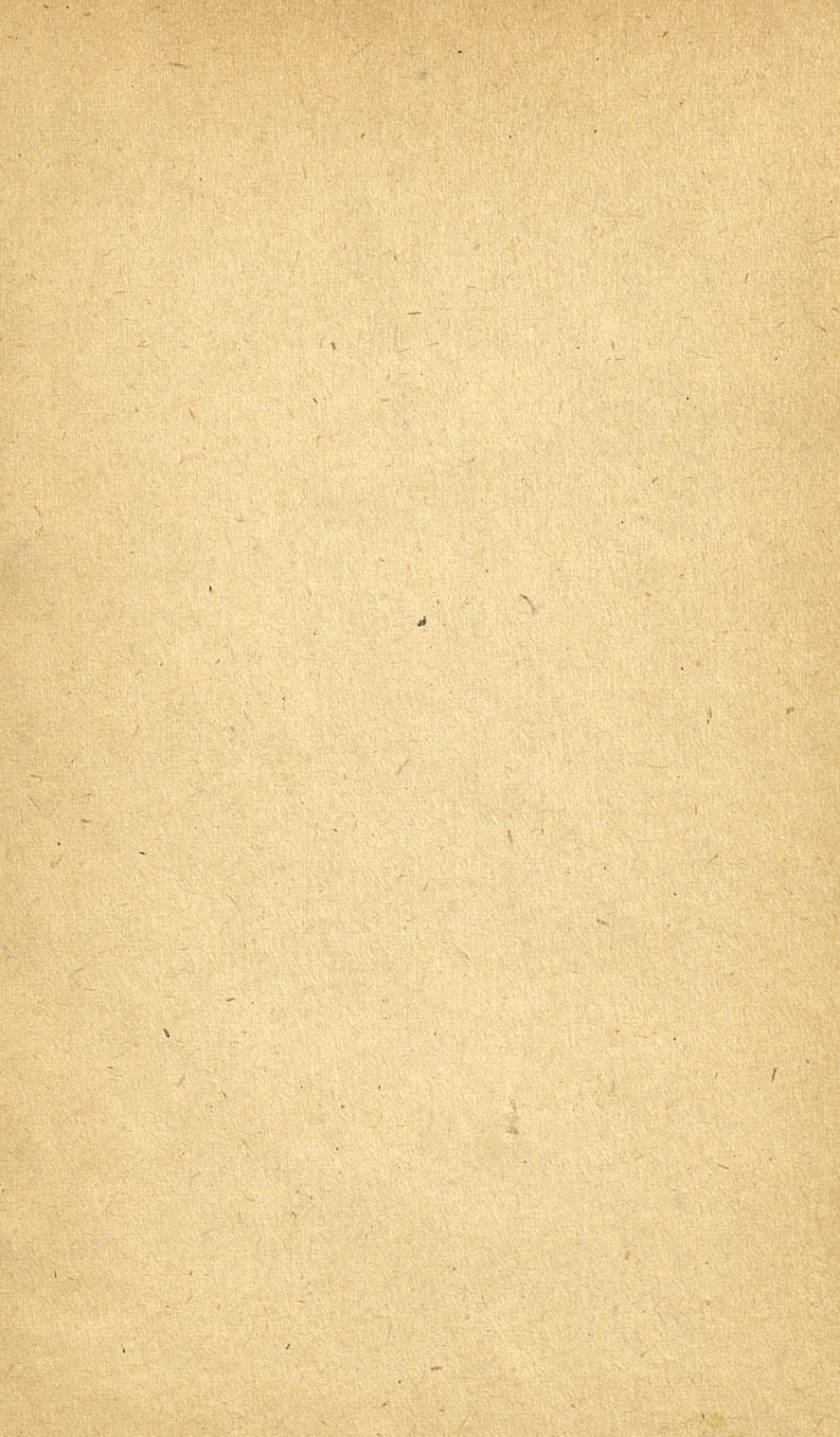

2007054456